

7 1965
ИЮЛЬ

На страницах номера:

Алжир. Фотоэтюд Н. РЯСИНА

Журнал основан в 1861 году.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

Ю. ТЫССОВСКИЙ

Фото А. ГОРЯЧЕВА

Горячий ветер Нубии врывался в приоткрытое боковое стекло, не принося прохлады. Справа от дороги не спеша бежал мутно-коричневый Нил. Шоссе приблизилось к берегу, и сразу почувствовалось влажное дыхание реки. А слева застыла однообразная серо-желтая пустыня с раставшей и оплывшей от зноя горной цепочкой на горизонте.

Миновали Абу Риш, нубийскую деревушку, тесно прильнувшую к безымянной горе. У самого шоссе стоял домик. Казалось, на глиняно-сером фоне пустыни он демонстрирует известковую белизну своих стен. На белом, слепящем фоне стены я увидел какие-то забавные рисунки, выполненные синей и красной красками. Машина пронеслась мимо, и я успел лишь разглядеть огромное лучистое солнце, рядом скорпиона, пароход с курчавым шлейфом дыма и какое-то странное кубическое здание.

— Фарук, — обернулся я к шоферу-нубийцу, — что это за рисунки на доме?

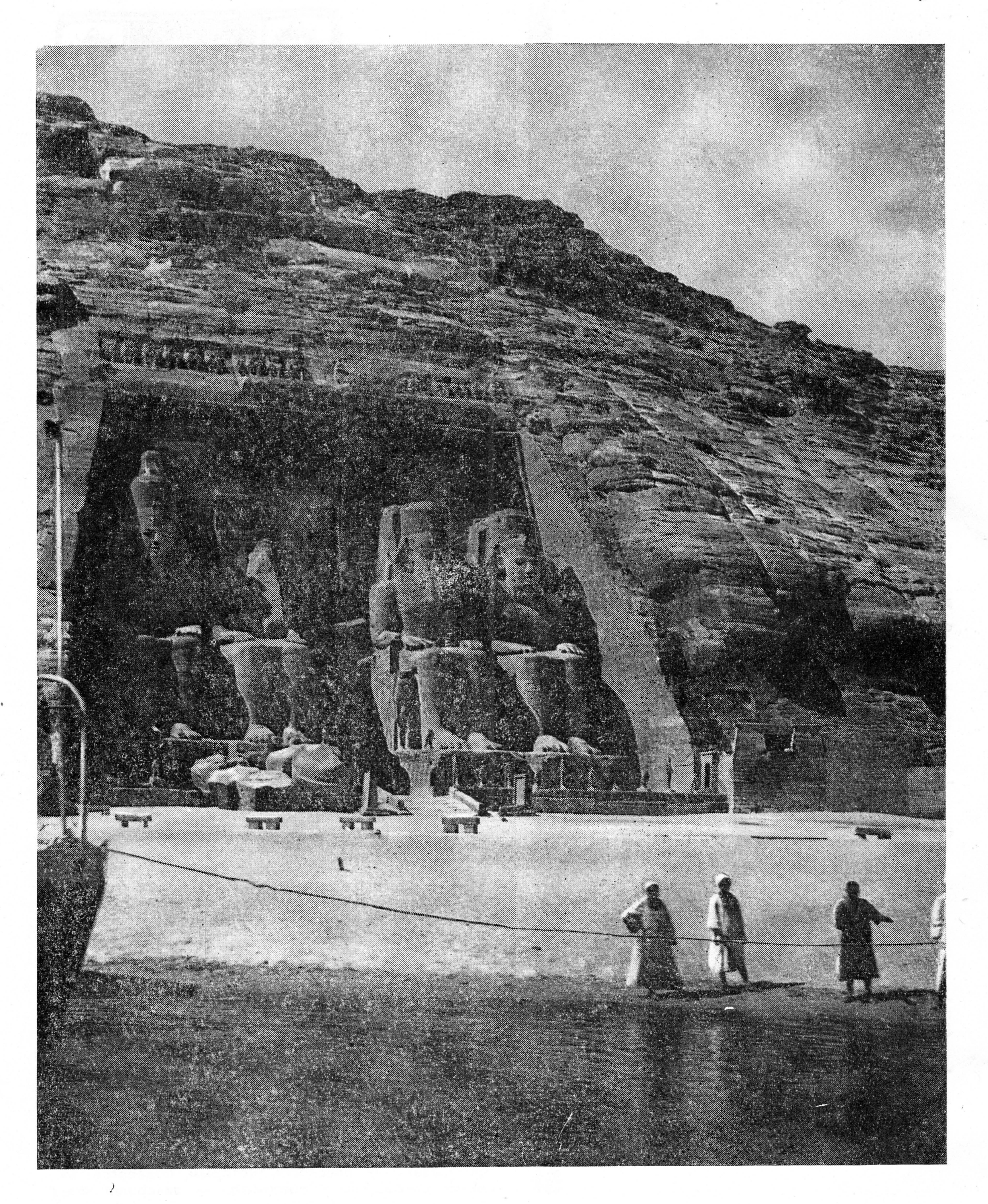
— Где? Те, что ли? Да просто кто-то у них совершил хадж в Мекку и по возвращении изобразил путешествие в картинках. У нас часто так делают...

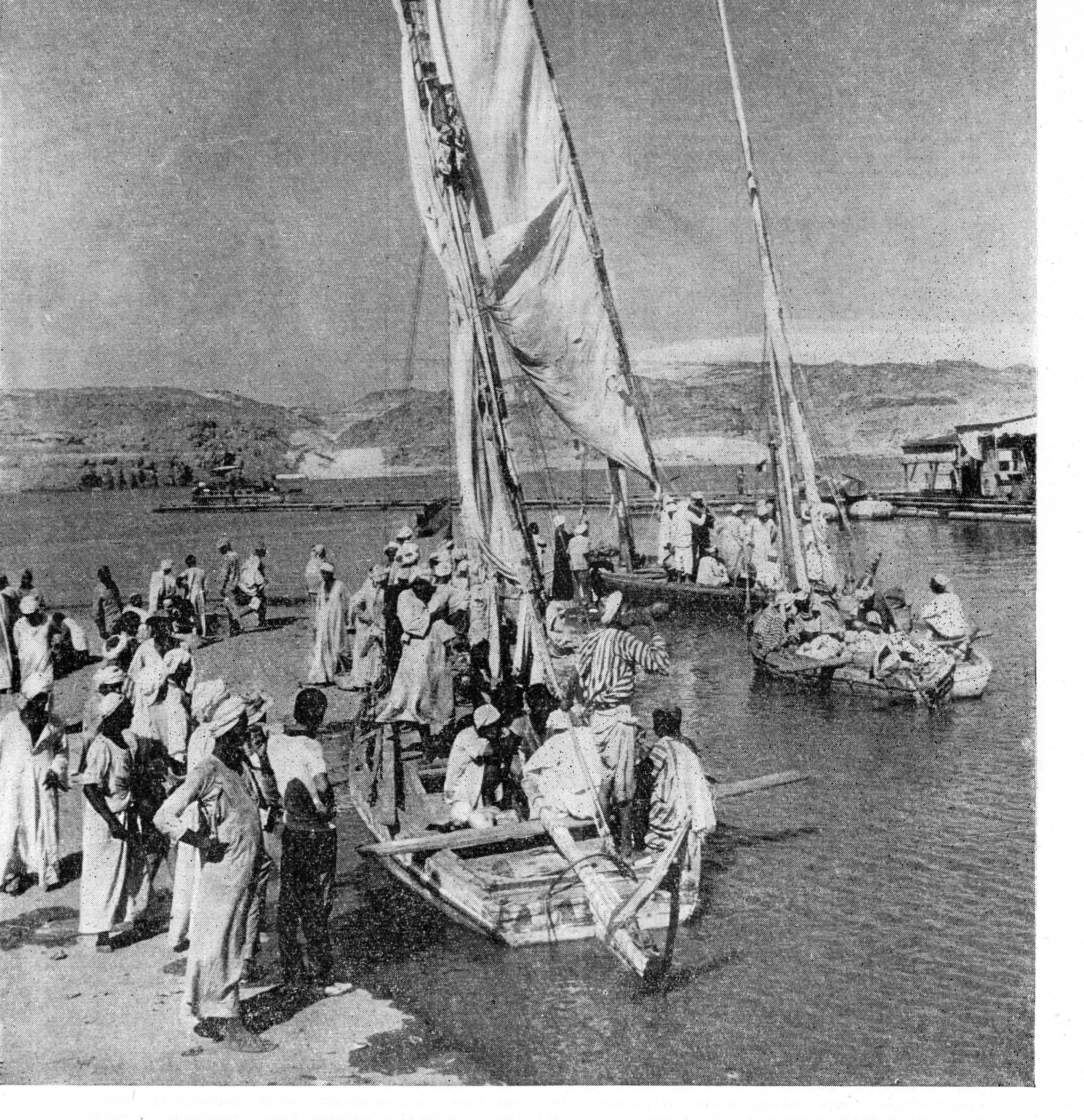
Действительно, загадочное здание напоминало Каабу. Солнце и пароход тоже соответствовали версии Фарука, но вот скорпион как-то выпадал из общего «рисованного рассказа». Я поделился своими сомнениями с Фаруком. Он рассмеялся:

— Может, хозяина укусил скорпион. Или он хотел указать на опасности, которым подвергся во время хаджа... А в общем-то, — завершил Фа-

Храм Абу-Симбел. ▼

Перед отплытием на новые земли. ▶

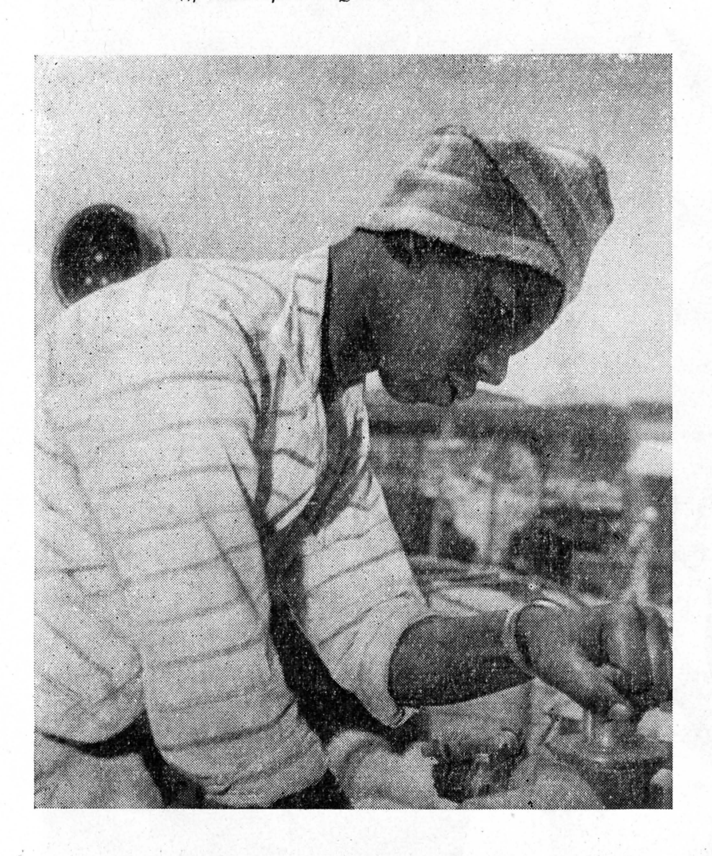
рук цепь своих умозаключений, — у каждого голова устроена по-своему.

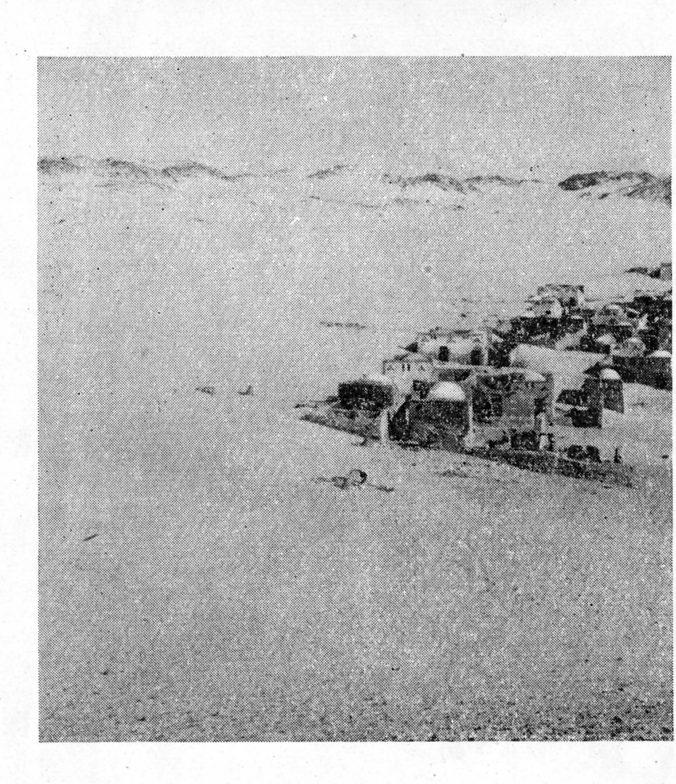
Так состоялось мое первое знакомство с нубийской настенной живописью.

...Нубийская деревня. Невысокие глинобитные дома, похожие на приземистые кубы. Каждый дом состоит из жилого помещения, крытого внутреннего дворика с высокими стенами и входом. Сложенные из саманных кирпичей — материалом для них служат глина и нильский ил, — нубийские жилища являют собой образчик дома-крепости. Вход — лицо дома, и поэтому дверь и дверные косяки богато «иллюстрированы» и разукрашены. Пестрят квадратные надстройки, непонятные символы и фигурки, бесчисленные, строго симметричные отверстия, кружево лепного орнамента. Но не только вход, вся передняя стена дома чисто выбелена и разрисована.

Конечно же, среди рисованных картин первое место занимают изображения финиковой пальмы —

На строительство Асуана приехало много молодых нубийцев. Сейчас этот юноша строит плотину, может быть, потом он будет стоять у пультов гидроэлектростанции...

основного богатства нубийцев. Затем следует верблюд — животное здесь почитаемое и уважаемое. Приходилось мне встречать и целые сценки из жизни, выполненные тонкими штрихами синей, красной и темно-коричневой красок. Нубийцы пояснили мне, что это графическая иллюстрация к словам нескольких народных песен. Пели эти песни по-нубийски и мы, но не знали, что их текст можно изобразить картинками. Понятный и доступный язык народного рисунка, живо откликающегося на каждодневные события, происходящие в деревне, как нельзя лучше сочетается с традиционной архитектурой и с планировкой жилища.

В оформлении нубийского дома значительная роль отводится орнаменту. Однажды меня удивил «украинский» узор, какой часто встречаешь на рушниках в селах Киевщины. Он длинной полосой окаймлял фронтон дома. Цепочка петушков, каких-то забавных елочек, травинок, украшала отбеленную до синевы стену дома.

И конечно, народные нубийские художники не могли обойти вниманием жизнь реки-кормилицы. Голубые волнистые полосы — вода, увешанные флагами, старые колесные пароходы — из трубы валит дым, вереницы женщин с кувшинами на голове, крокодилы, заросли камыша — таков удивительный «настенный» Нил, который я не раз встречал в нубийских селах.

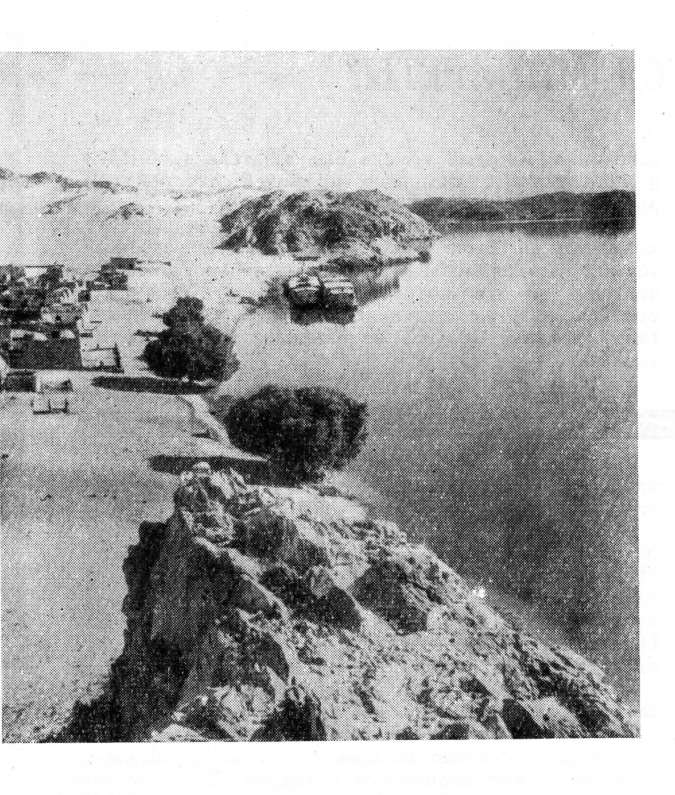
Иной раз хозяин дома не прочь похвастать и своим богатством. Символы зажиточной жизни многообразны. Это флажки, примусы, ковры и даже транзисторные приемники...

В 1970 году принильская Нубия скроется под водой. Над плоскими крышами нубийских домов будут плескаться волны озера Наср, которое возникнет после завершения строительства Асуанской плотины. Пятьдесят тысяч жителей египетской Нубии сейчас уже переселяются на новые места.

...Несколько человек идут по улице селения. Входят в дом. Подолгу задерживаются. Но обязательно, выйдя из дома, один из них окунает кисть в ведро с краской, и на желтой стене появляется белый круг. Один, второй, третий... Все дома отмечены белым знаком! Проходит некоторое время, и поселок пустеет. Скрипят повозки, ревут быки и верблюды. Люди идут к новой жизни!

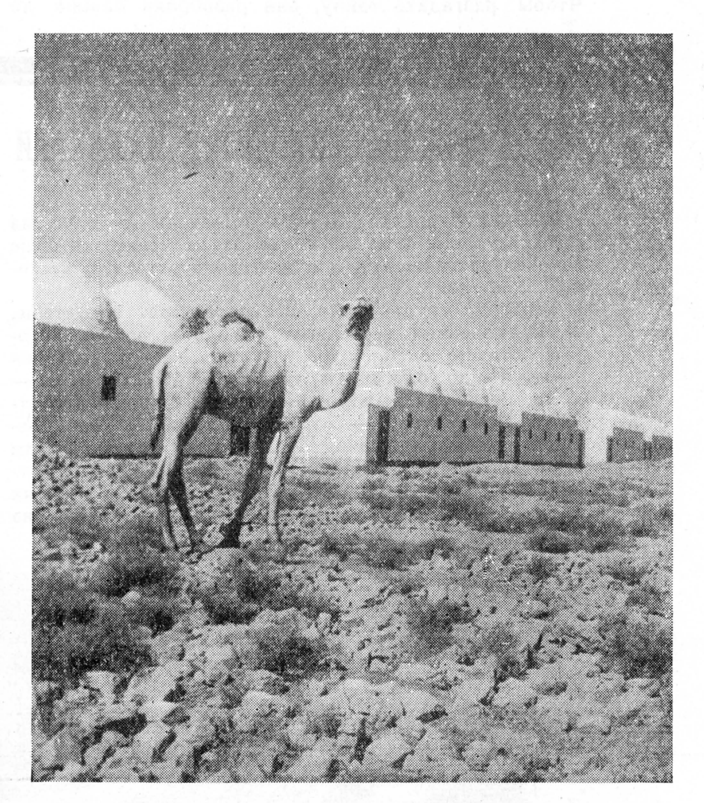
Сейчас специальные правительственные комиссии работают на дне будущего моря. Члены комиссий беседуют с феллахами, оценивают имущество крестьян, подсчитывают число финиковых пальм. Потом молодые пальмы будут выкопаны и осторожно перевезены на новые места. Если дом и имущество уже оценены и хозяева дома дали согласие на выезд, на желтой стене появляется белый круг. Люди покидают пустынную, малоплодородную и выжженную солнцем землю. Только музей старого быта, созданный близ Асуана, сохранит память о тех временах, когда земледелец целиком зависел от капризов Нила.

Уже несколько лет неподалеку от Ком-Омбо, севернее Асуана, ведется строительство новых поселков для нубийских семей. Я побывал в одном

Так выглядели старые нубийские деревеньки на берегах Нила. Теперь их уже нет. Скоро над этой землей будут плескаться волны Асуанского моря.

На новом месте вдруг появилась эта улица с белыми кубиками домов. Здесь еще нет жильцов, но все готово к приезду новоселов: добро пожаловать!

из таких поселков, которые широкой полудугой уходят в пустыню.

Конечно, это уже были не те дома, которые доводилось видеть в старых деревнях, хотя они и сохраняли основные черты и планировку традиционного нубийского жилища. Каждый дом состоит из двух-четырех комнат с двориком, навесом и отдельно вынесенной кухней. Ровными, аккуратными рядами вытянулись вдоль центральной улицы дома, сложенные из плит песчаника, которым так богат этот край. Новые поселки будут иметь и электричество и водопровод, которых не было в старых нубийских селениях.

Инженер Ахмед Абу Вафа — один из строителей новых деревень — рассказывал нам о принципах, положенных в основу переселения нубийцев на новые места. Проектировщики и строители стараются создать для переселенцев на новых местах максимум условий, сходных с теми, в которых они жили на земле своих предков. Окрестности Ком-Омбо очень напоминают желто-серые холмистые, с участками зелени и выходами буроватых скал просторы центральной Нубии. Сами строения, максимально приближенные к национальному нубийскому типу, были одобрены представителями нубийских племен еще до переселения.

Северная часть отведенных земель отдана нубийским племенам аль-кунзи, юг — племенам фадиджа, а обширное пространство между этими двумя этническими группами было выделено нубийцам-бедуинам, говорящим на арабском языке.

— Новые деревни, — рассказывает Ахмед, — носят те же названия, что и старые. В деревнях сохраняются народные традиции. Многие переселенцы даже будут иметь тех же соседей, с которыми жили рядом еще их отцы и деды. Самое легкое, — заключает Ахмед, — это переезд. А вот действительно трудная задача — создать нубийцам все условия, чтобы целый народ чувствовал себя на новом месте как дома, вжился в новую природную обстановку, в новую атмосферу...

Указав на голые каменные стены новых домиков, я спросил, как же нубийцы обойдутся без своих любимых рисунков и украшений, что станется с древней народной традицией. Ахмед улыбнулся:

— Дайте только срок, — сказал он. — Через несколько месяцев после вселения стены домов будут покрыты такими же яркими рисунками, как и те, что вы видели в Нубии. Может быть, рисунки расскажут и о событиях последнего времени, о том, как переселялись на север десятки деревень, как к новой жизни идет целый народ...

ПОЧЕМУ КАЧАЮТСЯ МИНАРЕТЫ?

В Иране в городе Исфахан возвышается старинная мечеть, знаменитая своими наклонными минаретами. Пятнадцатиметровые башни легко раскачиваются. Любопытно, что если человек поднимается вверх по винтовой лестнице одного из минаретов, то немедленно начинает шататься и второй.

Загадка исфаханских наклонных минаретов привлекла внимание американских архитекторов и инженеров, приглашенных для реставрации мечети. Чтобы разгадать тайну, они разобрали башню до основания. Каждый камень был тщательно обмерен и прослушан с помощью новейшей акустической аппаратуры.

Но тайна так и осталась тайной, в фундаменте минаретов не было обнаружено никаких «колебательных механизмов». Минареты были вновь восстановлены. И только они встали на свои места, как сразу же закачались по-прежнему. Раскрыть тайну древних зодчих, построивших минареты, не удалось.

КОГДА ДОЖДИ ПРИХОДЯТ В КАЛАХАРИ

Южноафриканская пустыня Калахари — одно из самых суровых мест на земле. И племенам, которые испокон веков живут там, нелегко бороться с жестокой природой.

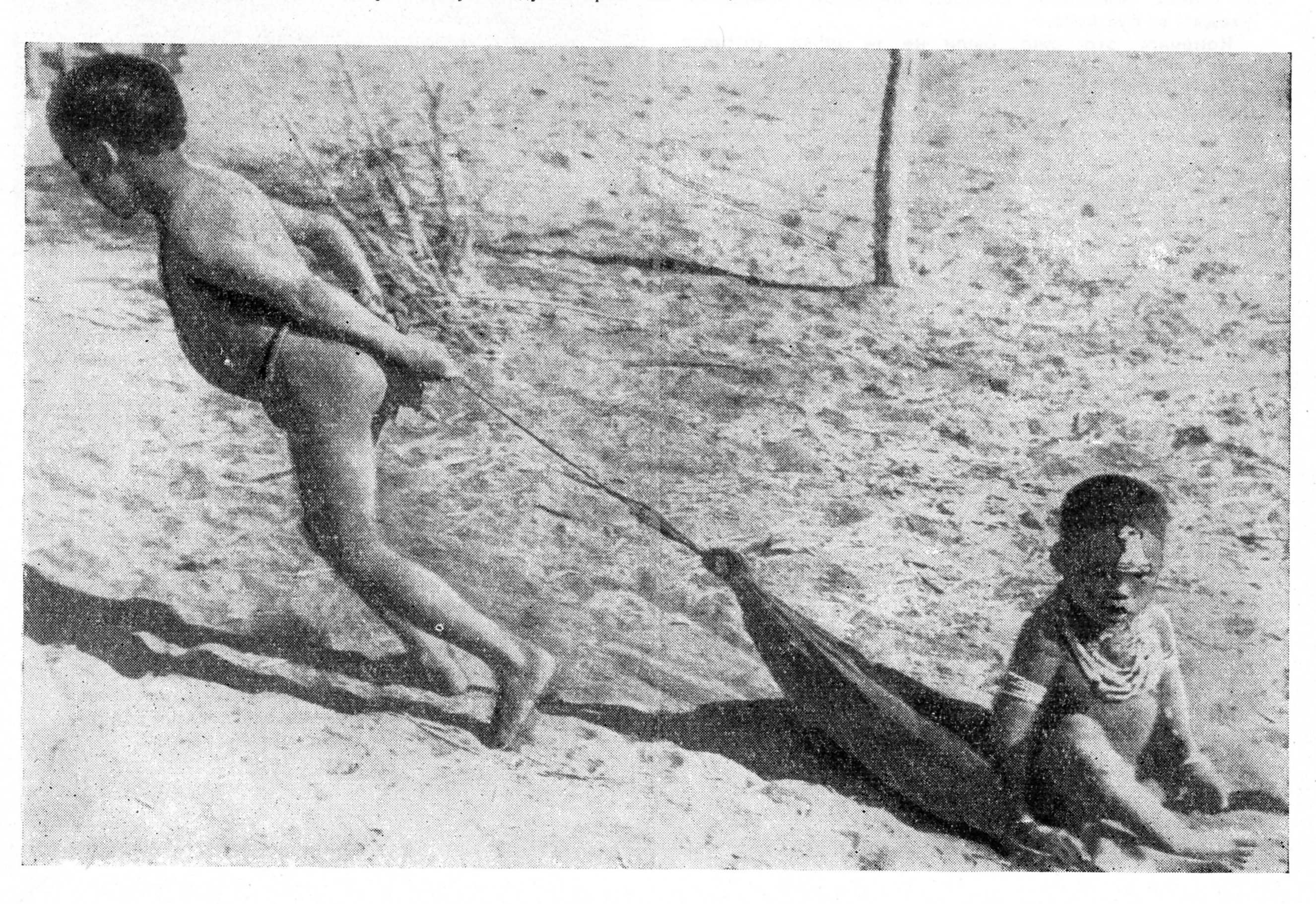
Особенно трудна зима. Все пересыхает в пустыне, за исключением нескольких колодцев, вокруг которых ютится племя кунг. Каждая капля воды на учете. Редко охотникам удается убить антилопу — звери покидают выжженную землю. И оружие охотников примитивно — отравленные стрелы без оперения да ямы-ловушки. Правда, кунг даже с таким оружием остаются одними из самых искусных охотников на земле. Ведь мужчина из этого племени должен подкрасться к пугливому стаду метров на тридцать — с большего расстояния неоперенная стрела не долетит до цели.

Племя ждет дождей. И вот первые капли упали на пустыню. Пришла весна. Это лучшее время года. Наполняются водой пересохшие озера, появляется растительность. Кунг собирают пожитки — скорлупу страусовых яиц, в которых несут воду и пищу. Начинается перекочевка к лесам, в которых растут орехи ци. Будет охота, будет много еды!

Переход на новые места особенно весел и интересен для ребятишек племени кунг.

Поехали, братишка, в Зеленый Лес!

А через несколько месяцев снова солнце выжжет пустыню, племя вернется к колодцам Если, конечно, их земли не займут белые пришельцы из ЮАР со своими стадами — им ведь мало дела до того, как трудно живет этот маленький вымирающий народ.

Пунктир Жаксыкона

ЕВГ. ЧЕРНЕНКО,
наш спец. корр.

Рисунки А. ГОЛИЦЫНА

Тысяче чертей сделать эту прививку сибирской язвы, пожалуй, не труднее...

Вот вакцина в пузырьках с резиновыми пробками и шприцы в стерилизаторе, и повязанная до глаз пестрым платочком Баян Оронбаева надевает белый халат с синим крестиком на кармашке. Тысяча тонкорунных овец мечется и орет в кошаре.

Сегодня ветер. Он рождается в горячей вибрации размытого маревом горизонта на юге, легко скользит над серо-зелеными холмами и наваливается сухой и плотный, полынно горький. Ветер взъерошил талы на Жаксыконе, сделав их серебристыми, и ярко высинил омут. Он хлопает кошмой на куполе юрты. И бесит овец. И поднимает взбитую их копытами кизячную пыль. А она зелена и едка, точно нюхательный табак — носаван, каким балуют себя местные аксакалы. Во всяком случае, она вызывает такой же отменный чих.

Мы сооружаем в кошаре загон с двумя воротами, напоминающий шлюз. Это для облегчения труда, чтобы не бегать за овцами по всей кошаре, ловя их за тонкие задние ноги. Сомнительное, впрочем, облегчение: загони-ка сперва овец в этот шлюз!

Овца, как известно, животное глупое и пугливое. Но одна овца — еще ничего, тысячное количество их, в полном согласии с диалектикой, дает уже совершенно новое качество, по свойствам своим близкое ртути. Это нечто неуловимо подвижное, стремящееся к слиянию в одну большую каплю.

Мы четверо полчаса — не меньше — бегаем по кошаре. Тесним всю отару к загону. Упрямая овечья ртуть обтекает внутренние распахнутые ворота загона и катится в дальний угол...

В конце концов удается загнать первую партию. Баян прокалывает иглой шприца пробку пузырька с вакциной и, перевернув его вверх дном, втягивает в шприц жидкость. Мы с Ермеком, сыном Селима, тащим к ней овец. Шерсть на боках овцы горяча и суха, ломает ногти. В воротах бока овцы сжимаешь коленями, а голову ее прижимаешь к своему бедру так, что шея облегает ногу и слышен частый овечий пульс. Баян оттягивает кожу на шее овцы и вгоняет в нее иглу. Овца хрипит и рвется, но ловкие руки Баян движутся вместе с нею и плавно нажимают на поршенек.

...Нас знакомил Тунгуш Сеитов — главный зоотехник совхоза и большой шутник.

— Вы еще не слышали о нашей Баян?! — от искреннего удивления у Тунгуша округлились глаза. — Разве

степной ветер, поющий о ней, не долетает до Москвы? А у нас о ней шепчутся даже травы и перемигиваются по ночам звезды. О ней грустят жигиты, а старики, умирая, просят позвать Баян. Вот какая у нас Баян! Приведите самую дикую лошадь, через неделю она станет у нее смирной, как ягненок. Волки знают, что от Баян не уйти, загонит и забьет плеткой. Когда поет наша Баян...

Баян хмурилась, присев на ящики, перекладывала ватой медикаменты, а Тунгуш все не унимался:

— Баян выйдет замуж, совхоз совсем закроется. Мы охраняем Баян от женихов.

Это было уж слишком. Девушка вскочила и ребром крепкой своей ладони стукнула Тунгуша по коричневой шее. суха и знойна под пустым небом.

— Трудно загнать волка, Баян?

— Опасно, они в одиночку не ходят. Может броситься сбоку или сзади из-за холма.

— А лошадь не боится?

— Сначала боится, а потом несется.

Я представил, как, прижав уши, катится по степи волк, как оглядывается он на погоню, и марганцовым цветом вспыхивают у него глаза. Постанывая, перебарывает инстинкт разогнанная до сумасшедшей скорости лошадь. Девушка, пригнувшись к холке, хлещет ее камчой. А наперерез из-за холмов вылетают уже другие всадники.

— Часто приходится, Баян?

Она рассмеялась:

— Очень устали? — спрашивает Баян. Отпустив очередную овцу, я вытираю локтем едкий пот и сержусь на Баян: все не хочет признавать меня настоящим ветсанитаром.

— Много у тебя еще такой работы?

— Ой, много! — смеется Баян. — Против сибирки обработать эти двадцать отар. Потом еще против ящура и против чумы. Этого хватит до осени. Осенью купка и стрижка. Людей не хватает, я тоже стригу. Перед зимним отстоем опять купка в креозоте и еще вакцинация — каждой овечке в горле помазать. Но все это еще не работа. Весной, когда начинается окот, почти не спим.

Овцами вдруг овладевает психоз. Потеряв страх, они начинают рваться к тем, уже

И не выдержала — серебряно рассмеялась.

Есть, собственно, две Баян. Одна, когда смеется. Другая, когда серьезная. И первой принадлежат ровные белые зубы, а второй большие тёмные глаза. Две толстые косы принадлежат обеим. Баян, серьезная, сердито спросила:

— Когда у меня, Тунгуш Сеитович, будет постоянный ветсанитар?

— Чем не санитар? — Тунгуш показал на меня. — Московских санитаров получаешь.

Синий крестик на ветровом стекле машины бежал по серозеленым холмам. Степь была

— Это же развлечение! Лошадь моя гуляет в табуне, совсем от меня отвыкла уже.

В полусотне километров от центральной усадьбы находится отделение совхоза — несколько жилых домов, круглые зимние отстойники для овец — котоны, всё в окружении выжженных сопок, как в лунном кратере. Мы заехали туда выпить кумыса. Там дом Баян, в котором она редко бывает даже зимой. И едва появившись в нем, Баян уже мыла полы, плела косу четырехлетней племяннице, удовлетворяя ее естественное желание «быть как Баян».

обработанным, которые спокойно пасутся невдалеке. Сначала мы используем эту стихийную силу в своих целях. Пропускаешь овцу ровно на полтуловища между ногой и столбом ограды. Потом — раз! Прижимаешь ее ногой к столбу. Два! Голова ее на твоем бедре. Три! Точный укол Баян. Следующая занимает ее место. Они буквально выстраиваются в очередь. Тут важно не вспугнуть их лишним суетливым движением. Но темп дикий, мы быстро выдыхаемся и начинаем нервничать. Овцы совершенно наглеют. Они прыгают через нас, стоит наклониться.

Ермек совершает вратарские броски, ловя овец на лету за задние ноги, а Селиму то и дело приходится совсем закрывать ворота, чтобы усмирить страсти.

Два барана одновременно вдруг проскакивают у меня между ногами. Я успеваю прижать их тяжестью тела, то есть сажусь на них, но они легко выносят меня на себе из загона. Под общий хохот, как по велотреку, я несусь на них вокруг кошары и держу рога, точно руль мотоцикла. Селим кричит:

— Ай, молодец! Жигит, совсем жигит!

Бараны едва не сшибают пыхтящий паром самовар около юрты и, наконец, догадываются разбежаться в стороны. Тут только и начинается байга — настоящие скачки. Мы с Ермеком лом столике сахар, масло и пончики-баурсаки, жаренные в бараньем сале. Эльянур все наливает одну за другой большие чашки душистым чаем, сдабривая его сливками. И нет сил остановиться, перевернуть в знак благодарности чашку вверх дном. С жаждой уходит и усталость.

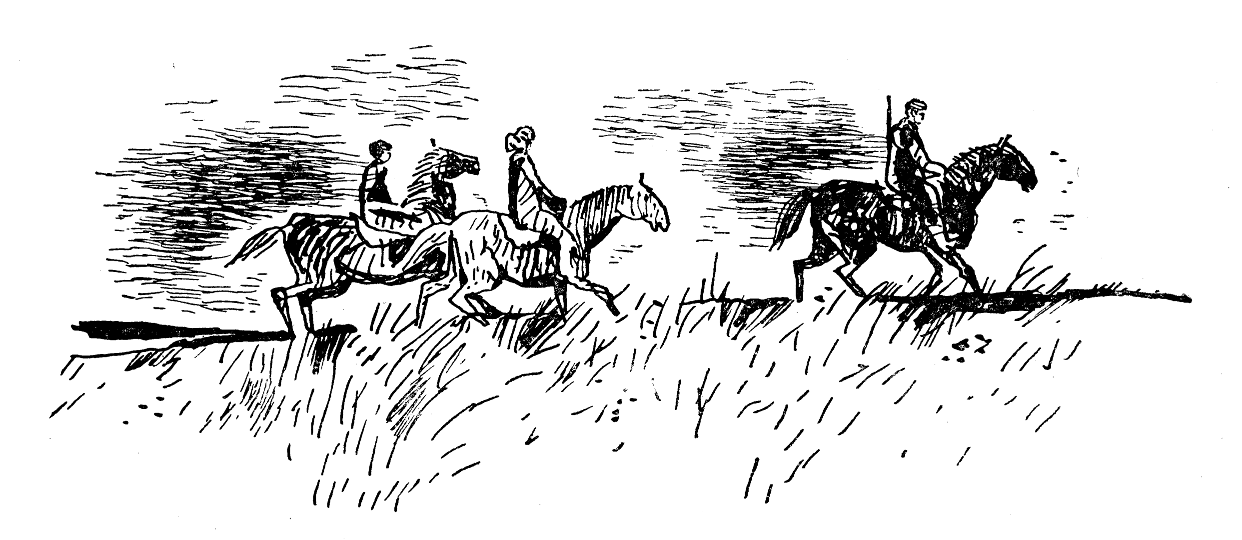
Так постигаю я истинную цену казахского чая...

Они появлялись на улицах нашего степного городка из окружающего равнинного сияния искрящихся снегов, эти большие возы с сеном, и ехали вдоль дворов, а мы бежали следом. Шли рядом с ними жидкобородые старики в тулупах и в лисьих малахаях, глядели иногда из сена черные глаза сверстника. Сено оставалось собьется аксакал с дороги. Слезет с лошади, разроет снег, и, пожевав травинку, по вкусу ее точно узнает, где находится.

Сгрузив сено, они снова исчезали в степи. Где-то за горизонтом были их юрты и отары...

И вот через два десятка лет снова — степь, снова — чабаны с их немного загадочным и нелегким трудом.

Я выбрал на карте Жаксыкон, голубой пунктир пересыхающего русла. У этого названия был тот самый запах, резко табачный запах кошары. Переводится оно так: Хорошая Зимняя Стоянка. Далеко внизу под вертолетом змеилось по серой выгоревшей степи зеленое русло с синими окнами непересыхающих омутов. Оказалось,

бегаем по степи за ними. Он — за черным, я — за палевым...

Солнце ползет по блекло-синему небу к зениту, а овец в кошаре будто и не становится меньше. В небе ни облачка, но по одному из выбеленных ярким солнцем холмов ползет тень. Это отара Джакана Даниярова — айхайшала, что означает «крикливый старик». Ее мы обработали вчера.

— Идите пить чай! — зовет с порога хозяйка Эльянур.

...Тонкий лучик проколол кошму на куполе юрты и ее прохладный полумрак. Он розово подсвечивает потные веселеющие лица. На низком круг- в том дворе, где был чай. Воз сена — плитка кирпичного чая в серебряной фольге, высший сорт. Было трудное военное время, и все равно для нас поразителен был этот торговый эквивалент, и от этого еще притягательней и таинственней были эти степные люди, которых взрослые звали ч а б а н ы.

Говорили, будто бы один такой старик выпивает в присест ведерный самовар крепкого казахского чая. Будто бы знают эти старики степь на сотни километров вокруг, как собственную ладонь. Даже и зимой в непросветном буране не что Жаксыкон и в натуре пунктирен.

Все приближались синие холмы и стали, наконец, рельефно реальными, и открылся среди них маленький поселок овцеводческого совхоза.

Я вступил на землю и увидел мчащегося на мотоцикле по степной дороге старика. Лет ему было не меньше восьмидесяти, и ничуть не меньше показывал его спидометр.

Вчера едва мы с Баян появились утром в юрте айхайшала Джакана Даниярова, едва поздоровались и присели к чаю,

как он действительно начал «кричать».

Айхайшал не похож на традиционного аксакала. Нет у него жиденькой седой бороды, только тонкая подковка усов. Лицо у него сухое и темное. Блестят узкие щелки умных глаз, загораются яростной страстью, когда он «кричит», то есть повышает тон от искреннего беспокойства за все, чем занимается сам и другие люди вокруг него.

Баян переводила мне его слова:

— Скажите корреспонденту, пусть напишет, что стариков нельзя сбрасывать со счета. Пасти овец — большое искусство, но только старики знают по-настоящему его секреты. Вот Бекет учится в заочном институте — это хорошо, правильно. Но еще лучше, что он пасет свою отару с ним, айхайшалом. Большим, правильным человеком будет Бекет.

Потом от айхайшала досталось артели, производящей для чабанов юрты. Новую юрту Даниярова точно обстреляли из пулемета с воздуха. Сквозила голубизна через отверстия машинной строчки. Сделанные из сосновой доски планки купола большей частью уже сломались. Еще год, и этой новой юрте придет конец. А старая прослужила пятнадцать, сделанная своими руками. Айхайшал вскочил из-за стола и потащил меня показывать остатки этой старой юрты. Куски кошмы, сшитые шерстяными нитками, невозможно было разодрать. Хороши были и детали каркаса, сделанные из гибкого тала, но отслужившие уже свое.

Досталось от айхайшала и мне, когда я спросил, не истощаются ли пастбища Жаксыкона от выпаса такого большого количества овец.

— Это неправильно, — закричал старик, — джайлау не истощаются...

После чая работа наша идет на лад. Это бывает, пожалуй, в любой однообразной трудной работе, она вдруг увлекает своим ритмом. Перестаешь оглядываться на сделанное, вести ему лишний счет. И только хозяйски поглядываешь на то, что предстоит еще сделать, и чуточку даже жалеешь: сейчас все кончится.

Но овцы остались прежними. То вдруг барану вздумалось померяться силами с Ермеком, то овца вырывается и уносит на шее иглу от шприца, приходится гоняться за нею. Смеется Селим:

— С этими мериносами работать, спортсменом быть нужно. Самбо надо знать.

А он и похож на спортсмена — совсем еще молодой, сорокалетний, коротко стриженный после больницы, с мощной мускулатурой под выгоревшей футболкой. Он перепробовал на своем веку самой разной работы. Ходил даже по степи с геологами и плавал матросом на самоходке по Оби до Салехарда. Но дело предков мощно позвало к себе.

— На общем собрании, когда отары распределяли, гляжу: никто тонкорунных брать не хочет,—рассказывает он. — Капризные, нежные овцы не то, что наши обычные грубошерстные. Особенно тяжело с молодняком, хуже малых детей. Зимой только и жди, что простудятся. А их, бывает, в день по пятьдесят штук сразу прибывает. Я поднял руку: почему не взяться, работы не боимся. Вот пасем с Ермеком.

Селиму не повезло прошлой весной. Упала под ним на скаку лошадь, сломал ключицу. Сорок дней пролежал в больнице, да и сейчас не чабан еще Селим. Вчера на глазах у него волк задрал барана здесь вот, за холмами.

— ...Я наехал на него шагом, а он, шайтан, только ощерился. Я гаркнул на него, так он неспешно полез в кусты. А меринос корчится с распоротым брюхом... Если бы не сын, пришлось бы бросать чабанить. — Селим сжал рукой крепкое уже плечико мальчишки. — Ермек по-казахски означает Утешение Родителей.

Ермек и горд похвалой и печален — ему пришлось уехать из интерната в степь и на время заменить отца. У него четыре сестры и два брата.

Ермек не уступил волкам ни единой овцы. Старенькое перевязанное проволокой ружье дает один выстрел на десять осечек. Белый поджарый волкодав молод еще и глуп, все принимает за игру. Ермек соорудил рядом с кошарой навес и каждую ночь с весны спит со своими овцами, просыпаясь при каждом подозрительном шорохе. И, проснувшись, ходит вокруг кошары, думая под крупными белыми звездами...

Вчера, только мы появились у них, Ермек замучил меня вопросами: «Кто главный конструктор ракет?.. Сможет ли электронная машина пасти овец?.. Написал ли что-нибудь новое писатель Катаев?..»

Я привез с собой книжку «Знамени» с катаевской «Маленькой железной дверью». Ермек читал всю ночь под своим навесом при свете фонаря «летучая мышь».

...Честь сделать укол последнему барану Баян уступает мне. И мы все бежим к омуту купаться.

Вода омута черна от глубины, весь он в белых кувшинках, отдавших на дно якорные тросы длинных своих стеблей. В пересохшем русле лежат громадные камни, сглаженные сумасшедшей водой половодий. Теперь вода затаилась от солнца среди тростников и талов, и пахнет она прелью от застоя. Но когда, прыгнув с горячих камней, прошиваешь телом теплый ее верхний слой и уходишь в холодную тьму, не хватает дыхания достичь дна.

Совершенно свежие, точно и не было этого трудного дня, вдвоем с Ермеком угоняем отару за ближнюю сопку. Самое время пасти в наступающей прохладе предвечерья. Улегся, намаявшись за день, и ветер. В небе возникли облака. Степное небо без облаков, что лицо без мысли. Таким оно и было днем. Теперь оно раздумчиво и строго. Облака пепельно-сини с розово клубящимися вершинами.

Не слезая с лошадей, дав им только свободу щипать траву, смотрим с вершины холма, как жадно хватают траву наголодавшиеся овцы. Ермек говорит:

— Вот так пасу в степи и думаю. Много у меня остается вопросов. Все хотел у вас спросить, да забыл... А, вот! Что такое диалектика?

Высоко над нами, выше облачных вершин, появляется белая стрела — след реактивного самолета. Сам он острым наконечником движется впереди. Солнце зеркалит от его обшивки, и он кажется раскаленным. Мальчик зачарованно смотрит в небо.

Я вспоминаю: не зря боль-

шинство книг в юрте Селима Калиева — по истории авиации. Там есть и биография Можайского и книга Германа Титова.

— Хочешь летать, Ермек? — спрашиваю я.

— Не знаю, чего больше, летать или строить такие самолеты. Очень хочу учиться, — вздыхает Ермек.

— Да ты и будешь учиться.

— Только не этой зимой. Отец еще не сможет пасти...

Овцы жадно поедают сухие колючки.

— Бывает же травка и получше, Ермек?

— Дедушка Данияров обещал взять меня завтра с отарой на дальние пастбища, — говорит Ермек. — Дня на три с ночевкой.

У меня забилось сердце. Я увидел явственно эти лунные ночи там, на дальних пастбищах. Ртутный свет луны, сочные тени кустов и черную толчею отары. Костер неяркий и желтый в свете луны. Неторопливую беседу с айхайшалом о времени и жизни. Внезапный крик: «Каскыр!» («Волки!»). Лошадиный храп и ржание, скачка вслед за мелькнувшей тенью. И досада оттого, что ружье дало осечку, и разгоряченное биение сердца всю ночь до рассвета...

Ночью мы уезжаем дальше. Нас провожает Ермек. В темноте мы едем шагом и утомительной тряской рысью. Потом из-за холмов показывается луна, и становится впереди видна серая полоса дороги. И вот галоп, опасный по ночному времени, но упоительно плавный, потому что лошадь, чуть осев, сразу пошла большими скачками. Чуй! Быстрее! Еще быстрее! Ветер несется в лицо переменчивый — то холодный, то теплый. Чуй! Чуй! Стучат копыта трех лошадей.

Зачернели впереди кусты на Жаксыконе. Лошади, вскидывая головы, перешли на рысь и тянут к воде. Мы даем им волю, и они, подойдя к омуту, опускают головы. И тотчас из-под лошадиных морд выпархивает пара уток. Недолго почернев на небе, они сливаются с чернотой горизонта. А лошади пьют, огрузая передними ногами в тине. Чтобы не свалиться, упираешься руками в луку седла.

Мы долго еще едем и шагом и галопом. Все явственней слышится лай собак. Поднявшись на холм, видим в ложбине огни. Это горят фонари на кошаре, зажженные, чтобы отпугивать волков. Тускло красны они и тревожны. Чернеют, приближаясь, юрта и кошара. Луна, идущая к горизонту, гаснет.

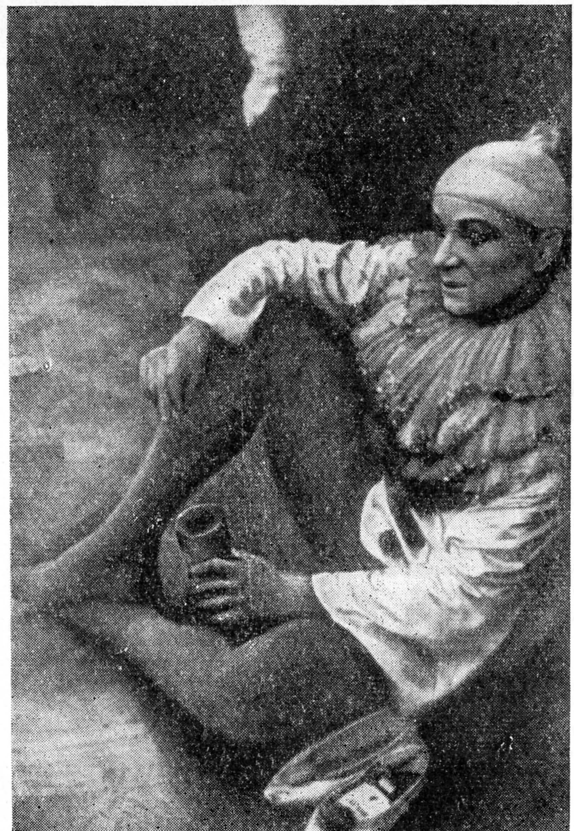
Новый хозяин, приглашая нас с Баян войти в юрту, говорит:

— Не стесняйтесь. Один ветер летит над землей. Мы свои.

Но прежде чем лечь, я еще выглядываю в степь, держась руками за косяк двери. За моей спиной горит керосиновая лампа. Она бросает далеко по холму световой сектор. И моя огромная тень в нем хочет обнять всю степь.

КАРНАВАЛ В РИО

Рио-де-Жанейро справляет в этом году 400-летнюю годовщину со времени своего основания. Немногие города Латинской Америки могут похвастать такой древней историей. Вот почему, наверно, ежегодный карнавал — грандиознейшее событие года, которое обычно справляется в конце февраля, в этом году превзошел все ожидания, побил все рекорды.

Карнавал собирает тысячи иностранных туристов. Мировые знаменитости, скучающие миллионеры, плейбои слетаются в Рио — и тогда цена за столик во дворце «Копакабана» вырастает в фантастическую цифру — миллион крузейро! По пять часов, обливаясь потом, ждут выхода на сцену костюмированные любители лавровых венков, желающие получить приз за оригинальность и роскошь костюма. Бесконечные короли и королевы, китайские императоры и индийские магараджи проходят перед уставшим удивляться жюри.

Но есть и другой карнавал в Рио...

Он не прячется за окнами дорогих отелей. Праздничной рекой, бурлящей красками, песнями, музыкой, выливается он на улицы Рио.

На четыре дня замирает официальная жизнь города. Закрыты все общественные учреждения, банки и конторы, магазины. Четыре ночи подряд веселится кариока — житель Рио-де-Жанейро. Весь город иллюминирован, самолеты разбрасывают над веселящимися кварталами бутафорские деньги — серебристый дождь из фольги, на которой можно прочесть название государственного банка.

Процессии танцоров, движущихся в ритме самбы, сменяют друг друга. Танцы длятся всю ночь, до рассвета. Отдыхать — днем. На следующую ночь их сменяют шествия, во главе которых движутся платформы — здесь и раскрывающиеся цветы и огромные великаны с вращающимися глазами; разыгрываются пантомимы из истории Бразилии.

За бешеным ритмом барабана и исступленной самбы кариока забывает, что наступит утро и он вернется в одну из фавел на окраине Рио. И снова потянутся дни, наполненные голодом и беспросветной тоской, — нет работы, нет денег, все дорожает день ото дня. Верно, поэтому печален клоун, сидящий на мостовой, — карнавал окончен.

Выстрелы на Рио-Такуари

А. БУТЛИЦКИЙ

Почти в самом центре южноамериканского континента плотно зажата между странами-гигантами Республика Парагвай. По южноамериканским масштабам это небольшая страна — ее площадь около четырехсот тысяч квадратных километров, а в Европе бо́льшую территорию занимают лишь Франция и Испания. Проживает в Парагвае всего около двух миллионов человек. По плотности населения страна занимает последнее место на континенте. Но это не единственный «рекорд» Парагвая. Ему же принадлежит последнее место по протяженности железных и шоссейных дорог и первое — по бедности.

А ведь природа не обделила эту страну своими щедротами. Недра Парагвая содержат олово, цинк, свинец, марганцевую, железную и урановую руды, нефть и уголь. Но добыча их почти не ведется. Большинство границ Парагвая проходит по рекам, но сравнительно богатые гидроресурсы не используются.

Основа парагвайского хозяйства — пастбищное скотоводство. Большое значение имеют лесоразработки дерева кебрачо, из которого готовится дубильный экстракт, а также производство парагвайского чая —йерба-мате. По экспорту йерба-мате Парагвай занимает первое место в мире, как и по производству и вывозу апельсинового и тунгового масла.

...Очень редко доходят вести из этой далекой страны. Но не широкие реки и просторы степей — «чако» отгородили ее от мира. Причина изоляции — террористическая военно-фашистская диктатура. И настоящим подвигом был приезд в прошлом году в Москву, на Всемирный форум юности, нескольких делегатов молодежи Парагвая, прорвавшихся сквозь все кордоны. По их рассказам о жизни молодежи Парагвая и написан этот очерк.

У решетчатой ограды Акоста замедлил шаг. Шел только седьмой час утра, а к подъезду «каса президенсиал» подкатывали один за другим сияющие лимузины. Военные полицейские в голубой опереточной форме с автоматами на изготовку встречали каждую машину цепкими взглядами, хотя спешившие во дворец принадлежали к правящей элите Парагвая. Министры, генералы, высшие правительственные чиновники старались не испытывать судьбу и по заведенному диктатором солдатскому распорядку прибыть в резиденцию за несколько минут до того, как в ворота въедет президентский «шевроле» с обязательным конвойным «джипом» на хвосте. Изо дня в день это происходило ровно в 6.30 утра.

— Однако такими темпами я не скоро доберусь до цели, — спохватился Акоста.

Акоста завернул за угол здания военной школы и услышал дребезжание трамвая. Можно считать, что ему повезло — иной раз проторчишь здесь добрые четверть часа, прежде чем появится битком набитый дряхлый вагончик.

А опаздывать нельзя: в половине восьмого его ждут у Боновито. Опоздание Акосты может взволновать его — в последнее время стресснеровская охранка свирепствовала как никогда, нервы у подпольщиков напряжены до предела.

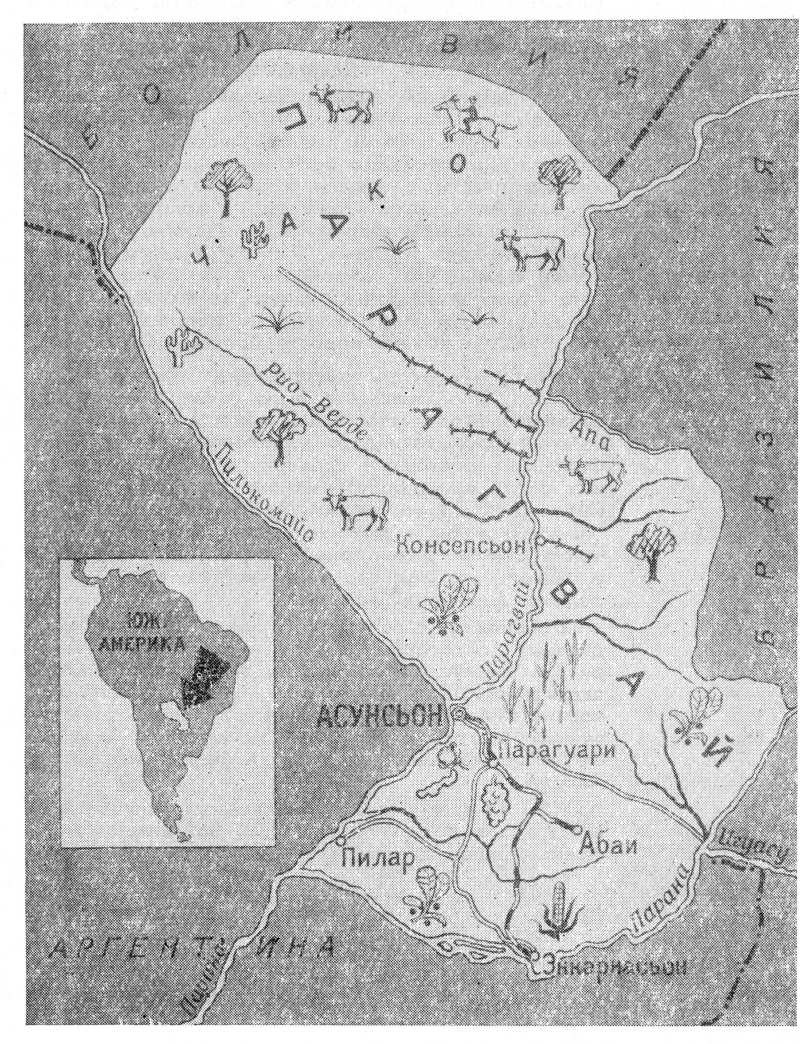
Но вот и его остановка. Незаметно оглядевшись, Акоста неторопливо зашагал к небольшой часовенке, едва видной из-за густой листвы. От часовни тянулась тихая улочка — зеленый туннель, верхний свод которого образовывали сомкнувшиеся кроны.

Акоста и Боновито познакомились в 1959 году. К этому времени Боновито, несмотря на свои 17 лет, был уже опытным подпольщиком. Сын адвоката, он еще школьником вступил в Федерацию коммунистической молодежи Парагвая, порвав с традициями семьи и своего класса.

Акосте с первого взгляда понравился этот невысокий юноша с жесткими черными волосами и чуть скуластым смуглым лицом — очевидными свидетельствами того, что в его жилах была индейская кровь. При кажущейся хрупкости Боновито был хорошо тренированным спортсменом. Акоста, с детства привыкший к тяжелому крестьянскому труду, поражался его выносливости, когда зимой 1961 года им пришлось делить трудности партизанских будней в лесах Каагуасу.

Но настоящую цену Боновито Акоста и его друзья узнали, когда тот оказался в страшных застенках асунсьонской полиции. Акосту тоже тогда схватили во время одной из массовых облав. Неделя отсидки, несколько зуботычин, и его отпустили,

не забыв предупредить, чтобы в следующий раз не попадался. Ведь стресснеровские гестаповцы даже не подозревали, что в их руках побывал тот самый Акоста, которого они боялись и искали.

Боновито пришлось хуже. За ним охотились долго и упорно. Шеф полиции Асунсьона мобилизовал свою лучшую агентуру. Несколько раз «неуловимый Боновито» буквально ускользал из рук ищеек. Однажды в июньский вечер 1963 года полиции удалось накрыть явочную квартиру, где член секретариата ЦК Компартии Парагвая Альфредо Альварес Хара проводил важное совещание. Среди присутствующих был и Боновито. Все они готовы были тогда как можно дороже продать свои жизни. Но случилось иначе — Вильфридо, тяжело раненный в первые же минуты схватки, приказал им прорываться по потайному ходу. Сам он передвигаться уже не мог. Несколько драгоценных мгновений было выиграно. Последнюю пулю Вильфридо пустил в командира полицейского отряда.

А через несколько месяцев Боновито все-таки схватили. На людной улице его узнал бывший одноклассник, ставший офицером личной охраны Стресснера. В кармане у Боновито лежал пистолет, можно было попытаться скрыться. Но вокруг гуляло много людей, среди них — дети. Боновито не мог стрелять.

Бесконечной вереницей потянулись дни мучительных допросов. Стресснер и его камарилья знали, что усилиями коммунистов в стране создан Единый фронт национального освобождения Парагвая (ФУЛНА), в который вошли различные партии и организации. От Боновито требовали, чтобы он рассказал о структуре ФУЛНА, о партизанских отрядах, о том, как поддерживается связь.

В эти страшные недели Боновито познакомился со всем арсеналом инквизиторских приемов, полученным асунсьонскими «специалистами» в школе Генриха Гиммлера. Его били, укладывали на раскаленные пластины, купали в электрической ванне и снова били, били. Однажды на допрос пожаловал ближайший подручный диктатора, министр внутренних дел Инсфран. У парагвайского «палача номер один» был наметанный глаз: он сразу понял, что из этого узника ничего не выжмешь. После двадцатиминутного «личного» допроса он махнул рукой и вышел, коротко бросив: «Такумбу́».

Такумбу́ — лагерь смерти среди равнин парагвайского Чако. Здесь все было сделано, чтобы население лагеря уменьшалось «естественным путем». Рабочий день начинался в половине пятого утра. Охранники проводили проверку и гнали заключенных в карьеры дробить камень до поздней ночи. Питались заключенные кукурузными отходами, на 140 узников была дюжина мисок. Все без исключения болели дизентерией. Пистолеты охранников с пальцем на спусковом крючке все время смотрели в затылок узника.

Но Боновито словно ожил: здесь не было ежедневных допросов, а главное — он встретил товарищей. Вместе было гораздо легче осуществлять задуманное. Шли дни, и вот — побег. Опять Боновито в Асунсьоне. Здесь ему доверили ответственный участок работы в молодежной секции ФУЛНА. Непосредственно ему и подчинялся сейчас Акоста.

...Как опытный конспиратор, Акоста не остановился возле дома, где его ждал Боновито, а медленно прошел до конца улицы. Затем повернулся и неторопливо двинулся обратно. Лишь окончательно убедившись, что за ним не следят, он подошел к дому и позвонил: два длинных и два коротких.

В небольшой комнатке уже было трое парней. Двоих Акоста хорошо знал по прежней работе в университетской федерации, лицо третьего гостя было незнакомо.

Боновито сразу приступил к делу.

— Эмилио, — сказал он, указывая на незнакомца, — точно знает, что в пятницу в Энкарнасьон отправляют партию оружия. Вагон прицепляют к пассажирскому поезду. Поэтому диверсия на железной дороге отпадает. Остается другой путь. Через день-два часть оружия из Энкарнасьона переправят на машинах в местечко Сан-Луис, где стоит охранный батальон «Колорадо». Вот на этом-то участке и необходимо перехватить транспорт с оружием.

Сегодня понедельник, в нашем распоряжении около недели, но медлить нельзя. Ты, Акоста, отправишься в Энкарнасьон вечерним поездом. Завтра поедет Хуанито, а послезавтра — Гутьеррес.

Заметив, что все трое смотрят на него с изумлением, Боновито улыбнулся:

— Центр придает очень большое значение этой операции. Кто знает, когда еще подвернется такой удобный случай достать оружие? Вы, все трое, повезете в отряд приказ ФУЛНА. План нападения разработают в отряде в зависимости от конкретной ситуации. Как связаться с отрядом, узнаете в Энкарнасьоне — каждый на своей старой явке.

...Утреннее солнце разбросало блики по невысоким холмам, покрытым зарослями йербы, молодых тунговых деревьев, кустиков маниока. Этот типичный для округа Сан-Косме пейзаж дополняла речушка Рио-Такуари. Ее полувысохшее русло виднелось между деревьями.

Во время дождей Рио-Такуари становится внушительной полноводной рекой. Последний паводок даже начисто снес старый деревянный мост, и чтобы попасть из Энкарнасьона в Сан-Луис, приходилось делать крюк миль в двадцать. Но сейчас, в декабре, беспощадное солнце обезводило Рио-Такуари, и кое-где ее можно было переехать вброд.

Нужно думать, что массивные грузовики с оружием форсируют Рио-Такуари именно здесь, где раз в неделю проходит машина из батальона «Колорадо» за продуктами и почтой.

...Укрывшись в густых зарослях, отряд третий день поджидал «гостей» из Энкарнасьона.

Схема связи была такова. Как только колонна оставляла позади заправочную станцию недалеко от Энкарнасьона, механик или смазчик станции — оба члены секции ФУЛНА — звонили хозяину придорожной пивной, что в маленьком местечке милях в трех от засады. От заправочной станции до этого местечка часа полтора езды. В пивной сидели двое связных. Услышав от хозяина, давно сотрудничающего с партизанами, что «звонила мама и просила Педро приехать в воскресенье», они должны были передать известие в отряд.

Акоста и Гутьеррес благополучно добрались до отряда. А Хуанито не приехал. Что случилось с ним, не поймала ли его полиция, не выследили ли шпики?

Утреннюю тишину прорезал тонкий свист. От одной группы партизан к другой побежало короткое: «Тревога».

Потянулись последние, самые томительные минуты ожидания. Но вот стало слышно урчание моторов. Первыми шли два «студебеккера», за ними — «паккард» с солдатами. Первая машина въехала в Рио-Такуари. Вот вода почти полностью покрыла ее колеса, вот она миновала середину реки. В воду окунулся второй «студебеккер», с холмика к реке стал сползать «паккард»..

В воздух взлетела сигнальная ракета.

Каждая из групп, на которые был разбит отряд, имела четко очерченное задание: одни должны были вывести из строя водителей, другие — сосредоточить внимание на охране, третьи — следить за окрестностями.

Между тем конвой, оправившись от растерянности, залег вокруг «паккарда» и начал отстреливаться. Но время было упущено. Машины с оружием беспомощно застыли в реке.

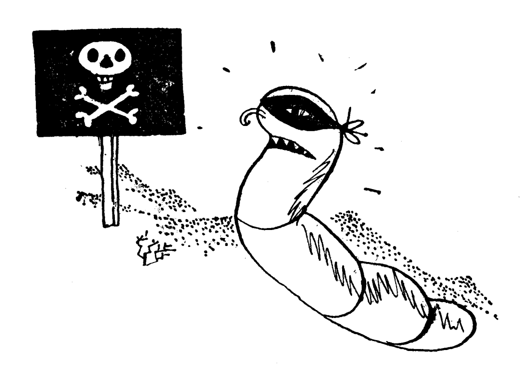
Партизаны подползли к «паккарду» с тыла и забросали его гранатами. Все было кончено.

— Ну что ж, выстрелы не зря гремели на Рио-Такуари, — прозвучал в наступившем безмолвии голос командира. Он подошел к Акосте и Гутьерресу, крепко пожал руки:

— Спасибо за помощь, друзья!

ОЛГОЙ-ХОРХОЙ

ЛЕГЕНДА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

„Большой и толстый червяк, неизвестный житель пустыни, извивался на фиолетовом песке. Было что-то отвратительное и в то же время беспомощное в его неловких замедленных движениях... Внезапно червяки свились каждый в кольцо. В тот же момент окраска их из желто-серой, сразу потемнев, стала фиолетово-синей, а на концах — ярко-голубой. Без крика, совершенно неожиданно радист рухнул ничком в песок и остался неподвижным...

Что это за таинственная сила, которой обладает олгой-хорхой, я не берусь судить. Может быть, это огромной мощности электрический разряд или яд, разбрызгиваемый животным, я не знаю...» Это строки из научно-фантастического рассказа И. А. Ефремова «Олгой-хорхой».

Что же такое олгой-хорхой (в переводе с монгольского — кишка-червяк) — мифическое существо или реальное животное?

Впервые о гигантском червяке, якобы убивающем наповал, услышал от монгольских аратов Эндрьюс, начальник американской палеонтологической экспедиции 1922—1924 годов в Гоби. И. А. Ефремов уже в другой книге, «Дорога ветров», в которой рассказывалось о работе советской палеонтологической экспедиции в Гоби, писал: «...Легенда о нем (олгое-хорхое) так распространена и так единообразна, что, нужно думать, в ее основе действительно есть какое-то чрезвычайно редкое вымирающее животное, вероятно, пережиток древних времен, уцелевший теперь в самых пустынных уголках Центральной Азии».

Попробуем разобрать предположения И. А. Ефремова. Какая же смертоносная сила может быть на «вооружении» у олгоя-хорхоя?

Науке известны животные, защищающиеся разрядом электричества, так сказать, живые конденсаторы. Это электрический сом, электрический скат и гимнот — электрический угорь рек Южной Америки, описанный еще Гумбольдтом. Гимнот наиболее «высоковольтная» рыба — ее разряд достигает 300 вольт. Она может убить мелкое животное, оглушить человека.

Но олгой-хорхой едва ли мог позаимствовать оружие из арсенала гимнота. И вот почему. Гимнот живет в воде — отличном проводнике тока, а олгой-хорхой, если он существует, обитает в песках. А сухой песок — очень хороший изолятор. И поэтому, чтобы разряд олгоя-хорхоя был для человека смертельным или хотя бы чувствительным, напряжение его должно быть не менее 1000 вольт. Такое маловероятно.

Допустим теперь, что оружие олгоя-хорхоя — яд. Тогда, наверное, яд смертельный и летучий: ведь олгой-хорхой, как утверждают легенды, не кусает и отравляющее вещество может попасть только через легкие.

Такой яд известен. Это синильная кислота — химическое вещество с довольно мрачной репутацией, встречающееся, кстати, в живой природе. Кипит синильная кислота примерно при 26 градусах Цельсия, и в условиях жаркой пустыни ее капли могли образовать смертельные испарения.

Загадочное животное обретает в наших рассуждениях понемногу плоть и кровь; толстый, неповоротливый, свивающийся при опасности в кольцо червяк, выбрасывающий в окружающую среду синильную кислоту. Но не слишком ли фантастичны наши предположения?

Действительно, никто из нас не видел олгоя-хорхоя. Но можно утверждать, что многие видели, причем неоднократно, миниатюрное подобие легендарного животного. Поворошите в саду опавшие листья, и вы отыщете небольшую червеобразную многоножку — кивсяка. Возьмите его в руки — он свернется в спираль. Тело кивсяка членистое, как у дождевого червя, и покрыто довольно твердым, пропитанным известью панцирем. Кивсяк малоподвижен и обычно безвреден, но не беззащитен. На брюшных сегментах открываются протоки так называемых защитных желез, которые заполнены жидкостью. Она выделяется, когда кивсяк свивается в спираль. У каждого вида кивсяка своя защитная жидкость: или остропахучая, или жгучая, а иногда ядовитая. А один вид кивсяка выделяет свободную синильную кислоту.

Самые крупные современные многоножки — один из видов того же кивсяка — достигают всего лишь 26—27 сантиметров, но среди ископаемых известны и полуметровые.

Теперь представьте очень крупного, полуметровой длины, кивсяка, железы которого могут выбрасывать сразу несколько граммов синильной кислоты. Чем не олгой-хорхой — загадочное животное из рассказа И. А. Ефремова?

Проверить правильность этих догадок смогут лишь исследователи труднодоступных мест пустыни Гоби.

Б. МЕДНИКОВ

ПРОИСШЕСТВИЯ

Ветер швыряет снег в лицо. Ноги скользят по льду. Нет, лучше снять лыжи. Теперь нужно быть особенно осторожным: лыжи, прикрепленные к рюкзаку, нарушают равновесие. Опасен каждый порыв ветра.

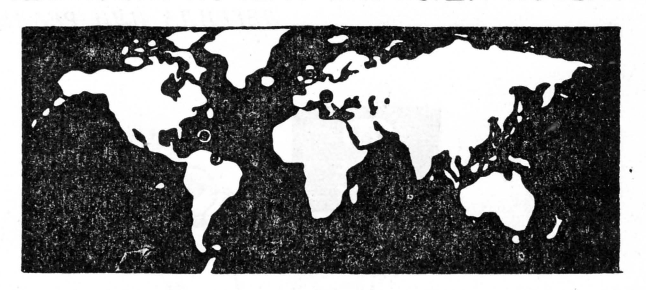
Наконец вершина Кастор взята. Высота 4226 метров. Начался спуск. Каждый шаг по стеклянному ото льда скату может стать последним. Обвязавшись веревкой, лыжники осторожно сползают вниз...

...Этот сложный поход начался в австрийском городе Инсбруке. Пятеро молодых лыжников — два француза, швейцарец, итальянец и австралиец — задумали совершить зимний рейд по вершинам Альп. Их маршрут проходил через четыре страны, граничащие с этим горным массивом, — Австрию, Швейцарию, Италию, Францию. Альпинисты-лыжники должны были пройти в горах около 1000 километров.

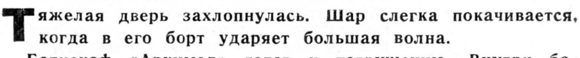
После штурма массива Гран-Парадисо альпинисты попали в лавину. Трое из них могли бы остаться под снегом навсегда, если бы не помощь товарищей.

Последнюю ночь пути лыжники идут при свете фонарей, вмонтированных в капюшоны. Опасность и здесь не оставляет маленькую экспедицию. От конечной точки пути их отделяет двадцатипятикилометровое русло лавины. Кое-как пробравшись через ущелье Железного Креста, затопленное снежной лавиной, отряд прибывает в Гренобль. Жак Санньe — руководитель экспедиции — вручает мэру Гренобля письмо, адресованное ему мэром города Инсбрук. Письмо шло 33 дня! Оно вместе с «почтальонами» пересекло 12 горных массивов, 30 ущелий и 25 ледников, поднимаясь до высоты 4560 метров. Экспедиция прошла по «крыше» Европы.

ГДЕ·КОГДА·ПОЧЕМУ·ГДЕ·КОГДА·ПОЧЕМУ

ГДЕ·КОГДА·ПОЧЕМУ·ГДЕ·КОГДА·ПОЧЕМУ

Тяжелая дверь захлопнулась. Шар слегка покачивается, когда в его борт ударяет большая волна.

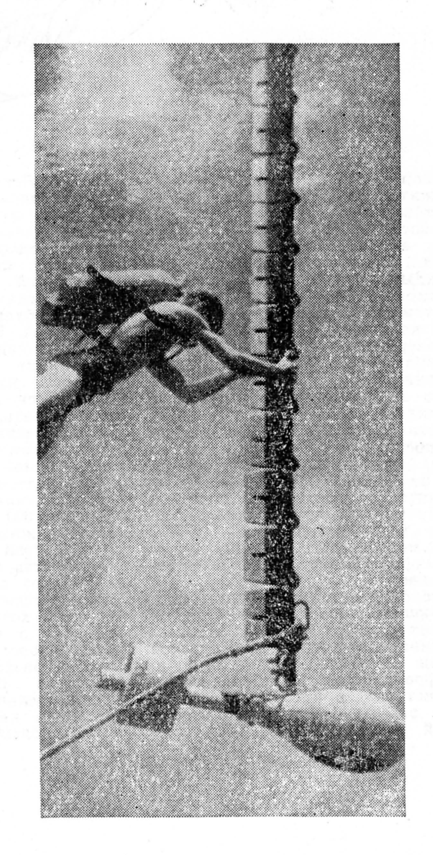
Батискаф «Архимед» готов к погружению. Внутри батискафа — очень тесная каюта, приборы, пульт управления. Здесь три француза-океанолога будут работать в течение 10 часов при повышенной влажности воздуха и 35 градусах жары. Погружению батискафа предшествовали широкие подводные исследования.

Сигнал погружения. Аппарат вздрогнул, стрелка глубиномера сдвинулась с нулевого деления. Руководитель экспедиции — профессор биологии Жан Пере — застыл у иллюминаторов. Уот — рядом с ним. Делоз следит за приборами. Шлюзовые камеры наполнились водой, судно «идет ко дну».

Пять, десять, двадцать метров. Голубая вода освещена солнцем. «Архимед» погружается со скоростью 2 метра в секунду. Но вот свет меркнет. На глубине 200 метров уже приходится зажечь прожекторы. Профессор Пере ведет записи, отмечает изменения животного мира, регистрирует плотность и состав планктона.

Глубина более 6000 метров. По программе исследования спуск замедляется. Скорость погружения гасится до 50 сантиметров в секунду. Пере уже 3 часа наблюдает мириады крошечных фосфоресцирующих организмов, неизвестных глубоководных рыб, проносящихся мимо иллюминаторов. 6500 метров!

Наконец батискаф приближается ко дну впадины Пуэрто-Рико. В свете прожекторов вырисовывается белесое пят-

но дна. Осталось десять метров — ясно видна сероватая глина, несколько небольших каменных глыб, очевидно свалившихся сверху.

— А вот и рыба! — воскликнул Пере. Каким-то неуловимым движением штопора бело-розовые существа ввинчиваются в воду. Какая жалость, что их нельзя поймать! Обитателей глубин снимают на цветную пленку.

У дна «Архимед» попадает в облако ила, видимость падает до нуля, но это не беда: через несколько минут начнется обратный рейс. Вверх, к солнцу — из мрака, из глубин. «Архимед» побывал почти на девятикилометровой глубине в одной из глубочайших впадин Атлантического океана.

Необычную картину наблюдали рано утром жители английского города Бредфорда.

На скорости 80 километров в час товарный состав сошел на повороте с рельсов — они были очень скользкими от утренней росы и густого тумана — и врезался в стену вокзальной столовой (к счастью, в эти утренние часы она была пуста). Пролетев через столовую, состав пробил заднюю стену вокзала и рухнул на тротуар улицы, лежащей на десять метров ниже уровня подъездных путей. Машинист, который пытался сделать все возможное, чтобы затормозить, в последний момент крикнул своим коллегам: «Прыгаем!» Все прыгнули и... отделались легкими ушибами. Состав же разбился вдребезги.

Флотилия из нескольких больших пирог плывет к острову, возвышающемуся над водой. По пути гребцы выуживают из воды то крошечную обезьянку мармозет, то перепуганного насмерть ленивца, то тропического ежа. Сельва тонет, сельва захлебывается мутной, тяжелой волной. Испуганные стаи перрикито — изумрудных попугайчиков — носятся в воздухе. Шипят змеи, порхают птицы, хищники стоят, прижавшись к травоядным. Пришла общая беда — наводнение!

Это произошло в Нидерландской Гвиане. При строительстве гидроэлектростанции на реке Суринам было запружено верхнее течение реки. Область свыше 2200 квадратных километров оказалась затопленной.

Отряды энтузиастов-спасателей выехали в район наводнения. Один из отрядов, который возглавлял представитель Международной лиги защиты животных Джон Вальс, провел крупную операцию по спасению животных. «Гвамба» («Звери») — так назвали участники этой экспедиции свой рейд в джунгли Гвианы.

...Остров был близок. Вальс и его помощники осторожно входят в воду: в реке могут быть пираньи. Веслами и длинными шестами снимают зверей с веток. В пум и оцелотов стреляют пулями-ампулами со снотворным. Вот уже пироги становятся маленькими ковчегами, пора отплывать...

Не один рейс совершили лодки. Во время спасательных работ на острове несколько человек пострадали от укусов ядовитых змей, их удалось с трудом спасти. Самого Вальса змеи кусали трижды, но ему помог сильный иммунитет, полученный во многих экспедициях в джунгли. Операция «Гвамба» закончилась успешно — 1000 спасенных зверей!

Агатовый кубок

И. МОЖЕЙКО

К этой истории — полностью достоверной и трагической — так или иначе имеют отношение:

Франциско Пелсерт — командор могущественной голландской Ост-Индской компании, отвечающий за судьбу золота, драгоценностей и трехсот пассажиров, размещенных в обширных трюмах и вместительных каютах корабля компании «Батавия», отправляющегося на Яву;

Ариан Якобш — капитан «Батавии», подчиняющийся Пелсерту и ненавидящий его;

Иероним Корнелис — официальный заместитель Пелсерта, человек хитрый, жестокий, готовый на все; а также многие другие лица, с которыми читатель познакомится в ходе повествования.

К этой истории имеет также отношение Питер Пауль Рубенс — великий фламандский художник, любитель и знаток драгоценностей, который в 1619 году за фантастическую по тем временам сумму — 2000 золотых скуди — купил агатовый кубок византийской работы и впоследствии, испытывая нужду в деньгах, передал его в руки Франциско Пелсерта для продажи индонезийским купцам,

и некий Вильям Бекфорд, купивший в 1823 году в Италии этот же агатовый кубок, который неисповедимыми путями вновь оказался в Европе. Но где странствовал кубок два долгих столетия, какие пути привели его из трюмов «Батавии» в лавку итальянского антиквара, что видели бесстрастные лица сатиров, вырезанные на его тонких — не толще китайского фарфора — стенках, на это не смогли ответить ни Бекфорд, ни знатоки, тщательно изучившие все документы, относящиеся к кубку, и сам кубок. Только небольшую часть пути его удалось проследить по старинным книгам и пожелтевшим рукописям...

* * *

Прибытия «Батавии» и сопровождавшей ее большой эскадры с нетерпением ждали на Яве. Генерал-губернатору Нидерландской Индии — так в эпоху колониальных захватов называли Индонезию — нужны были деньги и солдаты. Голландцы никак не могли сломить сопротивление жителей страны. Несмотря на резню, которую губернатор Кун устроил на островах Банда, несмотря на то, что по приказанию Куна все взрослые мужчины на острове Рун были обезглавлены, положение голландцев было не из лучших. Султан Агунг осадил даже главную крепость голландцев Батавию, а правитель Бантама, с которым война продолжалась уже десять лет, угрожал голландским факториям.

Кроме того, Кун готовился к решающим боям с англичанами и португальцами. Голландия намеревалась стать хозяином Востока.

Это было жестокое время, время непрерывных колониальных войн и походов, когда жизнь человека стоила много меньше фунта пряностей, вывезенных из Южных морей...

* * *

Подгоняемая попутным ветром «Батавия» шла к Индонезии. Капитан Ариан Якобш, человек уже немолодой, но сохранивший гибкость ума и физическую силу, нахмурившись, смотрел на идущую в кильватере его «Батавии» эскадру из шести кораблей компании. Якобш был не в духе. Посасывая трубку, он думал о том, что вся жизнь его отдана на откуп скаредным купцам компании, для которых лишний раз развязать кошелек не легче, чем продать душу дьяволу. А кроме того, Якобшу было чертовски обидно, что он, знаменитый капитан и достойный человек, командир лучшего в мире корабля, должен во всем подчиняться этому молокососу Пелсерту. Будь его, Якобша, воля, он давно бы скормил этого Пелсерта акулам, захватил «Батавию», набитую золотом, как шкатулка амстердамского ростовщика, отправил за борт вслед за командором всех его приспешников, поднял пиратский флаг — и пусть проваливается в тартарары вся эта Ост-Индская компания. Но пока за кормой эскадра — мечты остаются мечтами. Да и этот Пелсерт, несмотря на молодость, что-то слишком осторожен и осмотрителен.

Пелсерт действительно заподозрил капитана в опасных для себя и компании планах и удвоил осторожность. Непосредственно Пелсерту подчинялось 30 солдат, в том числе десять французских наемников, на его стороне были служащие компании, по крайней мере большинство их, пассажиры и часть матросов и

Рисунки С. ПРУСОВА

офицеров, которые не знали о планах капитана, а узнав, не одобрили бы их.

...Миля за милей оставались за резной кормой «Батавии», и наступил день, когда заговор созрел окончательно. Надо было только выбрать удобный момент. И вот у мыса Доброй Надежды, когда Пелсерта неожиданно свалил приступ тропической лихорадки, на эскадру обрушился шторм, разметавший все корабли. Отныне «Батавия» продолжала путь по пустынному Индийскому океану одна.

Болезнь Пелсерта и отсутствие эскадры внушили новые надежды заговорщикам. Ведь если командор умрет, главным представителем компании на борту останется Иероним Корнелис — один из главарей заговора — и захватить корабль будет несложно. Но сколько протянет Пелсерт? День? Неделю?

Две недели прошли в ожидании. Пелсерт не умирал. Мало того, он ежедневно вызывал к себе для доклада офицеров и был в курсе всего, что происходило на борту. Приближался день, когда на горизонте должны были показаться берега Явы. И Якобш понял, что медлить больше нельзя. Но в последнюю минуту заговорщики струсили — слишком много было на корабле матросов, настроенных против них, колеблющихся. А действовать надо было наверняка — ни Якобш, ни Корнелис не очень-то хотели, чтобы океанские ветры раскачивали на реях их грешные тела. Надо было как можно скорей привлечь колеблющихся на свою сторону. И Якобш предлагает план.

На корабле находилась некая Лукреция Янш — женщина исключительной красоты, которая плыла в Батавию к своему мужу, крупному чиновнику компании. В течение всего плавания Якобш безуспешно добивался любви этой дамы. И вот, раздраженный неуступчивостью красавицы, Якобш предлагает порезать ей лицо ножом, предварительно распустив слух, что Лукреция — ведьма, что это она наслала шторм на эскадру, что она задумывает другие черные дела и поэтому заслуживает наказания. Капитан рассчитывал на то, что больной Пелсерт, узнав о происшествии, вынужден будет принять решительные меры. Но, наказывая матросов, свершивших «святое дело», Пелсерт обязательно навлечет на себя гнев пассажиров «Батавии», вспыхнет бунт — и корабль будет в руках заговорщиков. Корнелис одобрил план, но предложил обойтись с Лукрецией «помягче»...

И вот по кораблю поползли слухи, что Лукреция ведьма, что она принесет несчастье. И однажды вечером, до того как на вахту вступили верные компании солдаты, несколько матросов во главе с боцманом вытащили Лукрецию из каюты, проволокли ее на глазах у пассажиров по палубе, надругались над ней, вымазали дегтем и грязью. На крик женщины из каюты выбрался Пелсерт. Его появление спутало все карты. Никто не ожидал, что Пелсерт сможет встать с постели.

Пелсерт немедленно вызвал стражу, и матросы ретировались. Командор понимал, что за этим, казалось бы, бессмысленным актом стоит сам капитан. Тем более что, вызванный к командору, он картинно возмущался и клялся всеми святыми, что матросов необходимо жестоко наказать — по крайней мере протащить под килем корабля. Капитана поддерживал Иероним Корнелис.

Пелсерт не принял решения в тот вечер, но под тем предлогом, что капитану необходимо заступать на вахту, предложил ему покинуть каюту и остался в ней с тремя верными офицерами.

Совещание затянулось до темноты. И неизвестно, к какому решению пришли бы они, если бы не раздался внезапный грохот. Корабль задрожал и накренился.

...Оказалось, что поглощенный интригами, капитан сбился с курса настолько, что вместо Явы «Батавия» подошла к северному берегу Австралии и налетела на рифы в нескольких десятках миль от материка...

На корабле началась паника. Первая же из спущенных шлюпок разбилась о борт. Женщины с детьми пытались пробиться к лодкам, но их отталкивали матросы и солдаты. Капитану удалось найти Иеронима Корнелиса на корме. Тот кинжалом пробивал себе путь к отплывающей шлюпке.

Капитан отвел Иеронима в сторону. Даже прикрикнул на него, дабы тот не сходил с ума. И объяснил, что надо делать, не обращая внимания на нарастающую с каждым новым ударом о рифы кутерьму, на плач женщин и детей, на суматошные крики. План был таков. Неподалеку есть два острова — с рассветом их увидят все. К одному из островов и направится шлюпка, которую захватил Пелсерт. Золото и ценности погрузить они не смогли — сундуки слишком тяжелы, а потому их придется пока оставить на корабле. «Батавия» затонет только через несколько часов — может даже и дней. Нос ее находится на мели, и только под кормой глубина в три сажени. Теперь настало время действовать. Он, капитан, берет на себя Пелсерта. Остальная команда останется под началом Корнелиса.

Пока шел этот разговор, от корабля отвалила последняя шлюпка и направилась к темнеющему на фоне неба острову. Капитан перепрыгнул через борт и скрылся в море.

Корабль после каждого удара оседал все глубже. Оставшиеся на борту матросы достали из капитан-

ской каюты бочонок хорошего вина, выломали дно и, забыв об опасности, принялись за пир. Корнелис не присоединился к ним. Он направился прямо к кладовой, вскрыл топором одну из шкатулок, надел на шею золотую цепь с изумрудами и вошел в каюту к пирующим. Увидев блеск золота, матросы забыли о вине, рифах, смертельной опасности, нависшей над ними, — обо всем на свете. Они бросились к кладовой и принялись расхватывать золото и драгоценности. Корнелис не останавливал их — именно этого он и добивался. Дорвавшиеся до золота матросы перестали быть покорными служащими компании, преступление волей-неволей объединяло их и помогало Корнелису захватить власть...

Пелсерт не знал о том, что творится на «Батавии». Подавленный и больной, он бродил по берегу, не обращая внимания на священника, который забегал вперед и все старался узнать, каковы же планы господина командора и что теперь надо делать. Пелсерт и сам толком не знал, что делать. И потому, когда он увидел мокрого, без камзола и сапог, капитана, он даже обрадовался своему врагу. Вряд ли теперь, когда корабль погиб, есть смысл продолжать вражду.

Уже занимался рассвет. Остров, на который высадились Пелсерт, капитан и остальные спасшиеся с «Батавии», представлял собой несколько скал, окаймленных полосой песка.

Несколько солдат отправились на поиски пресной воды. Через час они вернулись и доложили, что воды на острове нет. Был обследован соседний островок, отдаленный от первого узким неглубоким проливом. Там тоже воды не оказалось. Тогда десять человек на плоту были посланы к большому острову, видневшемуся на горизонте.

Тем временем с корабля прибыли с Корнелисом последние матросы. Уже не было возможности перевезти грузы и пресную воду — с минуты на минуту «Батавия» могла расколоться и уйти на дно.

И вот капитан Якобш предложил Пелсерту отправиться с ним вместе на боте к материку. Там наверняка должна быть вода. Если же воды там не окажется, то бот должен прямым ходом идти к Яве и привести оттуда помощь.

Пелсерт согласился с капитаном, ибо его совсем не устраивала перспектива оставаться на безводных островах. Но командор не догадался, что скрывается за этим предложением.

Капитан замыслил разделаться с Пелсертом, доплыть с верными матросами до Явы и там взять корабль для спасения погибающих, заявив, что Пелсерт остался охранять имущество компании. Потом захватить этот корабль и уже на нем осуществить старые планы. Оставшийся главным на островах Иероним Корнелис получил от Якобша особые указания...

Капитан отправился собирать команду бота. Он вызвал главного боцмана и двух матросов из числа тех, кто участвовал в нападении на Лукрецию, а боцман сам уже подобрал нескольких надежных, как он считал, людей.

Пелсерт так спешил покинуть остров, что слишком поздно заметил, из кого набрана команда. Но делать было нечего. Пелсерт не спеша перешел на корму, чтобы не опасаться удара в спину, и решил драться до последнего. Но тут судьба вновь улыбнулась командору. Когда бот проходил мимо боль-

шого острова, они встретили уплывших с утра на плоту солдат, на которых Пелсерт мог положиться. Командор сказал Якобшу:

— Бот достаточно просторен, чтобы вместить еще десятерых.

— Но ведь их ждут на острове, — забеспокоился Якобш.

— А мы не знаем, какие опасности подстерегают нас на материке или на пути к Яве.

Капитан и хотел бы поспорить, но рядом стояли десять человек, для которых слова Пелсерта были елеем. Им представлялась возможность первыми спастись с острова. Разумеется, они сразу поддержали бы командора.

Не найдя на материке воды, бот взял курс на Яву.

...Путешествие Пелсерта и его спутников на открытом боте от берегов Австралии до Явы было беспримерным в те дни переходом. Долгое время оно считалось одним из основных путешествий XVII века, и даже через сотни лет географы с уважением наносили его на карты...

Две недели продолжалось плавание. И наконец, погибающие от голода и жажды моряки увидели на горизонте берега Явы.

У самой Батавии бот встретился с потерявшейся у мыса Доброй Надежды эскадрой. «Сардам» — один из кораблей — принял Пелсерта и его команду на борт.

Первое, что делает Пелсерт в Батавии, — добивается ареста боцмана и матросов, виновных в нападении на Лукрецию. Он ничего не забыл и не простил. Потом пишет большой донос на капитана, обвиняя его в организации заговора.

Капитана арестовали не сразу, боцмана тут же — и повесили: Лукреция была дамой знатной. Но Кун и другие высокопоставленные представители компании были недовольны и самим Пелсертом. Пелсерт нес ответственность за груз, а теперь груз находился на дне моря. Батавия была взбудоражена слухами о гибели корабля. Уверяли, что все на борту погибли и спасся только Пелсерт. Командору вменили в вину и то, что он вместе с капитаном покинул место крушения, оставив на произвол судьбы триста человек.

Пелсерт получает приказ: немедленно, как только «Сардам» кончит разгрузку, вернуться на острова, достать со дна моря драгоценности и привезти всех оставшихся в живых. Капитана Якобша оставили в Батавии до окончательного выяснения запутанного дела. «Сардам» был разгружен в рекордные сроки, затем на него погрузили множество бочек с водой, в команду его — немногочисленную, ибо корабль должен был взять спасенных, — включили водолазов, и «Сардам» отплыл к югу, сопровождаемый благими пожеланиями. Ведь если губернатор волновался в первую очередь о судьбе казны, многие солдаты, офицеры и торговцы ждали с «Батавией» своих жен и детей и волновались за их судьбу.

Путешествие «Сардама» оказалось более долгим, нежели переход на боте. Корабль пятьдесят дней боролся со встречным ветром и штормами и прибыл к островам только через два с половиной месяца после того, как Пелсерт и капитан покинули их.

«Сардам» направился к ближайшему из островов, где, по расчетам Пелсерта, должны были находиться потерпевшие крушение. Но уже с палубы было видно, что остров пуст. Где же люди? И тут Пелсерт увидел, что на отдаленном, самом большом острове поднимается к небу столб дыма. Корабль изменил курс и направился туда. Но не успели пройти и половину пути, как из-за скалы показалась маленькая лодка. Человек, сидевший за рулем, отчаянно махал рукой, стараясь привлечь к себе внимание.

Когда лодка приблизилась, увидели, что в ней четыре человека. Один греб, один правил, а двое, окровавленные, лежали на дне ее... Рулевому помогли подняться на борт.

Первыми словами его были:

— Осторожно. Вас ждут...

Пелсерт ничего не понимал: кто ждет, чего надо

остерегаться? Тем временем лодку подняли на борт и раненым оказали первую помощь. Рулевой, в котором Пелсерт узнал, наконец, солдата Виббе Хейсса, истощенного и измученного, говорил, что на «Сардам» готовится покушение, что власть на острове находится в руках Иеронима Корнелиса, который хочет захватить корабль. Вернее, не Иероним хочет захватить корабль, ибо Иероним находится уже в плену у него, Хейсса, а Воутер Лоос, который теперь император острова...

Из сбивчивых разъяснений Хейсса Пелсерт понял только то, что ему грозит опасность и он никому не должен доверять.

Разговор с Хейссом еще не окончился, как показался большой плот. На плоту было десятка два людей, одетых с вызывающей роскошью, усыпанных бриллиантами и изумрудами и хорошо вооруженных. Плот подплыл к борту. Люди на плоту усиленно изображали радость по поводу прибытия «Сардама». К борту подошел Пелсерт. Даже появление самого дьявола не могло бы больше поразить людей на плоту. Они спешно стали грести от корабля. Первый же выстрел поднял фонтан брызг перед плотом. Сопротивление было бесполезным. Плот пристал к борту, и пассажиры его по одному, без оружия, стали подниматься на палубу, где их немедленно связывали матросы. Лоос, увидев Хейсса, глубоко вздохнул:

— Жаль, что не успели тебя повесить, собаку...

— Теперь сам покачаешься на рее, — ответил Хейсс.

После окончания бескровного сражения с основными силами пиратов матросы привезли связанного Иеронима Корнелиса. Затем, объединив силы с солдатами Хейсса, Пелсерт подплыл на шлюпках к острову, на котором скрывались последние пираты, и всех их быстро обезоружили. Те и не сопротивлялись. Сражение было проиграно.

Когда все съехались на борт «Сардама», выяснилось, что из трехсот человек, плывших на «Батавии», если не считать тридцати запертых в трюме пиратов, в живых осталось всего сорок человек — мужчин, женщин и детей. Вот что рассказали они морякам «Сардама».

...Оставшись главным на островах, Корнелис, не теряя времени, выясняет, на кого он может положиться. Для начала он приказывает верным матросам взять на плот четырех ненадежных солдат, отплыть якобы на поиски воды и утопить их. Через несколько часов плот возвращается. Приказ выполнен.

Политика Иеронима отныне проста. На убийства он посылает двух-трех верных людей и одного-двух колеблющихся. Если колеблющийся выполняет приказ и убивает жертву, его принимают в число «своих». Если отказывается — он сам становится жертвой.

По острову ползли слухи о таинственных исчезновениях: полтора десятка человек пропали ночью или не возвратились, уйдя на поиски воды. Воду

Корнелис щедро раздавал только своим помощникам.

Наконец наступил день, когда на острове — резиденции Корнелиса — остались только «свои» — сорок матросов, торговцев, офицеров, которые подписали «пакт» верности Корнелису, объявившему себя императором островов.

Но если офицеры и торговые представители компании делали все, чтобы услужить Корнелису, некоторые солдаты и матросы сопротивлялись.

Хейсс, посланный еще в первые дни на Большой остров, нашел там воду и уже собирался вернуться, когда до острова ночью доплыл юнга и рассказал, что творится в «царстве Корнелиса». Время от времени на плотах или вплавь к Хейссу добирались жители других островов, и понемногу число обитателей Большого острова достигло сорока человек. Это были люди, готовые сражаться с Корнелисом до последнего.

Установив власть на «своем» острове, Корнелис решил захватить Большой остров. Он спешил: со дня на день мог показаться спасательный корабль.

Подходя к острову, Корнелис пустился на хитрость — выбросил белый флаг и предложил начать переговоры. Солдаты с Большого острова согласились. Корнелис в сопровождении самых надежных и сильных пиратов вышел на берег. Остальные остались на плоту.

На берегу Корнелиса ждали Хейсс и двое других солдат. Корнелис предложил всем жизнь при условии, что они присоединятся к пиратам. Хейсс отказался. Он заявил, что не верит ни единому слову Иеронима. Разъяренный Корнелис приказал помощникам стрелять, но не успели те поднять оружие,

как из-за скал вышли двадцать матросов и наставили на пиратов мушкеты со взведенными курками. Корнелис никак не ожидал увидеть на острове столько мужчин. Он сразу пошел на попятный. Сказал, что пошутил, что не хотел сделать ничего дурного, стал клясться, что убивал по приказанию Пелсерта...

— Хватит, что ли? — спросил один из матросов, обращаясь к Хейссу. Корнелис начал отступать к берегу. Но было поздно. В короткой схватке спутники Корнелиса были убиты, а сам он связан.

Увидев исход переговоров, остальные пираты немедленно повернули на свою «базу». Там после бурных дебатов они избрали матроса Лооса новым императором и, вооружившись посильнее, отправились на штурм острова. Силы были неравны — пираты захватили «плацдарм» на берегу, и Хейссу с товарищами пришлось отступить к холмам. И тут с вершины холма Хейсс увидел паруса «Сардама».

Увидели их и пираты, но чуть-чуть позже...

Несколько дней Пелсерт доставал со дна моря сундуки с золотом. Одновременно шел суд. Полумертвых от пыток Корнелиса и семерых его помощников приговорили к смерти. В момент казни, уже перед виселицами, эти семеро просили лишь одного: «Пусть Корнелиса казнят первым. Мы хотим быть уверенными, что он умер». Пелсерт выполнил их просьбу.

Двоих же Пелсерт высадил на пустынный берег Австралии, и они, таким образом, стали едва ли не первыми колонистами. Их дальнейшая судьба неизвестна. Вернее всего, они погибли от жажды и голода. Еще нескольких пиратов Пелсерт приговорил к стандартному в те времена наказанию: протащить три раза под килем корабля, а потом сто ударов плетью у мачты.

Правда, когда корабль вернулся в Батавию, генерал-губернатор пересмотрел приговор и приказал повесить еще шестерых пиратов. Причем двое юнг, как несовершеннолетние, должны были тянуть жребий, кому из них умереть, а кому получить двести ударов плетью.

Виббе Хейсс был произведен в прапорщики, а остальные солдаты, бывшие с ним на острове, получили в награду за верность двухмесячное жалованье.

Лукреция обнаружила, что ее муж умер, и вышла замуж вновь.

Капитан был заключен в тюрьму, но о дальнейшей судьбе его ничего не известно — документы компании за этот год утеряны.

Пелсерт так и не вернул к себе расположение компании. Он умер через год в одном из походов.

Деньги, спасенные с корабля, пошли на финансирование новых походов против индонезийцев, в которых послушные закону и компании солдаты, в том числе и те, что отважно сражались на Большом острове, вели себя не менее жестоко, чем пираты с «Батавии». Но их за это не вешали, а награждали.

* * *

Рубенс так и не получил денег за свой кубок. Кубок, который стал невольным свидетелем этих событий. Не исключено, что вместе с другими драгоценностями кубок побывал в руках Иеронима Корнелиса и только потом оказался на Яве. Может быть, он был обнаружен агентами компании в вещах Пелсерта уже после его смерти и конфискован. Так или иначе, очевидно, кубок попал все-таки в Индию и многие годы украшал дворец какого-нибудь раджи, прежде чем вернуться обратно в Европу.

ГРОЗНАЯ СИЛА ЛАВИН ИЗДАВНА ТРЕВОЖИЛА СЕРДЦА ЖИТЕЛЕЙ ГОР. ВЕКАМИ СЧИТАЛИ ЕЕ НЕОТРАЗИМОЙ. НО ПРИШЛО ВРЕМЯ — И ЧЕЛОВЕК ОБЪЯВИЛ ВОЙНУ ВСЕСОКРУШАЮЩЕЙ, СЛЕПОЙ СТИХИИ. О ЛЮДЯХ — БОРЦАХ С ЛАВИНАМИ — ЧИТАЙТЕ НА СТР. 49.

В декабре 1916 года — буквально за два дня — в Альпах погибло от лавин более шести тысяч австрийских солдат. Матиас Здарский, один из крупнейших в мире знатоков лавин, поднялся к месту катастрофы: надо было начинать спасательные работы. Вдруг альпинист услышал, как к грохоту близкой артиллерийской канонады присоединился характерный шум обвала. Здарский бросился к спасительной скале, но не успел сделать и трех прыжков, как снежная пыль закрыла солнце и его закрутило черно-белое облако.

— Меня потащило в бездну, — вспоминал Здарский. — Мертвые тела, выброшенные лавиной из засыпанного убежища, оказались рядом со мной в снежной массе, прыгающей с уступа на уступ. Мне казалось, что я лишен рук и ног; снег давил на меня все сильнее и сильнее, рот был забит льдом; глаза, казалось, вылезли из орбит, кровь грозила брызнуть из пор. Только одно желание испытывал я — скорее отправиться в лучший мир. Но вдруг на мою лавину упала другая и разбила ее на части. С отчетливым «черт с тобой!» лавина выплюнула меня...

У Здарского было 80 переломов. Только благодаря огромной силе воли через одиннадцать лет он снова встал на ноги, поклявшись всю жизнь посвятить борьбе с лавинами.

●

В 1908 году в Швейцарии французские инженеры построили горный отель недалеко от деревни Гоппенштейн. Они не знали местных условий и не придали значения предупреждениям жителей о том, что в этом районе часто бывают снежные обвалы. 29 февраля 1908 года лавина уничтожила отель. Двенадцать человек были задушены взрывной волной.

●

В середине XVII века на известном Аверском процессе над ведьмами со всей серьезностью утверждалось, что снежные обвалы вызывают колдуньи. Некий священник даже утверждал, что однажды видел ведьму, которая сидела на лавине и... пряла.

В прошлом, когда начинался сезон лавин, жители горных районов служили мессы, закапывали в снег освященные яйца, надеясь этими подарками избавиться от опасности. О лавинах складывали поговорки и загадки: «Что летает без крыльев, бьет без рук и видит без глаз?»

НА ОХОТНИЧЬИХ ТРОПАХ МИРА

На слонов со слонами

С глубокой древности до наших дней сохранились в Индии, Непале, на Цейлоне традиционные формы охоты со слонами.

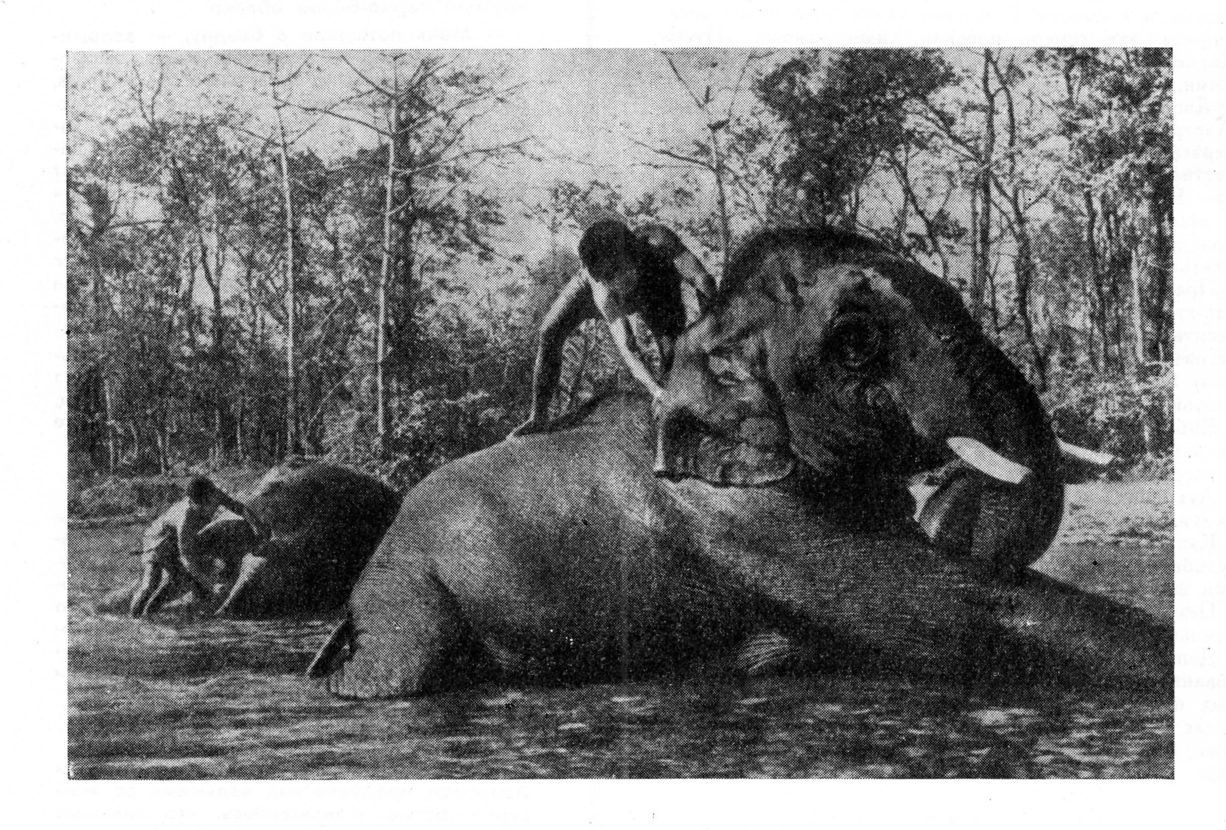
...Вот на огромном красавце слоне восседает раджа. В окружении придворных на лошадях и слонах он выезжает на охоту. стрела раджи просвистела в воздухе. Раненый зверь одним прыжком взвился в воздух, пытаясь дотянуться до врага в сверкающих доспехах. И тут мускулистый хобот обвил тигра и отбросил его на копья загонщиков.

Этот пример стал классическим в описании охоты со слонами. Гораздо реже можно прочесть о том, как слоны «ловят» слонов. Происходит это так.

...Разведчики-наблюдатели из засады в ветвях высокого дерева обнаружили стадо диких слонов с молодняком. В лагерь ловцов

Сигнал атаки — дикие окружены, слоны-охотники начинают гнать их. Один за другим отстают от бегущего стада «малыши» — молодые слоны в возрасте от 5 до 12 лет. Из-за них-то и была предпринята охота. Взрослые плохо поддаются дрессировке, а новорожденные слонята еще слишком слабы, чтобы их можно было приручать. Поэтому «подростки» и пользуются большим спросом у покупателей...

Вот слон-охотник настигает «дикаря». Ловец-фанди приготовился, в его руках тяжелый ар-

Умное животное хорошо понимает хозяина, но охотнее повинуется старому погонщику — магауту.

Загонщики выгнали тигра прямо на слонов. Трубят слоны, почуяв запах хищника, предупреждают наездников: тигр близко! Как только в траве мелькнула огромная тень полосатой кошки,

побежал гонец. И вот к зарослям молодого кардамона, которым любят лакомиться дикие слоны, с подветренной стороны осторожно приближаются охотники. Домашние слоны ступают осторожно, почти без шума. На переднем слоне охотник с толстым канатом — арканом и погонщик-магаут.

кан. Бросок! Слон пойман! С другого бока к нему подходит второй слон-охотник. И опутанного веревками «дикаря» ведут в селение.

...После охоты слонов купают в реке. Добродушный гигант-охотник залег у берега, с удовольствием принимая ванну.

За спиной буйвола

Общеизвестны древние и благородные «профессии» буйвола во многих азиатских странах. Он и землю помогает обрабатывать, и перевозит кладь, и рушит зерно на току. А у индийских и цейлонских буйволов есть еще одна малоизвестная «специальность». Здешние крестьяне иногда используют их при охоте, отлове и приручении диких буйволов.

На безлесых равнинах, рисовых полях трудно подкрасться близко к добыче. И тогда пускают буйвола. Медленно вышагивает он, пощипывая траву, а за широкой спиной буйвола прячутся охотники. Буйвол все ближе и ближе подступает к цели и, наконец, подводит охотника к дичи на расстояние ружейного выстрела. Когда охотник начинает целиться, буйвол словно замирает и задерживает дыхание, давая возможность произвести выстрел. Лишь после выстрела раздается шумный выдох...

Используют буйвола и в качестве приманки при охоте на хищников. Буйвол, как охотничья собака, легко обнаруживает зверя по запаху и дает знать об этом хозяину глубокими и частыми вздохами.

Почуяв буйвола, хищник крадется к нему, но ни один мускул не дрогнет у «приманки» — обученное животное словно верит в меткость охотников, притаившихся в засаде...

Чтобы сделать из буйвола настоящего помощника на охоте, требуется длительная дрессировка животного. Она начинается еще в раннем возрасте и длится три-четыре года.

За это время буйвол привыкает к шуму, перестает бояться ружейных выстрелов, учится реагировать на сигналы и команды хозяина. А на Цейлоне некоторые дрессировщики имеют целые отряды обученных буйволов. За небольшую плату охотник может даже взять животное «напрокат».

Салуку — друг бедуина

Ее изображения встречаются на египетских фресках, ее мумии находят в гробницах рядом с мумиями фараонов. Как и пять тысяч лет тому назад, она делит со своим хозяином тяготы жизни в пустыне. Она — это салуку, одна из самых древних собачьих пород на земле.

Салуку похожа на небольшую борзую с короткой шерстью, только на ушах и хвосте шерсть у нее длинная и пушистая. Основное достоинство салуку — быстрота и неутомимость. Од-

нажды салуку вместе с борзыми и гончими пустили за добычей. Первые минуты все собаки бежали рядом, но скоро салуку оставила далеко позади своих соперников.

Частые и резкие перепады температуры в пустыне за многие поколения приучили салуку не бояться ни холода, ни жары. К тому же салуку — прекрасный прыгун: говорят, она может прыгнуть на десять метров в длину и на два — в высоту. Поэтому те, кто видел салуку на охоте, уверяют, что, когда она бежит, кажется, будто она летит по воздуху, почти не касаясь земли. И быстрой газели никак не уйти от салуку...

Коран причисляет собаку к «нечистым животным». Но к тому времени, когда ислам достиг африканских пустынь, у салуку уже была неплохая «биография»: она стала для бедуинов необходимым спутником на охоте. И произошло удивительное: жители пустынь отказались считать салуку... собакой. Есть у кочевников просто собаки и есть салуку, которую, несмотря на все ее собачьи качества, собакой не считают. А раз так, то салуку может жить с хозяином в одном шатре, ее никто не продаст и не выменяет. И салуку платит человеку взаимностью — она верна хозяину и никому, кроме него, не позволит к себе прикоснуться. Такова салуку — один из самых древних друзей человека на земле.

Схватка в подземелье

Пятнадцать клеток из тростника выстроились на полке рядом с очагом: хорьки, питомцы Базиля, боятся сырости и холода. Если зверек промок во время охоты, Базиль заботливо растирает его, чтобы тот не простудился и не заболел воспалением легких. Маленькие пушистые шарики свернулись на подстилках из еловых веток. Кажется, они совсем не похожи на тех мускулистых и злобных хищников, с которыми Базиль выходит на зайцев.

Здесь, в верховьях реки Луары у Сен-Шели, зайцев видимо-невидимо. Живут они в подземных лабиринтах — норах, в их узкий вход, кроме длинноухих «хозяев», может проникнуть только хорек. И здесь издавна существует охота с хорьками на зайцев. Вот как она проходит.

...Ранним утром охотник отправляется на холмы. За спиной в кожаном мешке-футляре его лучший помощник, крепкий самец-хорек. Найдя входы и выходы из заячьего лабиринта, Базиль баррикадирует их землей и травой. Остается один-единственный «парадный» вход. Из мешка Базиль достает хорька и быстро подносит его к норе.

Глаза зверька наливаются кровью; мелькнул хвостик, хорек устремляется на поиски добычи... Звуки жестокой борьбы под землей, затем из отверстия норы показался серый клубок. Базиль с трудом оторвал хорька от жертвы — большого жирного зайца. К концу «рабочего дня» хорек-охотник принес хозяину еще шесть трофеев. И вот зверек снова в своем переносном кожаном домике.

ТРАГЕДИЯ В ОКЕАНЕ

Теманиги и Натуа — два полинезийца с острова Маупиги — в моторной лодке отправились на соседний остров. Путешествие с острова на остров было делом обычным, кратковременным, и ни пищи, ни воды люди не взяли. Но на полпути мотор отказал, и течение вынесло Теманиги и Натуа в открытый океан.

154 дня — пять месяцев — течения и ветры носили лодку по пустынному океану. Только однажды на горизонте показалось какое-то судно — и скрылось.

Совершенно случайно Теманиги отыскал в лодке лезвие безопасной бритвы, насадил его на палку, и этим самодельным гарпуном мужчины добывали рыбу. Питьем служила дождевая вода.

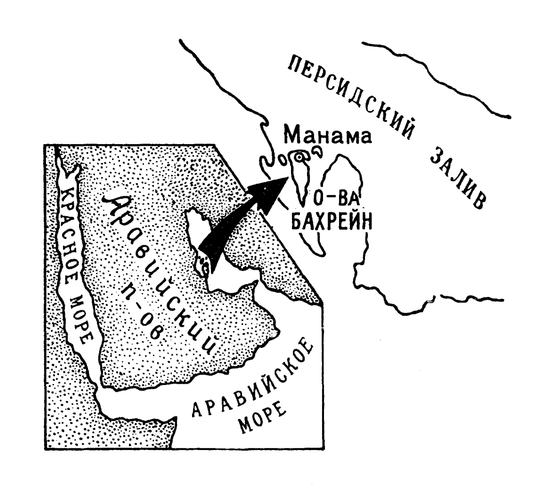
Через четыре месяца Натуа умер, не вынеся лишений. А еще через месяц Теманиги пристал к Мануа, одному из островов Самоа, отдаленного на две тысячи километров от его родины.

ПО ПУТИ ДРЕВНИХ ПОЛИНЕЗИЙЦЕВ

„Каждый человек обладает инстинктивным чувством времени и ориентации в пространстве, хотя большинство людей об этом и не подозревает", — говорит бывший моряк и золотоискатель, а ныне железнодорожный инженер Р. Л. Уэбб. Проверить это Уэбб собирается во время длительного путешествия с Таити на Гавайи. 4 тысячи километров водного пути железнодорожный инженер намеревается преодолеть так, как это делали когда-то полинезийцы, — на спаренных каноэ, без какого бы то ни было навигационного оборудования.

«Природа полна знаков, которые ведут человека, — уверяет Уэбб. — Мы будем наблюдать за погодой, облаками, расположением звезд — может быть, нам удастся достигнуть такой же точности ориентировки и умения ходить под парусами, как древним полинезийцам».

ЖЕЛТЫЙ ЖЕМЧУГ

Мы встретились на рынке в Манаме — столице Бахрейна. Это был высокий сухой старик с бронзовым морщинистым лицом. Выцветшая белая рубаха, темная юбка, на голове платок, уложенный в виде чалмы. — настоящий морской волк. Он сидел перед циновкой, на которой лежали створки раковин жемчужниц и веточки снежно-белых кораллов.

— Не хочет ли господин купить люлю? — спросил он.

Старик вытащил из-за пазухи грязную тряпицу и достал из нее крошечные жемчужины желтоватого цвета. Такой жемчуг не идет на ювелирные поделки, его покупают только туристы. Я купил у него жемчужины, несколько перламутровых раковин и веточек коралла. Довольный удачной продажей, старик разговорился:

— Сейчас трудно найти работу, тем более мне, старику и калеке, — объясняет он. — Плохо вижу, не могу долго находиться под водой и даже плавать.

...С древности и по сегодняшний день острова Бахрейн являются центром добычи жемчуга в Персидском заливе. С середины мая до конца сентября к жемчужным отмелям залива из портов Манама и Мухаррак выходят сотни три лодок с ловцами жемчуга. Время и технический прогресс совсем не отразились на жемчужном промысле. Ловцы рассматривают отмель через самодельный «перископ» — высокую банку, погруженную наполовину в воду. В дно банки вставлено стекло. Найдя россыпь раковин, они ныряют на двадцатиметровую глубину, залепив уши воском и зажав нос костяной пластинкой.

Мне пришлось наблюдать у берегов Бахрейна работу ловцов жемчуга. Четыре обнаженных человека, у каждого сбоку на тонком ремешке прикреплен широкий нож, ныряли за раковинами с лодки — «маркаб». Они держали в руках тяжелое каменное ядро — груз для быстрого погружения в воду — и корзину для сбора раковин. Под водой ловцы находились около минуты, затем выныривали на поверхность с веревками в руках и отдыхали, держась за борт лодки. А сидящий в «маркабе» ловец втаскивал за веревку корзины с большими, обросшими водорослями раковинами.

Через три часа ловли начали вскрывать раковины. Ножом надрезали замыкающую мышцу моллюска, и створки раковины открывались. Только в трех раковинах из ста был найден жемчуг. Это была удача — ведь может случиться и так, что за целый сезон ловцы не находят ни одной жемчужины. Скупщик жемчуга, который под улов ссудил зимой деньги и продукты, требует уплаты, и ловцы вынуждены обращаться либо к ростовщикам, либо залезать в новые долги, чтобы рассчитаться со старыми и прокормить семью. Двадцать лет тому назад купец в уплату за ссуду мог принять перламутр, который шел на изготовление пуговиц, брошек и разных безделушек. Но сейчас перламутровые раковины покупают только туристы, а «перламутровые» пуговицы изготовляются на химических заводах.

Японский «король жемчуга» Микимото, открывший в начале этого века секрет зарождения жемчужины, положил начало промышленному производству культурного жемчуга. Это нанесло огромный ущерб древнему промыслу в Персидском заливе. С каждым годом все меньше и меньше лодок ловцов жемчуга выходит с Бахрейнских островов. Безработные ловцы торгуют сувенирами на перекрестках, идут на нефтепромыслы Авали, работают носильщиками на рынках Манамы и Мухаррака, эмигрируют в княжества Договорного Омана в надежде получить работу на новых месторождениях нефти.

...Старый ловец жемчуга наклоняется вперед и с трудом встает. Только сейчас я вижу, что он хромой: ниже колена правой ноги болтается розовый обрубок — след роковой встречи с акулой. Он тяжело вздыхает и, часто моргая, смотрит красными, воспаленными глазами в сторону моря, где на мелкой зыби покачиваются одномачтовые рыбацкие лодки и шхуны.

— Жемчуг — ваше богатство, — говорю я на прощанье.

— Нет, господин. Жемчуг — наши слезы!

...Я иногда достаю из коробочки две крошечные, невзрачные жемчужины. Пожалуй, они действительно похожи на слезинки. Рыбацкие слезы, поднятые со дна моря...

О. ГЕРАСИМОВ

В. ЧИЧКОВ

РЫБАКИ ВЕРА-КРУСА

Вера-Крус. Двухэтажные домики, будто перенесенные из испанской Валенсии, кованые железные решетки на балкончиках и окнах, узкие улицы (вот-вот по ним прокатит карета с гербами), ароматные кофейни и разноголосые базары, на которых так много всякой рыбы, гигантских крабов и маленьких устриц.

Чем ближе к порту, тем старина настойчивее напоминает о себе: «Здесь был бой испанских конквистадоров с индейцами», «Здесь проезжал Кортес», — гласят надписи. Невольно всматриваешься в большие камни мостовой: наверное, и они хранят отпечатки кованых сапог конквистадоров.

...Мы выехали из Вера-Круса и помчались вдоль

берега моря. Дорога бежала ровной серой лентой вдоль пляжей, мимо низкорослых зеленых сосен и рыбацких хижин.

— Здесь живут рыбаки, — кивнул в сторону хижин шофер Луис. — Исстари их называют «свободными». Раньше в таких же хижинах жили индейцы. Они тоже ловили рыбу...

Луис остановил машину, и мы пошли по мелкому песку. Рыбаки — их было человек двадцать — грузили в лодку тяжелую мокрую сеть. Вот несколько человек прыгнули в лодку, остальные навалились и оттолкнули ее от берега. Кланяясь волнам, лодка ушла в море. Метрах в трехстах от берега рыбаки стали выбрасывать сеть в воду. За лодкой потя-

нулась ровная линия поплавков. Лодка повернула к берегу, гребцы ударили веслами, и старший стал сбрасывать длинные канаты, привязанные к сети.

На берегу без шума и суеты две шеренги рыбаков, прицепив канаты к поясам, стали выбирать сеть, негромко напевая протяжную песню. В такт песне они отступали от воды.

Сеть была почти пуста — несколько пестрых рыб пампано, несколько мелких сьерр.

Мальчишки сматывали канаты.

— Плохо дело, — грустно сказал старший, высокий худой рыбак со смуглым от палящего солнца лицом. — Видно, провинились мы перед богом. Почти неделю рыба не идет. Хозяин грозится отнять лодку и сеть. Сейчас еще раз закинем. Может, сжалится над нами святая дева Мария.

— А цена на рыбу сейчас высокая, — вставил Луис.

— Там, — рыбак кивнул в сторону города, — на базаре, она всегда высокая. Но мы-то продаем рыбу скупщикам за полцены. Хранить у нас ее негде — жара. Они что хотят, то и делают.

— А как же вы делите между собой доходы? — спросил я.

— Очень просто! Улов делим на сорок частей. Четырнадцать отдаем хозяину за лодку и сеть. А остальное нам.

— И сегодняшний улов тоже на сорок частей?

— Всякое бывает.

Рыбак, пожав нам руки, снова пошел грузить сети.

...Мы ехали вдоль берега. Через несколько километров снова видели лодки и рыбаков, тянувших сети.

...К вечеру рыбаков на прежнем месте уже не было видно. На берегу сохли сети. Словно гигантские паутины, растянулись они на белом горячем

песке. Над сетями в поисках мелкой рыбешки кружились хищные сиполото. Медленно размахивая черными крыльями, они протяжно кричали, и их голоса разносились над дремлющим берегом, над вековыми соснами и хижинами, очень похожими на те, что стояли здесь сотни лет назад, — хижинами свободных рыбаков.

Тумстон — город призраков

О. ВЕРЕЙСКИЙ

Рисунки автора

Глава из книги-альбома «В Америке», выходящей в издательстве «Советский художник»

 окно моего номера виден изменчивый простор Мичигана. Иногда это яркая синь, иногда — темная, рябая от вздыбленных волн полоса, обрамленная прибитыми к берегу льдами, иногда — искрящаяся, играющая солнечными бликами гладь, спокойная, как вода в блюдце.

За окном навис густой туман, и над озером каждую минуту звучит «фогхорн» — предупредительный сигнал с маяка. Стемнело. Я включил телевизор.

Шел фильм о покорении «Дикого Запада». Тут был весь набор: мужественные ковбои, стреляющие без промаха сразу из двух кольтов, и золотая лихорадка, и добрые шерифы, и драки, и погони...

Все это я уже видел. Сто раз в кино и один раз воочию. В прошлый свой приезд я был на «Диком Западе», в Тумстоне — городе «слишком выносливом, чтобы умереть». Этот девиз красуется на городской эмблеме (ковбой, стреляющий сразу из двух кольтов), на путеводителях, рекламных проспектах, дорожных щитах.

Я побывал в прошлом веке. Во всяком случае, город сам пожелал законсервироваться, по мере возможности сохранить все «как было». В первый раз мне довелось увидеть город, живущий не настоящим, не будущим, а прошлым, только прошлым.

Мы еще ехали по пустыне Аризоны среди древовидных кактусов, а невидимый город уже настойчиво заявлял о себе самым странным образом.

«Милости просим в Тумстон — город слишком выносливый, чтобы умереть!» В сочетании с самим названием города (Тумстон— надгробие) в этом уже была какая-то мистика. Но дальше было похлестче: «Милости просим в Тумстон! Посетите кладбище тех, кто похоронен в башмаках!»

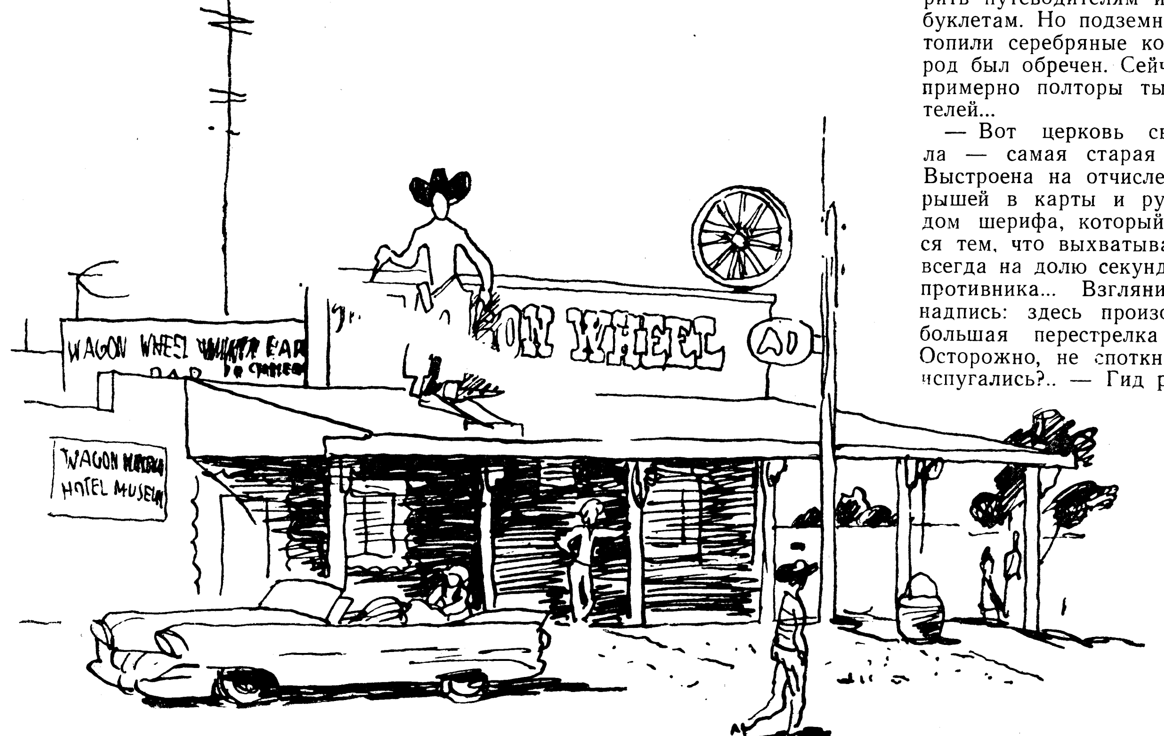
Вот оно что — там погребены не жалкие людишки, принявшие смерть от старости или хвори, пропахшие насквозь лекарствами, разутые, раздетые. Нет! Здесь покоятся настоящие мужчины — кинжал, или пуля, или удар в висок настигли их в расцвете лет и сил — они умерли в башмаках! Вот это были люди!

Чего стоят могильные эпитафии: «Том... Франк... Бил (такие-то) зверски убиты на улицах Тумстона», дата. «Билл такой-то, да сбудется его проклятие!», «...такие-то (пять имен) повешены по воле закона. март 1881 г.», «Джон... линчеван таким-то», дата.

Кстати, городская газета тоже выдержана в этом мемориально-кладбищенском духе — она называется «Тумстонская эпитафия». Были, говорят, умники при ее основании (1880 год), которые пророчили короткую жизнь газете с таким мрачным названием — кому охота каждый день получать напоминание о бренности бытия. Но тумстонцы выдержали, они народ закаленный.

...Тумстон, как Клондайк, родился на гребне лихорадки, только не золотой, а серебряной. В годы процветания пятнадцать тысяч жителей добывали серебро, играли в карты и рулетку в салунах и дрались всеми доступными человеку способами — так по крайней мере это выглядит, если верить путеводителям и рекламным буклетам. Но подземные воды затопили серебряные копи — и город был обречен. Сейчас в городе примерно полторы тысячи обитателей...

— Вот церковь святого Павла — самая старая в Аризоне. Выстроена на отчисления с выигрышей в карты и рулетку... Вот дом шерифа, который прославился тем, что выхватывал пистолет, всегда на долю секунды опережая противника... Взгляните на эту надпись: здесь произошла самая большая перестрелка в городе. Осторожно, не споткнитесь... Что, испугались?.. — Гид радостно за-

хохотал. Это была давно испытанная, милая шутка — незаметно подвести к гробу. Обыкновенный черный гроб стоит себе запросто на улице, из него торчат ноги, обутые в грубые башмаки. Надпись на крышке гласит: «В Тумстоне не бывает полузастреленных!»

В таверне «Колесо телеги» нас встретила хозяйка — немолодая, чем-то озабоченная женщина. Сильно декольтированное платье с кринолином и воланами образца 1880-х годов так не шло к ее сегодняшнему, усталому лицу. Не переставая подметать пол, она вяло рассказывала про револьверы и массивные карманные часы, принадлежавшие некогда местным знаменитостям. Ими были увешаны стены таверны. Затем она таким же неживым голосом (как ей это все надоело!) рассказала про зеркало — вот оно, разбитое в той самой знаменитой перестрелке, и про бандита — грозу штата, — вот его портрет. На склоне лет он раскаялся, открыл зубоврачебный кабинет, вставлял зубы — тем, у кого раньше выбил, и умер, оплакиваемый благодарными пациентами.

Известно, что почти все города США, особенно маленькие, рекламируют что-то свое. «У нас самые большие и самые вкусные бифштексы в северных штатах!» Не в мировом масштабе и даже не в Америке, а деловито и скромно — в северных штатах. Так правдоподобнее.

Ну, а Тумстон, кроме своего прошлого, рекламирует климат. «Ни в одном другом месте США нет такого количества ультрафиолетовых лучей!» Для наглядности показывают осколки обыкновенного стекла, которые будто бы от длительного воздействия этих самых лучей превратились в россыпи драгоценных аметистов.

Гид, дойдя в своем рассказе до климата, страшно оживился («Я просто подыхал от чахотки, пока не перекочевал сюда, клянусь вам!») и перешел на местные анекдоты. Вот один из них: «У нас самый здоровый климат, здесь никто не умирает». — «А кого же это везут сейчас на похоронных дрогах?» — «Ах, этот! Так это же тот чудак, что приехал в Тумстон и вздумал открыть здесь похоронное бюро. Он и умер с голоду».

Нам показали «самое большое в мире» розовое дерево (наверно, так оно и есть) во дворе гостиницы — тоже признак самого здорового климата, и на этом обещанная программа «здоровье — история — гостеприимство» была исчерпана.

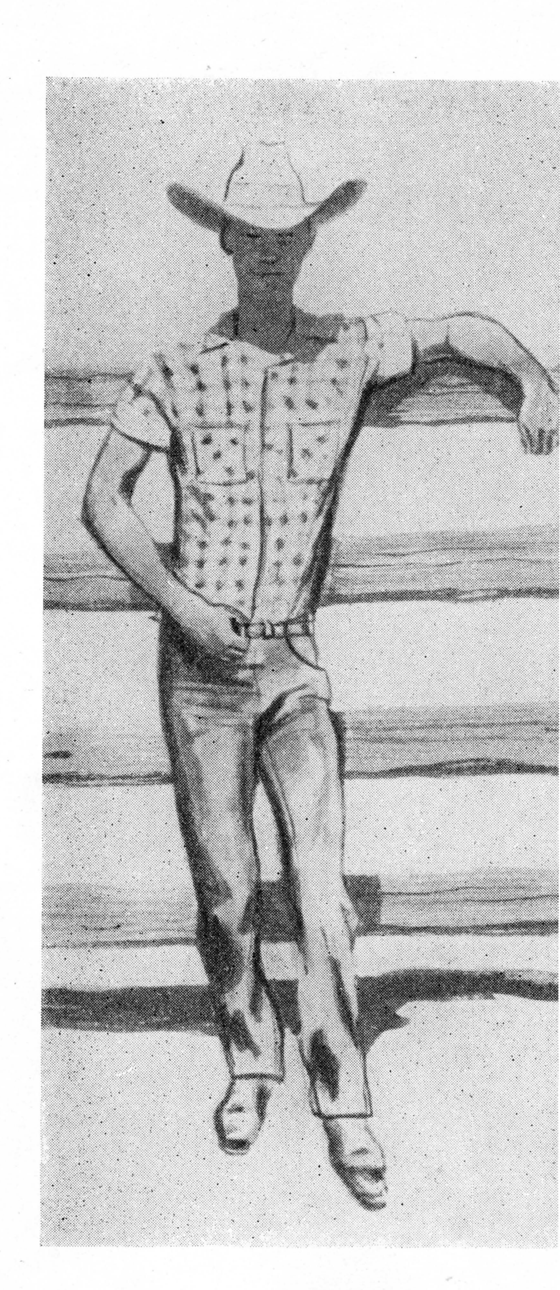
Еще нам вручили на прощание программу ежегодного праздника Эльдорадо, к которому готовился город. В эти дни Тумстон покажет туристам — а их понаедет сюда отовсюду множество, — чем он был в годы расцвета, воскресив в коротком праздничном фейерверке свою былую славу. Мужчины отращивали усы и бороды для скачек, стрельбищ, процессий — в духе «золотого века» своего города. Они выглядели очень декоративно в широкополых шляпах, джинсах и щегольских, узких, как футляры для столовых ножей, ковбойских сапожках на каблучках.

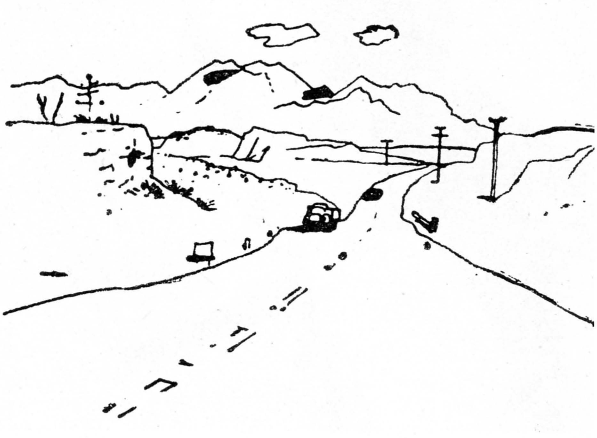
Не декоративных, не кинематографических, а настоящих ковбоев я увидел неделю спустя на ранчо (конечно, самом крупном в мире!) в штате Вайоминг. Выглядят они действительно точь-в-точь как персонажи из ковбойских фильмов. Но мирный труд животноводов ничем не напоминает полную опасностей и жутких приключений, перестрелок и драк жизнь их прообразов из голливудских лент. Боб Маклелан, смеясь, сказал мне, что вообще никогда в жизни не держал пистолета, его дело — управляться с быками и лошадьми. На ранчо разводят лошадей. «Последние на земле лошади нужны для того, чтобы существовали последние ковбои. Вы видели на дорогах автомобильный знак штата Вайоминг — ковбоя, объезжающего мустанга? Мы — вымирающая традиция, нас нужно беречь!» — Боб шутил, конечно. Лошади пока нужны. Их разводят для всех видов конного спорта (бега, дерби, родео) и для полиции.

Настоящие ковбои — труженики. Другое дело ковбои из Тумстона — города-призрака, где все, «как было».

У себя дома, в самых малых городах часто слышишь: «А вот здесь будет...» Если даже при этом показывают пустырь, еще не тронутый строителями, веришь, знаешь — конечно, будет. А когда говорят только «здесь было... здесь было...» — верить-то веришь, но почему-то становится не по себе.

...Но в общем Тумстон — славный, живописный город, хоть и не совсем «всамделишный». Теперь я уже не уверен, что был в нем, и путаю его со множеством близнецов из фильма о «Диком Западе».

ГОРОД под ОДНОЙ КРЫШЕЙ

Фото Г. КОПОСОВА

В Снежногорск, поселок строителей Хантайской ГЭС, пока еще не летают воздушные лайнеры. И поэтому людей, почту и разные грузы доставляют сюда из Норильска — большого заполярного города, который в ночных огнях удивительно похож на Ленинград.

В Снежногорске нет пока и современных каменных домов. Дома здесь скромные, деревянные. Ранним морозным утром над ними вьются дымки.

Этот мост здесь зовут Малым Крымским. Подвешенный на вантах над Хантайкой, он раскачивается на ветру, и людям, чтоб попасть на левый берег, приходится шагать по огромному гамаку.

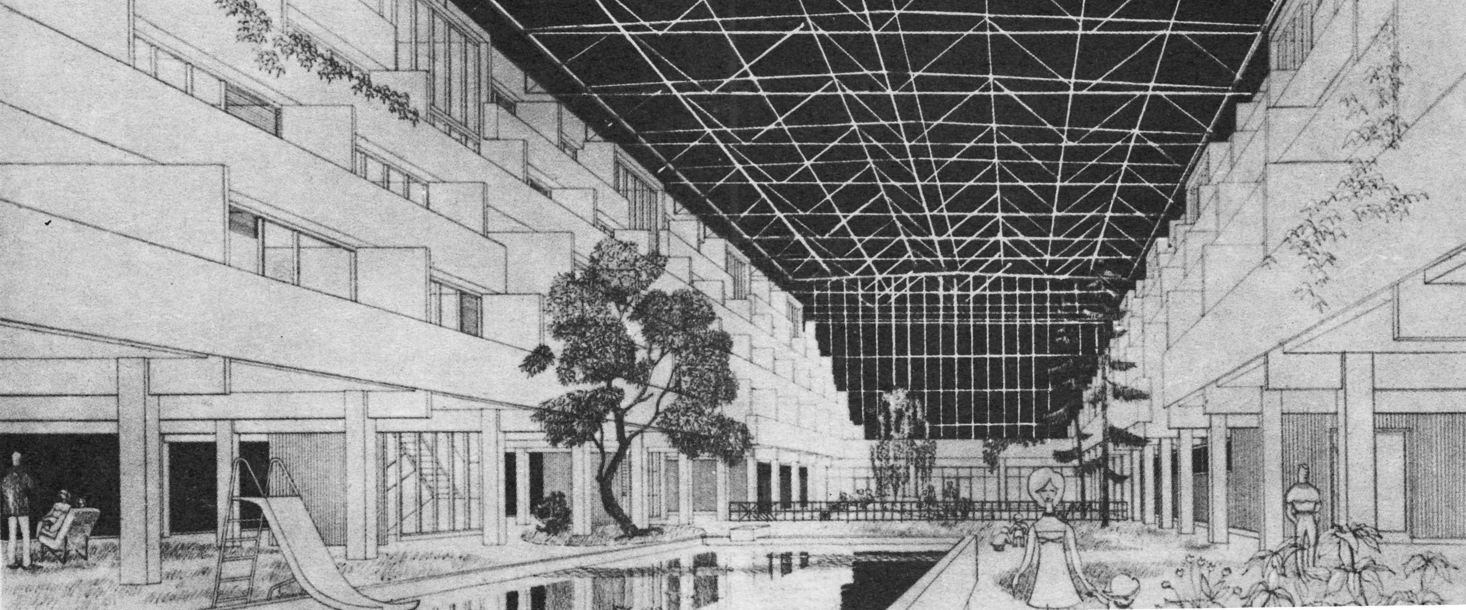
На левом берегу гидростроители ведут основные работы. Прорубается в скалах гигантский тоннель. По этому тоннелю вода Хантайки хлынет к турбинам самой северной ГЭС страны. Здание ГЭС с машинным залом для турбин и генераторов тоже будет вырублено в скалах.

Будущий город пока еще на ватманских листах. Вот один из предполагаемых проектов. Автор его — молодой московский архитектор Александр Иванович Шипков. Его будущий Снежногорск — огромный жилой комплекс под одной крышей, город-дом, с климатом средней полосы, с зимним садом, с бассейном и спортивными площадками. На первых двух этажах здесь будут магазины, школа, детские сады, поликлиника, кафе. Выше — квартиры с балконами в сад.

Пройдет несколько лет, и Хантайская ГЭС будет построена. Тысячи киловатт вольются в норильскую энергетическую систему. И тогда на 69-й параллели вспыхнет огнями удивительный город из стекла, бетона и алюминия. Город, имя которого Снежногорск.

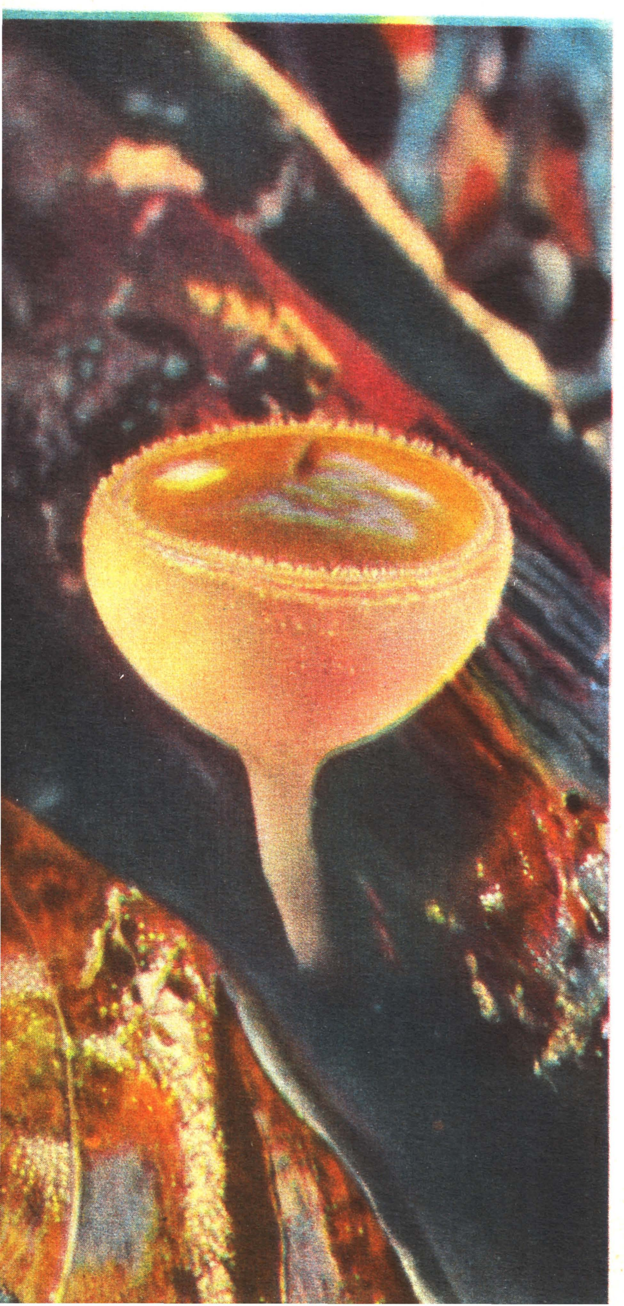

Рисунки А. ШИПКОВА

Причуды природы

СТРЕЛЯЮЩИЙ ГРИБ. Он вырос у пня почти что в одну ночь, после сильного ливня. Дрожит, покачивается хрупкая чашечка на тонкой ножке, в сантиметровом блюдце плещется капля росы...

Этот гриб — сапрофит, то есть живущий за счет отмершего органического вещества. Сапрофиты поселяются обычно на упавших стволах деревьев или гнилых пнях. На поверхности гриба находятся еле различимые бугорки — капсулы, содержащие споры. Когда споры вызревают, капсула «выстреливает» ими, как охотничьей дробью. Дистанция «выстрела» у грибов-сапрофитов различна: от 0,1 миллиметра до 4 метров. За день гриб может выделить поистине астрономическое число спор: от 100 миллионов до 30 миллиардов. Конечно, прорастают лишь немногие — те, которые попадают в благоприятные условия, остальные гибнут.

ЦВЕТОК-ПТИЦА И ПТИЦА-ЦВЕТОК. Природа иногда любит почудить. Изображенная слева «птица» — это африканский цветок, а распустившийся «цветок» справа — птица.

«Райская птица» — так называют цветок — это растение очень яркое, броское. Вокруг него, привлеченные ослепительной расцветкой, всегда кружатся птицы, питаясь его нектаром и одновременно опыляя его. Ну, а птица-лира, живущая в Австралии, привлекает к себе в основном людей. И до недавнего времени это внимание сказывалось довольно печально на судьбе пернатых — браконьеры, охотясь за редкостным оперением, почти начисто уничтожили их. Сейчас птица-лира охраняется законом.

ОДИН В ПОЛЕ НЕ ВОИН. Этот воинственно настороженный джентльмен не опасен, если рядом с ним нет его соплеменников. Когда же он и ему подобные собираются вместе — спасения от них нет. Перед ними не раз содрогались великие страны Востока и Запада. Саранча!

Ученые провели такой опыт. Яйца, отложенные самкой саранчи, разделили на две части. Когда из них вышли личинки, одних заставили жить в тесноте, близко друг к другу, а других рассадили поодиночке. Из первых выросла настоящая саранча, а вторые превратились в обычных кобылок, похожих на тех, что во множестве прыгают по нашим лугам (люди, не умудренные в зоологии, называют их просто кузнечиками). Саранчуки, которые «воспитываются» в тесноте, на всю жизнь сохраняют стадные инстинкты и, как только подрастут, разом поднимаются в воздух и черной тучей обрушиваются на поля.

Каждую неделю в небольшой рощице неподалеку от Таминиана открывается маленький базар. Пешком и на осликах собираются сюда бобо из окрестных деревень.

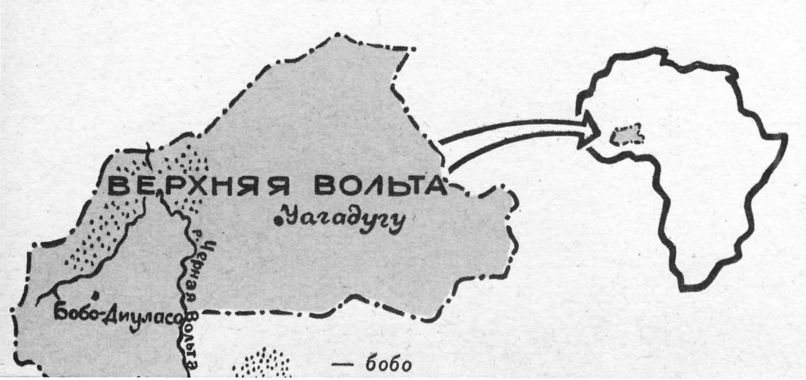
...Старейшины деревни забеспокоились — деревня «устала». В ней оказалось много больных, умирали старики и дети. Некому стало обрабатывать поля, участки земли быстро зарастали сорняками. Девушки из соседних деревень боялись выходить замуж за местных парней и перебираться в это неприятное место. Люди забыли о веселье...

И тогда пятеро охотников скрылись в высокой блеклой траве. Они отправились на поиски опасности. Так велит древний обычай: чтобы спасти «уставшую» деревню, нужна смелость и храбрость. Нужно найти зверя, вступить в поединок с ним и победить. И несчастья оставят деревню...

Пятеро, вооруженные лишь дубинами и копьями, шли по следам пантеры. Несколько дней тому назад следопыты племени обнаружили убежище «жертвенного» зверя. А сейчас охотники знали, что пантера где-то близко. Вот у подножья скалы мелькнуло распластавшееся мускулистое тело хищника, готового к прыжку. Это была самка с детенышами — самое опасное, что может выпасть на долю охотника.

...Выстроившись полукругом, люди двинулись в атаку. Зверь ждал их, собравшись в пружинистый клубок. Пантера не хотела признать себя побежденной — двое лежали на земле, у обоих грудь была разодрана когтями, трое окружили скалу, на которой спасался зверь с детенышами. Удар копья в бок... Как молния кидается вниз обреченный зверь, судорожно дергается, затихает. Так кончается этот ритуальный, «очистительный» поединок, цель которого — спасти «утомленную» деревню. Древний обряд, который до сих пор еще сохранился у племен бобо Верхней Вольты.

...Бобо живут в Республике Верхняя Вольта, в районе к северу от Дженне до Черной Вольты и Бобо-Диуласо. Бобо, как считают этнографы, одно из самых древних племен Вольты. Сейчас они образуют две различные группы: бобо-фенг на юге и бобо-уле на севере. Сюда, в деревню бобо-уле, и прибыла французская этнографическая экспедиция. Древний обряд магической охоты и «спасения» деревни они наблюдали в Таминиане, одной из деревень бобо-уле.

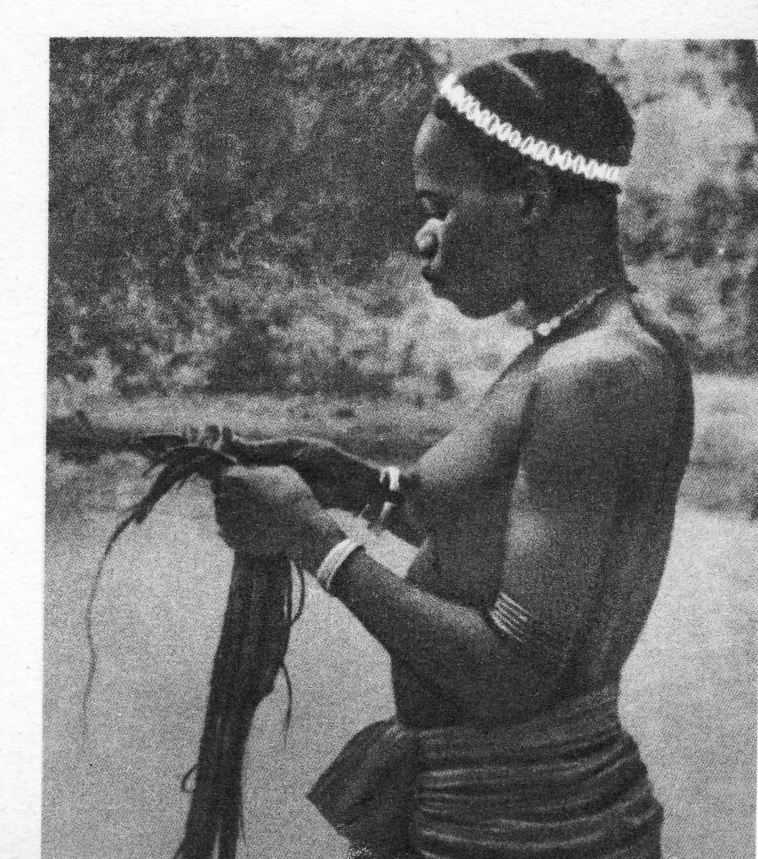
КРИСТОФ ЛЕ ТАННЕР

Бобо из Верхней Вольты

Палящее солнце над головой, красная, растрескавшаяся почва. Много труда вложит крестьянин-бобо в землю для того, чтобы она принесла урожай.

А здесь у пруда женщины селения вымачивают волокна растений. Из них будут плести циновки и изготовлять грубые ткани.

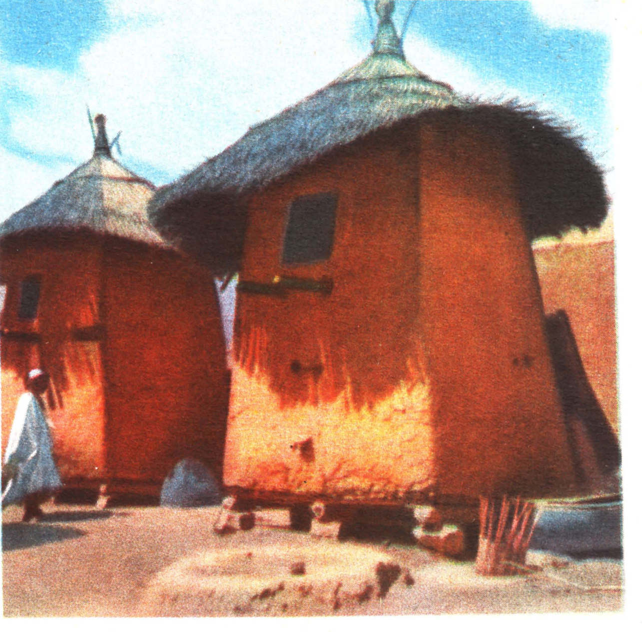
...В Таминиан прибыли вечером. Наступала теплая тропическая ночь, наполненная шумом насекомых, странными запахами. Утром мы увидим, как живет эта затерянная деревенька...

Сегодня мальчики города Бобо-Диуласо не пошли в школу. Их встретили разрисованные пугающие маски — начинается обряд посвящения в мужчины.

Маски мифических духов зарослей и хищных зверей делаются из очень твердого дерева мофуто. Свежий срез дерева — красный с желтыми прожилками, но на воздухе он быстро темнеет и становится коричневым. Деревянная маска разрисовывается белой, черной и красной красками.

Фото автора и Ф. КУИЛИЧИ

Маленькие амбары похожи на улья. Тут крестьяне хранят собранный урожай: сорго, маис, маниоку, бататы, арахис.

Трудовой день в Таминиане начинается на рассвете. Мужчинам, которые сегодня не идут в поле, есть чем заняться: они плетут корзины, ремонтируют хижины, чинят крыши.

Женщины, пополнив запасы воды, принимаются готовить еду. Самое простое блюдо в меню — «сборная каша»; к ней подают один из излюбленных здесь соусов — или арахисовый, или из листьев баобаба, или из цветов капокьера.

Старики занимают свой пост в тени дерева или под навесом хижины. Дрожащими пальцами они роются в коробочке из свиного мочевого пузыря, доставая понюшку мелкого зеленого табака. Другие набивают длинные трубки и долго раскуривают их, кремнем высекая искру, а третьи чистят орехи кола.

Чем выше поднимается солнце, тем труднее дышать. В деревне собирается на охоту группа человек в пятнадцать — взрослые мужчины и подростки. Они вооружены луками, стрелами, дубинками, длинными кремневыми ружьями. Людей сопровождают большие рыжие собаки. С этими собаками здесь охотятся, они охраняют деревню, их приносят в жертву при религиозных церемониях.

Охотники уходят. Каждый несет на боку маленькую тыкву — флягу с водой. Охотники неприведливы в выборе добычи, они будут охотиться на то, что попадется. Обычный рацион бобо однообразен, и эта гастрономическая «неразборчивость» возникла, очевидно, в виду постоянной нехватки пищи. Рассыпавшись поодиночке, охотники будут искать любую, даже самую мелкую дичь. Но убьют они ее лишь после очистительного ритуала, посвященного зарослям и самому животному. На хищников бобо стараются охотиться менее рискованным способом, если этого не требует обряд «спасения» деревни...

Когда солнце подходит к закату, изнеможенные жарой и поисками дичи охотники возвращаются в деревню. Некоторые несут лань, другие цесарок, зайцев, обезьян — вот и есть чем разнообразить меню. Жизнь продолжается...

Перевел с французского А. ВАСИЛЬЕВ

Дети любят играть на площади перед древними стенами мечети. Мечеть в Бобо-Диуласо — изумительный образец народного творчества начала XVIII века.

ЛИБЕРИЙСКАЯ СКАЗКА

Решили однажды звери устроить большое состязание. Король — а это, конечно, был мудрый лев — давно приметил, что животные, все без исключения, больше всего любят бегать и ничто не ценят так высоко, как скорость. Удирают ли они от опасности или просто бегают, скорость для них важнее всего.

Звери часто бегали просто так — для забавы. И все же у них была цель. Каждому хотелось, чтобы другие увидели, как он искусен, как он ловок, как он быстр!

И вот поэтому-то король объявил о большом соревновании. Желающих состязаться было великое множество. Все предвещало большой день и успешный турнир, пока не появился олень — быстрейший из быстрейших — и не включил свое имя в список участников.

Никто не мог подумать, что олень захочет соревноваться наравне с другими. Три дня подряд звери убеждали его не участвовать в соревнованиях — это ведь ничего не добавит к его славе. Но олень, исполненный самодовольства, заявил, что имя его останется в списке!

Тогда звери решили: «Что пользы состязаться?» — и стали быстро расходиться. И скоро не осталось никого, кто бы хотел состязаться в скорости, только олень все ходил и ходил вокруг, исполненный презрения и самодовольства. Победителю был обещан большой приз, и теперь, когда вообще не осталось других претендентов, олень получит его без всяких усилий. Это будет легкая добыча! Напрасно просил лев не оставлять оленю приз без борьбы: никто не хотел его слушать. Тогда лев заявил, что вручит приз и смельчаку, который рискнет состязаться с оленем и придет вторым. Он был уверен, что многие вернутся, услышав об этом. Но лев жестоко ошибся: звери — гордые существа. Принять такое условие — значит признать, что заранее согласен не быть первым. Удовольствоваться малым — значит похоронить всякое стремление к большему...

В этот момент все вдруг услышали слабый писклявый голос. Это вождь черепах, высоко подняв голову, заявил, что готов вступить в единоборство с оленем. На мгновение воцарилось молчание, потом звери сели на задние лапы и вытянули морды к небу. Они смеялись так, что дрожали ветви деревьев. Только вождь черепах был серьезен — и король записал его имя.

Звери с волнением ждали назначенного дня. «Это редкостное состязание, — говорили они, — это любопытно!»

Тем временем вождь черепах созвал своих друзей и сказал:

— Не я один, а все мы вместе выиграем это состязание. Стыдно отказываться от борьбы. Олень слишком самоуверен, а это роковая болезнь. Я знаю, как он ведет себя во время состязаний. Он останавливается и ест траву, он может долго проболтать, если встретит кого-нибудь, он даже не прочь вздремнуть по дороге, и все-таки он всегда выигрывал. Мы знаем его слабости, и это принесет нам победу. Мы, черепахи, очень похожи друг на друга. Слушайте же меня внимательно.

Я спрячусь в конце долины, неподалеку от места, где закончится состязание. А вы укроетесь за кустами вдоль всего пути на некотором расстоянии друг от друга. Один из нас начнет бег вместе с оленем. Примерно за милю до конца пути олень, как всегда, захочет вздремнуть, чтобы набраться сил и окончить состязание бодрым и свежим, как утро. Он будет думать, что я остался далеко позади и что ему, оленю, и королю, и всем зрителям долго придется ждать, пока я, покрытый пылью, с истертыми лапами, исхлестанный встречным ветром, явлюсь за своей жалкой премией. Но поверьте, друзья, я не заставлю их ждать. — И вождь черепах улыбнулся.

После секретного совета черепахи долго танцевали на зеленой мягкой и прохладной траве.

И вот наступил день состязания. Собралась большая толпа. Ведь звери любят посмеяться и готовы отправиться ради этого куда угодно... Все были в восторге, когда олень, оказавшись после двух прыжков далеко впереди черепахи, нежно и насмешливо проблеял: «До свида-а-а-а-нья!» И скрылся из виду.

Из сборника «Светящийся незнакомец», который готовится к печати в издательстве «Наука».

Вскоре олень почувствовал усталость и приказал своим быстрым ногам умерить ненужную скорость и перенести его туда, где есть нежная зеленая травка.

Позавтракав, олень вернулся на тропу и пустился вскачь вниз по долине, все еще не торопясь. Он хотел знать, прошла ли этот путь черепаха, и надеялся, что прошла. Тогда он снова обгонит ее и сохранит преимущество, хотя в таком состязании преимущество вряд ли было необходимо. «Скучное состязание», — подумал олень и тут же заметил впереди черепаху. Олень усмехнулся: «Что за нелепое существо! Подпрыгивает на каждом шагу. Что ни шаг, то прыжок». Он рассмеялся, брыкнул копытом, так что пыль полетела в глаза черепахе, и скрылся из виду. Черепаха же поползла к кусту — умыться свежей росой, сверкавшей на зеленых листочках.

Олень жевал нежные молодые побеги, болтал с каждым встречным и, обгоняя черепаху, неизменно поднимал облако пыли. Он с удовольствием думал, какие воспаленные и красные будут глаза у черепахи, когда она приползет за своей никчемной и бесславной премией.

Наконец олень решил вздремнуть. Он был не слишком близко и не слишком далеко от конца пути. Но он спал дольше, чуть-чуть дольше, чем было можно...

Король и все звери, нетерпеливо поглядывавшие на зеленую долину, где с минуты на минуту должен был появиться олень, были поражены, увидев черепаху, энергично подпрыгивавшую на своих коротких и кривых лапках.

Но все-таки они рассмеялись, подумав, что олень решил их позабавить. Он одним рывком обгонит ее у самого конца пути. О, как она будет огорчена!

Между тем черепаха приближалась и на глазах у всех пересекла конечную линию.

Король разинул пасть и зарычал так, что деревья в лесу задрожали. Львиный рев разбудил оленя.

«Что это! — воскликнул он. — Гром? Мне пора обгонять черепаху!»

Олень быстро пробежал остаток пути. Улыбаясь зрителям, он думал о том, как приятно провел время и все равно ухитрился обогнать черепаху. Он улыбался и помахивал хвостиком. И тут он узнал ужасную истину!

Олень упал в обморок, и слон привел его в чувство, выплеснув на беднягу целый хобот холодной воды. Но, вспомнив о своем позоре, олень снова упал в обморок. Тогда слон поднял его в воздух и окунул в лужу.

Через несколько минут, когда король награждал черепаху призом и медалью, слон на всякий случай еще раз освежил оленя водой. Все это было очень забавно, и звери едва сдерживали смех.

Вряд ли бедняга олень сознавал что-нибудь, когда король вешал ему на грудь медаль за второе место.

В эту ночь в лунном свете все черепашье племя танцевало праздничный танец на широкой лужайке в той самой долине, где утром спал олень. А олень ни на минуту не сомкнул глаз.

Вот с тех-то пор олень стал кротким и застенчивым. А черепаха и сегодня высоко держит голову.

Перевела с английского И. ГЛАГОЛЕВА

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

ИХТИАНДР

В. СТАШЕВСКИЙ

ПРЫГАЕТ С САМОЛЕТА

...Люк самолета открыт. Секунда — и человек парит в воздушном океане. Снаряжение парашютиста необычно: гидрокостюм, акваланг, ласты, нож. На лице маска, губы плотно сжимают мундштук акваланга.

Синяя гладь воды все ближе. Парашютист еще раз дергает кольцо — над ним взвивается второй купол. Скорость падения уменьшается. На длинной пятиметровой веревке парашютист спускает тюк — в нем надувная лодка, аптечка, инструменты. Тюк, подобно гайдропу стратостата, еще снижает скорость падения.

До воды остается пять метров. Точным ударом ножа перерезаны стропы. Парашютист вертикально входит в воду — нагрузка та же, что и при прыжках с трехметровой высоты. Иной раз спортсмен освобождается от парашюта уже в море, но не на поверхности воды, где легко запутаться в стропах.

Парашютист становится аквалангистом. Теперь можно приступать к работе... Паралангисты — так называют спортсменов, которые в течение нескольких минут превращаются из парашютистов в аквалангистов, — работают по вызову. Пассажирский самолет упал в море, тонет корабль — кто может скорее оказать помощь гибнущим людям, чем паралангисты? Приводнившись в нескольких метрах от места катастрофы, паралангист быстро разворачивает надувную лодку и приступает к спасательным операциям.

В горах, где скалы и ущелья не дают приземляться ни вертолету, ни парашютисту, для паралангистов есть хорошие «посадочные площадки» — горные озера.

Прыжки с парашютом в воду имеют давнюю историю. Но прыжки с борта самолета в полной амуниции аквалангиста американские спортсмены начали совершать недавно.

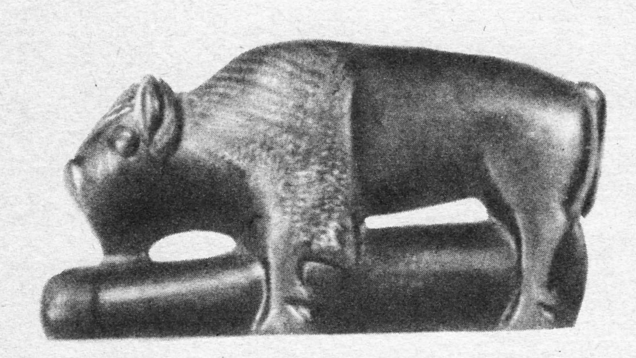
«БОЛЬШАЯ ТРУБКА» ДРУЖБЫ

Л. ЛАСКИНА

Одна из трубок, найденных археологами в штате Огайо.

Каменная головка трубки (штат Теннесси).

Головка трубки из сланца.

Трубка племени ирокезов.

Окаменелый стебель тростника размером с мизинец — его обнаружила экспедиция археологов в одном из курганов в районе Солт-Ривер (штат Аризона). Этот тоненький четырехсантиметровый стебель тростника оказался прадедом всех курительных трубок в мире.

Как это часто случалось в истории вещей, первоначальное назначение трубки было весьма далеко от сегодняшнего, привычного для миллионов курильщиков.

Табак — растение Нового Света, до открытия Америки оно не было известно на других континентах. Первые европейские завоеватели, исследователи и поселенцы оставили многие свидетельства о «священном культе табачного дыма».

У индейцев некоторых племен первоначально курение было исключительной привилегией жрецов, знахарей и вождей. Сжигали ли табачные листья на праздничных кострах, или раздували ртом тлеющие, свернутые в рулон пучки листьев, или подпаливали табачную крошку в полых тростниковых стеблях — суть обряда не менялась: первые курильщики не тянули дым «в себя», а старались выдуть густые ароматные облака дыма на соплеменников. Считалось, что крепкие

«благовония» прогоняют болезни и дурные мысли, укрепляют дух, придают новые силы.

Именно поэтому «дымопускания» стали обычным ритуалом перед военным походом, традиционным прологом праздников, горестной приметой эпидемий.

Табачное облако, так похожее на дождевую тучу, наводило древних земледельцев на мысль о том, что курением можно вызвать дождь. Не случайно одно из образных названий табачной трубки — «дождевое облако».

Табак, завезенный в Европу, использовался на первых порах как новомодное лечебное средство. Но скоро курение стало привычкой для миллионов людей. При этом европейские пришельцы в какой-то степени способствовали тому, что среди индейцев Северной Америки привычка к курению, потеряв свой первоначальный ритуальный характер, распространилась широко и повсеместно.

Но вернемся к индейским трубкам. Первые трубки, изготовленные из глины и камня, лишь повторяли форму тростинки. Однако, вполне пригодные для ритуальных торжеств, они были неудобны для ежедневного употребления. И вот к прямому мундштуку под углом стали приделывать головку трубки.

В индейских святилищах находят трубки многих разновидностей, отличающихся формой, украшениями, размерами мундштуков и головок. В США в штате Огайо были найдены в одном месте 200 древних трубок, в другом — 145.

Для изготовления трубок использовались самые разнообразные материалы: глина, черный сланец, тальк, кость белохвостого оленя.

Высшим достижением мастеров трубочных дел стали «калюметы» — знаменитые длинные трубки, украшенные орлиными перьями, резьбой, вымпелами из пестрых тканей.

В XVII веке почитание «Большой трубки» достигло своего расцвета. Очевидцы описывают торжественные шествия индейцев, несущих от поселения к поселению гигантскую трубку. Там, где появлялась «Большая трубка», прекращались все споры, раздоры, столкновения.

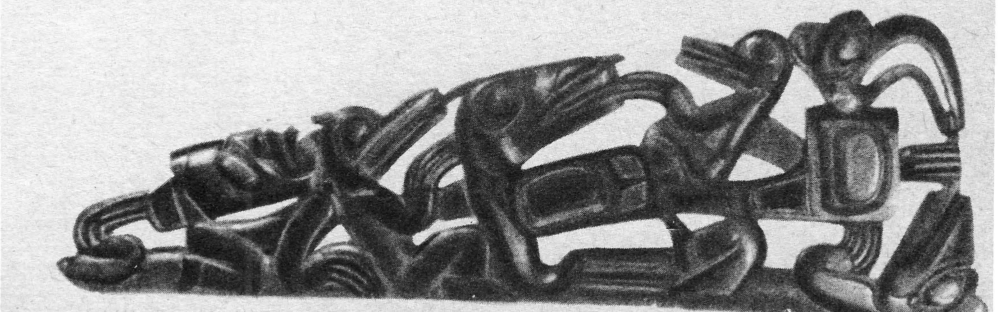
Трубка индейцев стала одним из символов мира и дружбы.

«Калюмет».

Трубка с основанием (штат Огайо).

Трубка канадских индейцев (провинция Квебек).

Трубка из черного сланца (Северо-восточные штаты).

Растянувшись по тропам, медленно, с большой осторожностью шло через Альпы стотысячное карфагенское войско.

Наступила весна. По склонам гор текли ручьи. Жидкой кашицей чавкал под ногами снег. Пар поднимался от нагретых камней, и туманы скрывали от глаз узкие тропы. Били барабаны — то впереди идущие предупреждали об опасности.

Ганнибал, сын Гамилькара Барки, героя первой Пунической войны, задумал нанести удар в спину своим давним врагам — римлянам. Он провел войска через ущелья Пиренеев, через неспокойную Галлию и очутился там, откуда римляне меньше всего могли ждать нападения, — в Альпах. Знаменитый полководец понимал, что поход через снежные горы очень рискован. Но он знал и другое. В войне с многочисленным противником риск может оказаться единственным залогом победы.

По ночам воины Ганнибала мерзли от сильных ветров, днем их обжигало беспощадное горное солнце. Однажды во время привала воины услышали грохот, похожий на отдаленный гром. Они подняли головы. Небо было ясным и солнечным, а далеко на вершине клубился снежный ком. Он рос на глазах, захватывая деревья и камни, все стремительней наращивал бег. И вот огромный снежный водопад обрушился на головы несчастных. Ганнибал потерял сразу столько воинов, сколько не гибло ни в одной из его битв...

Эта лавина, описанная римским историком Ливием, едва не повлияла на весь исход второй Пунической войны.

Рисунок К. ЭДЕЛЬШТЕЙНА

Внимание — лавина!

Рассказывает начальник снегомерной гидрографической партии Управления гидрометеослужбы Киргизской ССР Н. В. Максимов.

Что такое лавина? Только что выпал снег. Он лежит пушистым слоем на кручах, а с неба все сыплет и сыплет белая крупа. Метель. Снег постепенно накапливается, собирается, повиснув козырьками на кручах и в седловинах хребтов — лавиносборах. И когда эта масса заскользит с горы, заклубится, подобно гигантскому взрыву, засыплет долину и грохот разнесется по горам многоголосым эхом, говорят: «прошла лавина».

Сравнительно малая лавина — объемом в 100 тысяч кубометров — весит до 80 тысяч тонн, столько же, сколько 2 тысячи груженых товарных вагонов. Медленно ползет этот тяжело груженный состав в начале пути, но к концу пути достигает скорости курьерского поезда — 80—90 километров в час. Можно представить, какой силой обладает большая лавина — объемом в полтора-два миллиарда кубометров! Снежные обвалы нередко несут большие бедствия, разрушая дороги, поселки, высоковольтные линии. К тому же лавина разрушает препятствия не только непосредственным ударом, но и гигантской по силе воздушной волной, которая «работает» даже тогда, когда сама снежная масса уже остановилась. Как при взрыве бомбы, воздушная волна опрокидывает здания, ломает деревья.

Часто лавины возникают после оттепели, когда снег пропитывается влагой и в нем создаются плоскости, как бы покрытые смазкой. Но, кроме метели и оттепели, лавину может вызвать так называемая перекристаллизация снежной толщи. В массе снега происходит движение водяного пара. Поднимаясь от более теплой подстилающей поверхности, пар в верхних слоях соприкасается с холодным воздухом, сгущается, вызывает изменение снежных кристаллов. В результате перекристаллизации снег превращается в рассыпчатую массу, и она может прийти в движение даже от крика человека или падения камня.

Для того чтобы обуздать лавины, сделать их менее опасными, в Советском Союзе работают десятки лавинных станций — в Сибири и на Кавказе, на Памире и в Хибинах. Опытные специалисты, работающие с точными приборами, обладающие даром «снежного чутья», изо дня в день, из часа в час ведут наблюдения за снежным покровом, предупреждают о возможности лавин, искусственно вызывают обвалы взрывами тола, пока накопившаяся снежная масса еще не велика. «Лавинщики» помогают выбирать наиболее безопасные места для сооружения поселков, мостов, дорог, рекомендуют строителям подходящий в данном месте тип защитных сооружений — тоннели, каменные галереи, бетонные лавинорезы, изменяющие направление снежных потоков.

Лавинщикам приходится работать лицом к лицу с опасностью: на снегу, который в любое мгновение может обрушиться, на головокружительной высоте, подчас на самом краю карниза, нависшего над пропастью.

Служба лавин помогает обуздать грозную силу природы.

9.00. Принимаем вахту...

Репортаж с лавинной станции

Страшись пробужденья лавины ужасной:
В молчанье пройди по дороге опасной.

Ф. Шиллер. Горная песня

«...9.00. Принимаем вахту. Температура тридцать по Цельсию, облачность ноль, штиль. К лавиносбору идут инженер Ржевский и техник Бурлуцкий», — Борис завинчивает авторучку и спрашивает Владимира:

— Готов?

...Горные лыжи плотно пригнаны к ботинкам. Первым трогается Борис Ржевский. Он будет пробивать дорогу, делать по пути замеры, смотреть, насколько крепок снежный пласт. Володя идет для страховки — в горах в одиночку работать нельзя.

Снег, прикатанный ветром, крепок и звонок. Он совсем не страшен сейчас, этот снег. Лежит спокойно, впитав в себя столько сол-

нечного света, что сугробы, как и дали, отливают голубизной. Воздух теплый. Греет солнце, и можно даже снять рубашку, подставив спину его ярым заоблачным лучам. Шаг, шаг, шаг... Надо сделать три тысячи таких шагов — обойти всю «подопечную» зону. Сквозь темные очки земля внизу кажется черной. Белой речкой бежит только дорога, вяжет петли вокруг гор, перепрыгивает через бурные потоки.

Эта дорога соединила недавно столицу Киргизии — Фрунзе с городом Ошем, с богатым краем нефтяников, шахтеров, энергетиков и хлопкоробов. Раньше автомашины шли кружным путем через Фергану — утомительным, долгим. Теперь строители пробили более короткий путь — прямо через горы.

Взгляд невольно останавливается там, где ленточка асфальта исчезает в крутой горе. Здесь начинается трехкилометровый тоннель — самый крупный в Союзе. А высоко над тоннелем, где сейчас остановились передохнуть Борис и Владимир, висит огромный снежный карниз. Несколько лет назад, когда строительство дороги только разворачивалось, лавина снесла каменную компрессорную, превратила в лепешку огромные топливные цистерны, скрутила в моток стальные рельсы. После этого печального события в непосредственной близости от опасного карниза была построена лавинная станция «Тюя-Ашу южная». Сотрудники ее организовали на лавиносборах снегопункты и теперь ежедневно через два-три часа замеряют температуру снега, определяют структуру слоев, из которых складывается снежный пласт, составляют лавинные прогнозы.

Чем хуже погода, тем чаще ведутся наблюдения: в метели, снегопады, когда резко повышается или понижается температура. Сделав необходимые замеры на опасном карнизе, Борис убеждается: лавина еще не «созрела». Сегодня за нее можно быть спокойным.

...Борису знаком каждый метр пути, каждый шаг. И почти у каждого шага есть своя маленькая история. Вот тут он заблудился в пургу, здесь один из его товарищей на спуске упал и сломал ногу...

Чуть в стороне от своего обычного маршрута Борис замечает небольшой, но, кажется, ненадежный карниз. Дождавшись Володю, говорит:

— Карниз может вот-вот пойти. Пострахуй, посмотрю.

Он снимает лыжи и осторожно подползает к карнизу. Снеговая шапка висит над пустотой многотонной глыбой.

— Давай веревку! — кричит Борис.

Ползком, прильнув грудью к колючему, шершавому снегу, Борис перебирается на другую сторону карниза. В руках у него один конец веревки, у Володи — другой. Двигая туго натянутой веревкой вперед-назад, ребята распиливают пласт. Так ниткой догадливые хозяйки режут на части кусок мыла. Карниз вздрагивает — и часть глыбы срывается вниз. Лавина не докатилась до дороги. Как и рассчитывал Борис, она оказалась наполовину меньше той, что сорвалась бы сама.

Проводив взглядом лавину, Борис и Владимир трогаются дальше.

Снег искрится, переливаясь нежно-голубым и синим цветом. Борис слушает каждый свой шаг. У «лавинщиков» должен быть особый слух. Если снег заскрипит сильней, значит опасность близка.

Борис вспоминает недавний случай. Он шел по этому же склону. Вдруг с вершины упал снежный ком, и следом с грохотом помчалась лавина. Прямо на него. Борис рывком развернулся и, оттолкнувшись палками, понесся вниз. По лицу хлестала снежная пыль, в ушах туго свистел ветер, а сзади за ним гналась лавина. Вот-вот, через секунду она настигнет его. Борис мчался с огромной скоростью. Если бы он вскинул руки, как крылья, он, казалось, взлетел бы... Видно, родился Борис в рубашке — не догнала его лавина. Она свернула в сторону, засыпав глубокую стометровую котловину.

А если настигла бы? Первое дело — не растеряться. Сбросить лыжи и избавиться от палок: они затягивают в снег. Потом человек, не потерявший самообладания, словно пловец, старается выгрести к краю лавины, удержаться на поверхности. Когда лавина останавливается, она издает страшный скрип. Она «кричит», и словно прессом сжимает тело, замуровывает заживо, не давая пошевельнуться. Здесь уж сам не выберешься. Надо ждать и не терять уверенности в спасении. Товарищи придут на помощь. Обязательно придут. Только мобилизовав всю волю, можно остаться в живых. Отчаявшийся погибает.

...На вершине горы у самой границы лавиносбора, гигантского снежного амфитеатра, стоит домик. Печка, нары, фанерный стол, приборы... Борис вместе с другими ребятами строил это пристанище. По бревнышку перетаскивали сюда материалы. Десять метров вверх — и грудь хрипит, как у старика. Но ребята шли и шли, таща на себе тяжелые, будто окаменевшие бревна, хватая ртом скупой на кислород воздух. Зато сейчас в домике тепло, есть где укрыться от непогоды.

Владимир долго шумит веником, обметая ноги. Потом входит, стягивает с крутых плеч влажную штурмовку.

— Будет метель, инженер, — говорит он.

По едва заметным облачкам на вершинах, по цвету далей, ставших сиреневатыми, по поющим камням чувствуют «лавинщики» приближение вьюги.

И правда, через час загудел в скалах ветер, затрепетал огонь в печурке, зазвенело стекло окна. Теперь надо смотреть и смотреть за снегом.

— Пойду,— Борис встает с нар, потуже застегивает куртку, обматывает шарфом лицо. Дверь, выхваченная из рук ветром, с треском распахивается — и он ныряет в серую бешеную круговерть. Находит трос, протянутый вдоль лавиносбора, привязывает к нему страховочную бечевку и идет к кромке карниза. Воткнутая там замерочная рейка стала заметно короче. Снежный слой увеличился на 40 сантиметров. Борис ставит на снег метелемер. Приемная камера быстро наполняется снегом, показав стремительную перегрузку всего снежного пласта и, естественно, карниза.

А внизу по дороге идут машины. И никто из шоферов не подозревает, что высоко в горах над ними нависла опасность...

«Быстрей за взрывниками», — мелькает у Бориса мысль.

Вскоре взрывники заложили тол под карнизом. Багрово всплеснул взрыв. И лавина пошла, наращивая силу и скорость. Она не докатилась до дороги. Но не успей Борис вовремя предупредить, задержись Володя с взрывниками в пути, замешкайся взрывники — и лавина нарушила бы мирную жизнь дороги.

К полудню метель улеглась. Выглянуло солнце. Сразу стало теплей. Опускаясь все ниже к обрыву, Борис опять замерил толщину пласта, температуру снега на разных глубинах, определил интенсивность солнечной радиации, которая здесь, почти на трехкилометровой высоте, очень сильна.

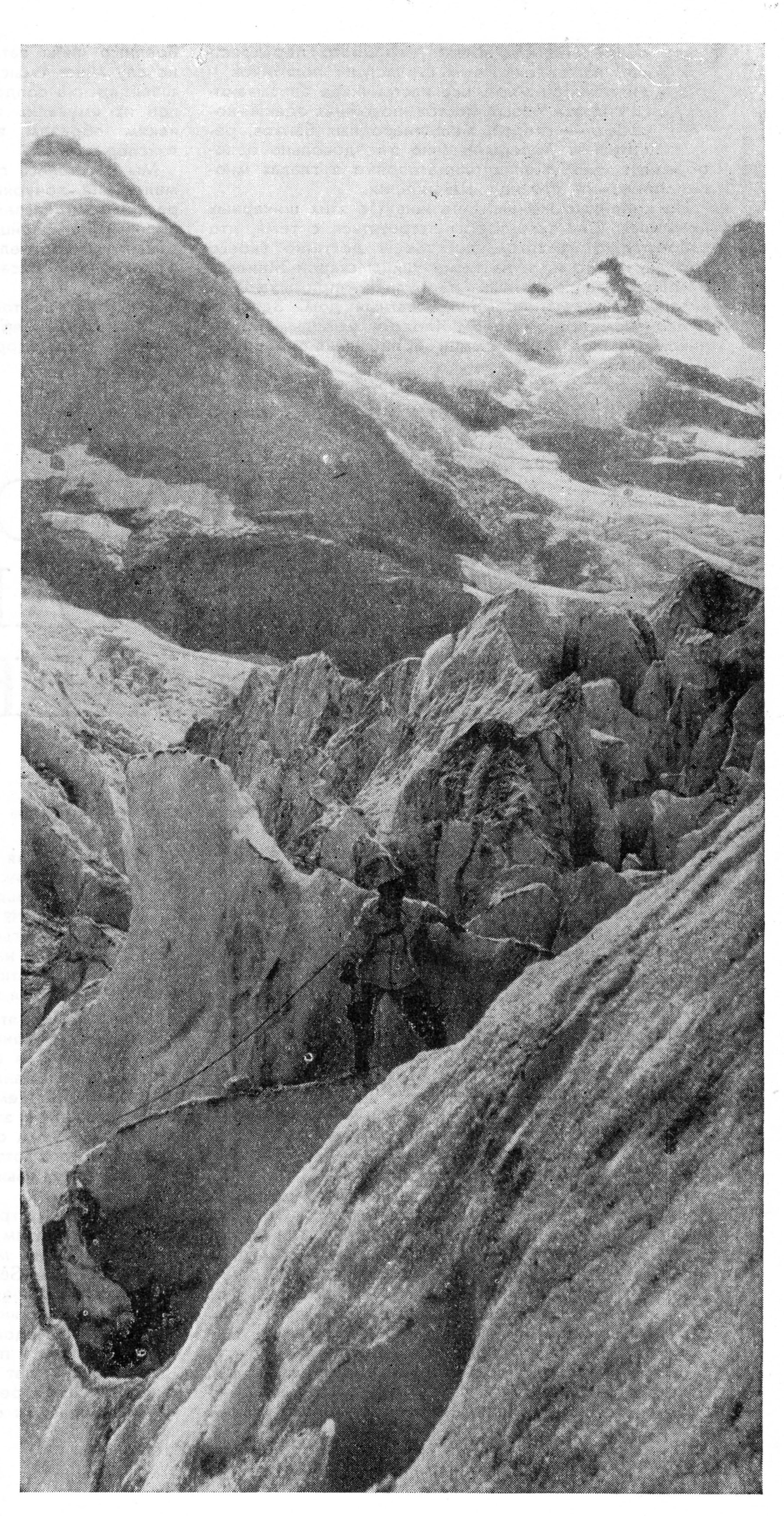
Под ногами — обрыв. Смотреть вниз — возникает предательское чувство падения в бездну. Лучше думать, что под ногами плотный, неподатливый снег, твердый, как камень. Иначе трудно будет заставить себя рассмотреть то, что скрылось за тишиной.

Кажется, на сегодня все. Больше лавин не будет. Вниз, домой — и за дневник. «Обрушено два пласта. С девяти до тринадцати часов ветер усилился до 24 метров в секунду. Передаю вахту...»

Е. ФЕДОРОВСКИЙ

Дорога Фрунзе — Ош, перевал Тюя-Ашу

ФОТОКОНКУРС ВОКРУГ СВЕТА

Кавказ Алибекский ледник.

Фото П. ЛУКЬЯШКО, Московская область

В облик Женевы, «международного перекрестка», излюбленного места встреч политиков и дипломатов мира, все настойчивее вписываются силуэты новых мостов, новейших зданий-коробок — отелей, международных банков, ресторанов. Теперь именно эти довольно однообразные сооружения олицетворяют в глазах многих приезжих столицу Швейцарии.

Но коренные женевцы не живут в этих шикарных кварталах. Для того чтобы встретиться с теми, кто заботится о красоте, удобстве и достатке своего города, нужно идти на тихие улицы старой Женевы. В лабиринте опрятных переулков, примыкающих к улице Серветт, есть неприметный дом. Здесь я и познакомился с Пьером Клодом, молодым печатником, членом организации «Свободная молодежь Швейцарии».

С. ГОЛЯКОВ

ЗНАКОМЫЕ УЛИЦЫ В ЖЕНЕВЕ

Я познакомился с Пьером вскоре после того, как из Лозанны в Женеву двинулся первый марш сторонников мира. Впервые за многие десятилетия на голубизне швейцарского неба простерлись антивоенные плакаты. Один из них держали крепкие руки Пьера. Он хорошо запомнил этот марш.

— Сначала, когда мы выходили из Лозанны, нас было около четырехсот — мужчин, женщин, подростков, стариков, рабочих и служащих, — рассказывал он. — А на подходах к Женеве колонна растянулась почти на километр: в ней шло уже более двух тысяч человек. Это была внушительная победа, а главное — в колоннах этого марша тогда, два года назад, родилась новая молодежная организация «Молодежь — против ядерного оружия». Теперь эта организация имеет свои комитеты в каждом из 22 швейцарских кантонов.

Откровенно говоря, мы даже не рассчитывали, что швейцарское движение против ядерной смерти сумеет за этот срок пустить такие глубокие корни, — говорит Пьер. — Ведь нашу молодежь считали зараженной политическим нигилизмом, апатией. И все, что происходит за границей Швейцарии, обычно мало волновало ее. А недавно, когда стало известно, что в Южную Африку приходит оружие из Швейцарии, первыми, кто немедленно запротестовал против помощи расистам из ЮАР, были наши ребята, участники движения против атомного вооружения.

Потом Пьер рассказал о других делах швейцарских комсомольцев. Забот у них много. Двадцать два кантона — это, по сути дела, 22 маленьких, почти автономных государства. Положение трудящихся и молодежи в них далеко не одинаково. В одних кантонах удалось, например, добиться права на оплачиваемый трехнедельный отпуск, в других до этого еще далеко.

— Но все же, — говорит Пьер, — у нас есть проблемы, которые волнуют всех молодых людей. Взять службу молодежи в армии. Совсем недавно несколько новобранцев утонуло во время учений. Военные чины затеяли эти провокационные учения не случайно: смысл маневров сводился к тому, что швейцарские солдаты попадали в плен к «красным», где их «мучали» и «пытали». Можете представить, каким образом влияют на молодежь подобные «эксперименты».

Мы расстались с Пьером у дверей его дома. Его маленькие дочурки Бриджит и Мартина с широко раскрытыми глазами напомнили мне плакат, обращенный на швейцарских дорогах к недисциплинированным водителям. «Превышая скорость, помни о них!» — написано под фотографией смеющихся детей.

Я сказал об этом сходстве Пьеру. Он улыбнулся и добавил уже серьезно:

— Было бы здорово, если из всех возможных катастроф, которые им угрожают, остались только дорожные.

...Тихая, зеленая улица сплошь застроена небольшими коттеджами, скрытыми от глаз пушистыми весенними деревьями. Здесь живут рабочие завода Сешерон. Дом № 10 по виду мало чем отличается от всех остальных. Красная черепичная крыша, зеленые ставни на окнах, по стенам извиваются морщинистые ветки ползучих кустарников; две каменные ступеньки перед входом.

Пожилая, опрятно одетая женщина привыкла к расспросам незнакомых людей.

— Мой отец и старший брат, — говорит она, — жили в те времена по соседству, и они много рассказывали про семью Ульяновых. А с тех пор, как мы переехали в этот дом, мы стараемся сохранить его таким, каким он был при Ленине. Правда, вскоре после его отъезда внутри была перестройка. Раньше внизу была большая кухня, а теперь — две комнаты...

Внутреннее устройство дома легко восстановить по воспоминаниям Надежды Константиновны Крупской. «В Женеве мы поселились в пригороде, в рабочем поселке Séchéron, — целый домишко заняли: внизу большая кухня с каменным полом, наверху три маленькие комнатушки. Кухня была у нас и приемной. Недостаток мебели пополнялся ящиками из-под книг и посуды».

Шестьдесят лет назад этот неприметный домик был настоящим революционным штабом. Сюда приезжали посланцы социал-демократических организа-

ций из разных городов России. Отсюда партийные связные везли напечатанную в Женеве подпольную литературу.

В кухне, заменявшей гостиную, Владимир Ильич подолгу просиживал за чашкой чаю, беседуя с товарищами. Его особенно заботила судьба вновь прибывших. Многие из них бежали в Швейцарию прямо из царских тюрем и ссылок, без средств, а зачастую и без сколь-нибудь сносной одежды и обуви. Ильич тут же добивался, чтобы у нового товарища было жилье и все необходимое.

По вечерам из открытых окон маленького дома на женевской улице разносились революционные и народные песни — «Марсельеза», «Варшавянка», «Дубинушка»... Ильич любил петь их вместе со своими друзьями.

В противоположном конце Женевы находится другая улица, связанная с именем Ильича, знаменитая «Каружка». Так называли русские политэмигранты улицу Каруж. Здесь помещались типография и редакция газеты «Вперед», столовая большевиков Лепешинских. Когда в Женеву дошла весть о «кровавом воскресенье» 1905 года, большевики собрались в этой столовой и стоя запели гимн павшим бойцам революции.

Владимир Ильич жил в доме № 91, рядом со столовой Лепешинских, где он проводил занятия с группами большевиков, отъезжающих в Россию. Фасады обоих домов почти не изменились.

1904 год Владимир Ильич встретил в кафе «Ландольт», что в центре Женевы, недалеко от университета. Хозяин кафе охотно провел нас в большую квадратную комнату, находящуюся в глубине главного зала. Здесь все оставлено так, как было, когда в этой комнате Ленин инструктировал большевиков, отъезжавших в Россию. Старые потемневшие обои, скромная деревянная мебель. Кроме выхода в большой зал, в комнате есть еще одна маленькая дверь — в переулок. Видимо, это далеко не лишняя предосторожность.

Нынешний хозяин кафе хорошо помнит рассказы своего отца о Владимире Ильиче, Плеханове, Николае Баумане, Максиме Литвинове...

В большом, просторном зале любят собираться студенты Женевского университета. Вот и на этот раз пестрые разноголосые группки облепили деревянные столы. За соседним столиком черноволосый, смуглый парень старается разобрать какое-то слово, нацарапанное на столе.

— Спут-ник! — прочел он, наконец, и посмотрел в нашу сторону.

— А знаете ли вы, что в этом кафе бывал Ленин? — спросили мы его.

— Ленин? Здесь?

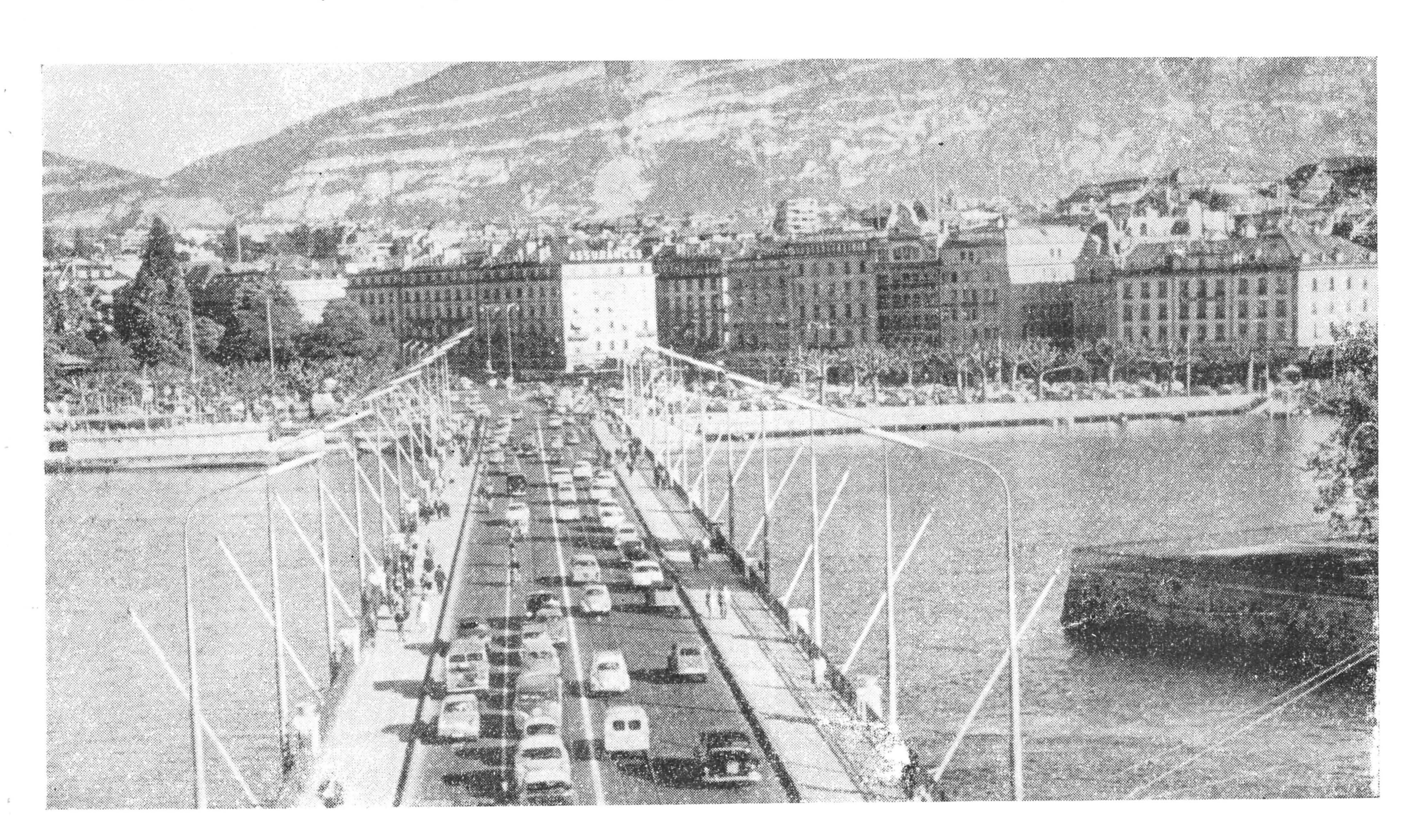
— Да, Ленин жил в Женеве и любил заходить в это кафе.

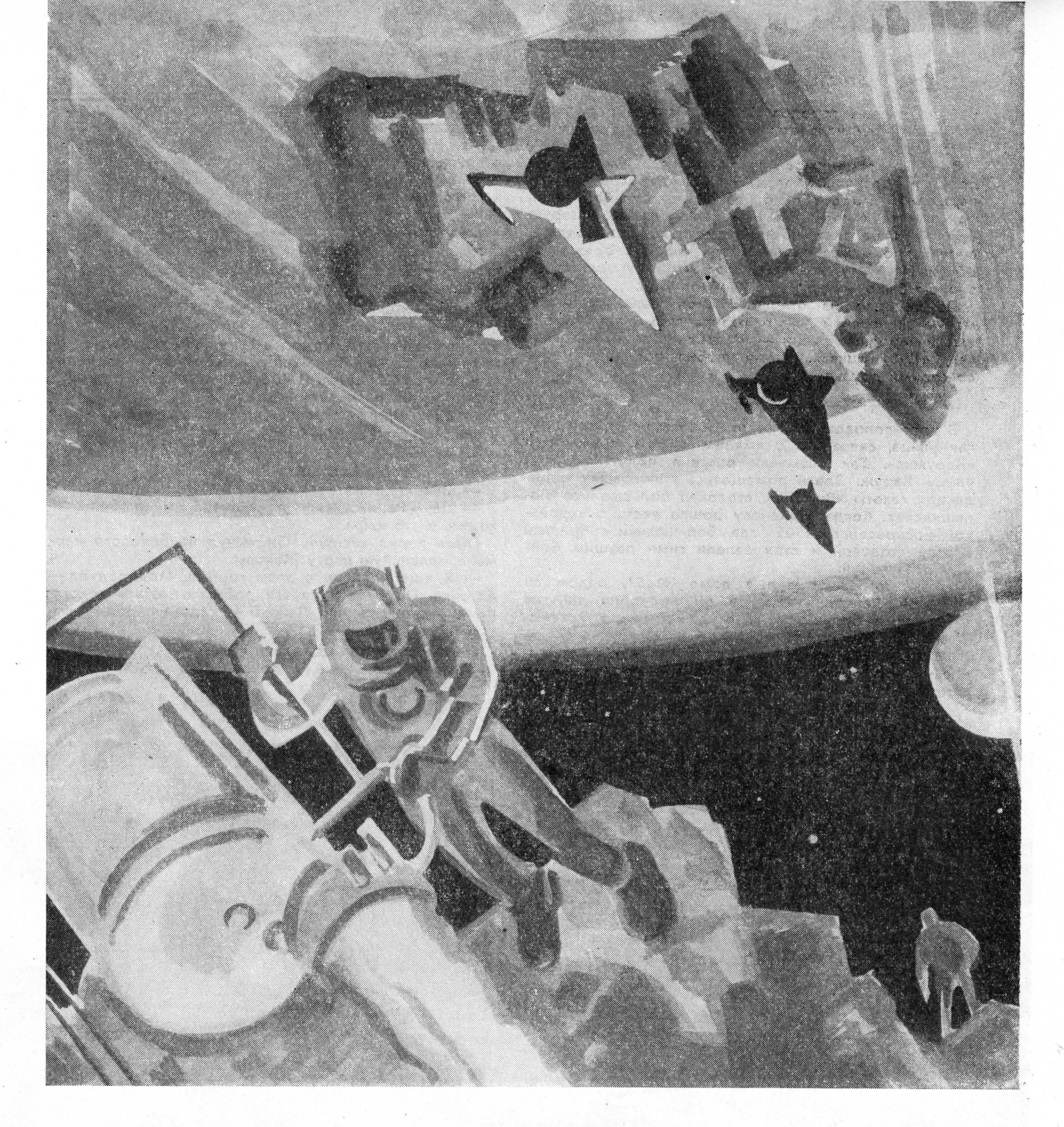
Глаза парня засияли. Он вынул из бокового кармана маленькую карту Женевы.

— Я еще новичок в этом городе. Моя родина — Африка. Не будете ли так добры отметить крестиками места, где жил Ленин? — сказал парень, протягивая карту...

Потом он долго жал наши руки.

— Завтра же пойду поклониться памяти Великого Русского.

6

На высоте полумиллиона миль над Сатурном Марио Риос крепко спал в своем скафандре, плавая в космосе. Медленно просыпаясь, он считал звезды и мысленно соединял их линиями.

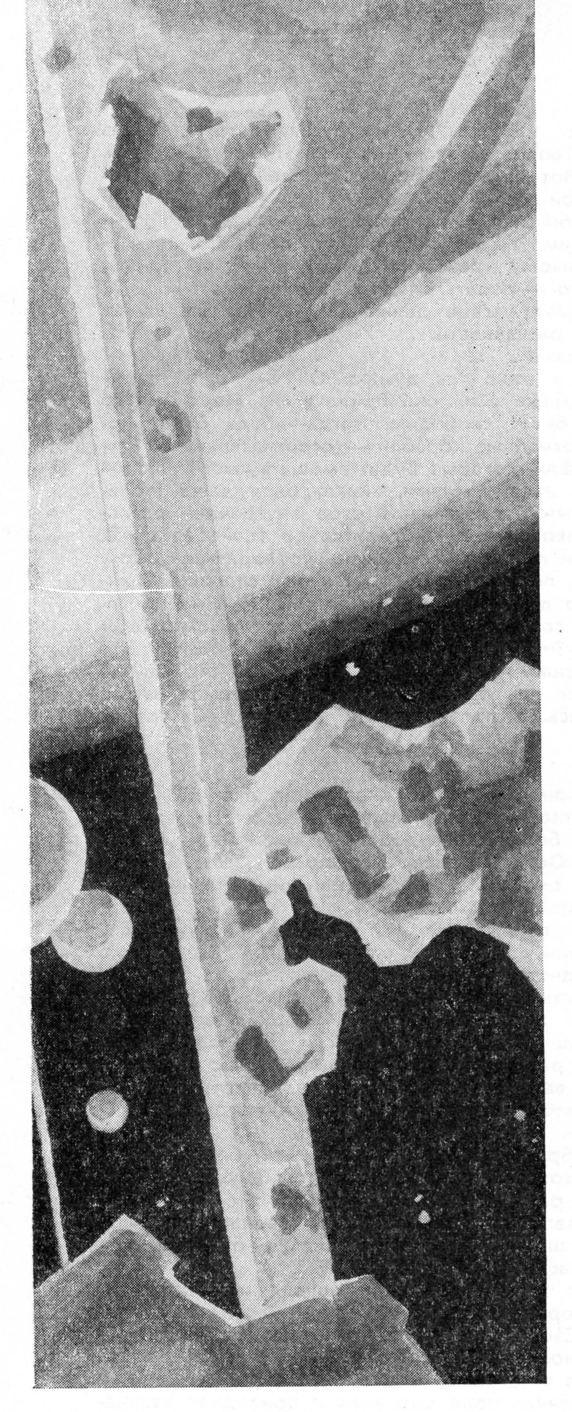
Сначала, в первые недели, полет ничем не отличался от обычного «мусорного» рейса. Только сознание, что каждая минута отделяет их на тысячи миль от всего человечества, вызывало тоскливое чувство.

Окончание. Начало в № 6.

Они двигались по круто поднимавшейся орбите, чтобы выйти из плоскости эклиптики и избежать Пояса Астероидов. Это потребовало большого расхода воды и, возможно, не было так уж необходимо. Судя по фотоснимкам — в двухмерной проекции, кажется, будто здесь кишмя кишат тысячи крохотных миров, на самом деле они настолько редко разбросаны среди необозримого пространства, что столкновение могло быть результатом только нелепейшего случая.

Но все-таки они обошли этот пояс.

Дни медленно тянулись один за другим, космос был чист, в рубке должен был постоянно находить-

А. АЗИМОВ

Рисунки Н. ГРИШИНА

ся только один человек. И как-то сама собой родилась мысль о выходе в космос.

Первый храбрец решился выйти из корабля минут на пятнадцать. Второй провел в космосе полчаса. Со временем, еще до того, как они окончательно миновали астероиды, подвахтенный каждого корабля постоянно висел на конце троса.

Дело было несложное. Трос — один из тех, что предназначались для работы в конце путешествия, — закрепляется магнитами. Один его конец прикрепляется к скафандру. Некоторое время вас удерживают на металлической обшивке корабля электромагниты ботинок. Потом вы выключаете их и делаете еле заметное усилие.

Медленно-медленно вы отрываетесь от корабля, и еще медленнее массивный корабль уплывает вниз от вас. С невероятной легкостью, не чувствуя своего веса, уходишь в сплошную черноту, испещренную светлыми точками. Когда корабль отодвигается на достаточное расстояние, вы чуть сжимаете рукой трос. Рывок — и вы плывете назад к кораблю, а он — к вам. Из-за того, что вы двигаетесь вместе с кораблем, он кажется неподвижным, будто нарисованным на невиданном фоне, а трос свисает кольцами, которые ничто не заставляет расправиться.

Космос окружает вас, и это похоже на сон. Но всего восхитительнее блаженство невесомости.

Вы никогда еще не чувствовали себя так хорошо. Дни уже не кажутся такими длинными, их не хватает, их слишком мало. ...Орбиту Юпитера они миновали под углом в 30 градусов. На протяжении многих месяцев он был для них самым ярким небесным телом, если не считать сияющей белой горошины, в которую превратилось Солнце. Когда они были ближе всего к Юпитеру, кое-кто уверял, что может разглядеть его крохотный шарик, выщербленный с одного бока ночной тенью. Потом, месяц за месяцем, он бледнел, а новая светлая точка росла, пока не стала ярче его. Это был Сатурн — сначала сверкающая точка, потом сияющее овальное пятно.

«Почему овальное? — спросил Риос и через некоторое время сообразил: — Кольца, конечно», — и это уже стало очевидно для всех.

До самого конца путешествия все парили в космосе сколько могли, не отрывая взгляда от Сатурна.

Сатурн все рос, пока, наконец, не сравнялся с Солнцем, а потом не превзошел его. Кольца, расположенные под большим углом к траектории корабля, охватывали планету, которая затмевала лишь небольшую их часть.

На небосводе показались большие луны Сатурна, похожие на мерцавшие светлячки.

...Марио Риос был рад, что проснулся и мог видеть все это снова.

Сатурн закрывал полнеба — весь в оранжевых полосах, с нечеткой границей ночной тени, отрезавшей его правую четверть. Два маленьких круглых пятнышка на его яркой поверхности были тенями двух лун. Слева и сзади сверкало белым алмазом Солнце.

Риос любил разглядывать кольца. Они выходили слева из-за Сатурна плотной, яркой тройной полосой оранжевого света. Справа они уходили в ночную тень и казались ближе и шире. Они расширялись, как сверкающий раструб горна, становились все более туманными и расплывчатыми, пока, наконец, не заполняли все небо.

Оттуда, где находились корабли мусорщиков, было видно, что кольца распадались и выглядели феноменальным скоплением твердых обломков — планетоидов, а не сплошными, плотными полосами света.

Под Риосом, милях в двадцати, находился один из таких обломков. Он казался большим пятном неправильной формы, нарушавшим симметрию космоса. Три четверти его были освещены, а остальное обрезано, как ножом, ночной тенью. Поодаль виднелись другие, сверкающие, как звездная пыль. Чем дальше, тем слабее казался их свет, а они сами все ближе друг к другу, пока снова не сливались в кольцо.

Планетоиды были неподвижны; но так казалось лишь потому, что корабли находились на одной орбите с внешним краем колец.

Накануне Риос вместе с товарищами работал на ближайшем планетоиде, придавая ему нужную форму. Завтра он снова возьмется за это.

Сегодня — сегодня он парит в космосе.

— Марио? — вопросительно прозвучало в его наушниках.

— Слушаю, — сказал он раздраженно: сейчас ему ни с кем не хотелось разговаривать.

— Я так и думал, что это твой корабль. Как дела?

— Прекрасно. Это ты, Тед?

— Да, — ответил Лонг.

— Что-нибудь случилось на планетоиде?

— Ничего. Просто парю.

— Это ты-то?

— И меня иногда тянет. Красиво, а?

— Хорошо, — согласился Риос.

— Знаешь, мне приходилось читать в земных книгах, как люди лежат на траве, на такой зеленой штуке вроде тонких длинных полосок бумаги, которой покрыта там вся земля. Они лежат и глядят вверх, в голубое небо с облаками. Ты когда-нибудь видел это в фильмах?

— Конечно. Мне не понравилось. Холодно с виду.

— Наверное, на самом деле нет. В конце концов Земля совсем близко к Солнцу, и, говорят, у нее достаточно плотная атмосфера, чтобы удержать тепло. Должен признаться, я не хотел бы очутиться под открытым небом в одной одежде. Но, по-моему, им это нравится.

— Все наземники сумасшедшие!

— Знаешь, они пишут о деревьях — таких больших бурых стеблях — и о ветре — движении воздуха.

— Ты хочешь сказать — о сквозняках. Этим тоже пусть наслаждаются сами.

— Неважно. Они пишут об этом так красиво, с любовью. Я немало дивился — на что же это похоже, в самом деле? Могу я это когда-нибудь испытать или это могут ощущать только земляне? Мне часто казалось, что я упускаю что-то очень важное. Теперь я знаю, на что это должно быть похоже. Вот на это — полный покой в центре великолепной вселенной!

— Им бы это не понравилось, — сказал Риос. — Наземникам, я хочу сказать. Они привыкли к своему паршивому крохотному миру, и им не понять, каково это — парить, глядя на Сатурн.

Он сделал легкое движение и начал медленно, спокойно раскачиваться.

Лонг сказал:

— Да, я тоже так думаю. Они — рабы своей планеты. Даже если они прилетят на Марс, только их дети будут свободны. Когда-нибудь будут построены звездные корабли — огромные, колоссальные корабли, которые будут вмещать тысячи людей и смогут десятилетиями, может быть даже столетиями, сами поддерживать свое внутреннее равновесие. Человечество расселится по всей Галактике. Но людям придется всю жизнь проводить на борту кораблей, пока не придумают новых способов межзвездного полета. И именно марсиане, а не привязанные к своей планете земляне, колонизируют вселенную. Это неизбежно. Так должно быть. Это путь марсиан.

Но Риос не отвечал. Он снова задремал, мягко покачиваясь, в полумиллионе миль под Сатурном.

7

С началом работы на планетоиде все, что было так приятно, когда вы парили в космосе, превратилось в большое неудобство. Покой и уединение исчезли. Осталась лишь невесомость, но в новых условиях она была уже не райским блаженством, а настоящей пыткой.

Взять хотя бы работу с тепловым излучателем, при обычных условиях стационарным. Его можно было поднять, хотя он был целиком из металла, имел шесть футов высоты и такую же ширину. Здесь он весил граммы. Но инерция его ничуть не уменьшилась, поэтому, если вы толкали его слишком резко, он двигался, увлекая вас за собой. И тогда вам приходилось включать искусственное поле тяготения скафандра, и вы неуклюже плюхались вниз.

Риос бранился яростно и почти беспрерывно. Ему все хотелось вытереть пот со лба рукой. И несколько раз, когда он уступал этому побуждению, металлическая перчатка ударялась о силиконовый шлем с грохотом, сильно отдававшимся внутри скафандра.

— Черт побери, Дик, жди, пока я не скажу, ладно? — заорал Риос.

Голос Свенсона прозвенел в наушниках.

— Ладно. И долго я буду еще ждать, а?

— Пока я не скажу, — ответил Риос.

Он увеличил поле тяготения и приподнял излучатель. Потом снял тяготение, зная, что излучатель все равно останется на месте в течение нескольких минут, даже если его не держать. Отшвырнув ногой кабель, он включил излучатель.

Вещество, из которого состоял планетоид, закипело и стало исчезать под лучом излучателя. Края гигантского колодца принимали все более округлые очертания.

— Теперь попробуй! — крикнул Риос.

Свенсон находился в корабле, висевшем почти над головой Риоса.

— Все в порядке? — спросил Свенсон.

— Говорю тебе, пошел!

Из переднего сопла корабля вылетела слабая струйка пара. Космолет медленно опускался на планетоид. Еще одна струйка — и боковой дрейф прекратился. Теперь он опускался точно. Третья — из кормы, — и его движение стало едва заметным.

Риос напряженно следил.

— Давай, давай. Получится, говорю тебе.

Корма вошла в выемку, почти целиком заполнив отверстие. Раздутое брюхо корабля все больше приближалось к краю отверстия. В корабле раздался скрежет. Корпус его задрожал и замер.

— Не входит!

Риос в ярости отшвырнул излучатель и взмыл вверх. Излучатель поднял целую тучу белой кристаллической пыли, и когда Риос вернулся, включив поле тяготения, он поднял такую же тучу.

— Ты неправильно вошел, проклятый тупоголовый наземник!

— Нет, я вошел точно, неумытая ты деревенщина!

Обращенные назад боковые сопла корабля взревели, и Риос отскочил в сторону, чтобы убраться с дороги.

Космолет, царапая бока, выбрался из колодца и рванулся вверх, взлетев на полмили, пока заработавшие передние сопла не остановили его.

— Еще раз, и мы сорвем с обшивки полдюжины плит. Сделай все как надо, дружище.

— Я сделаю все как надо. Не беспокойся. Только ты входи правильно.

Риос подпрыгнул и, поднявшись метров на триста, остановился, чтобы взглянуть на выемку сверху. Царапины, оставленные на ее стенах кораблем, отсюда были ясно видны. Ну, это-то он исправит. Стены начали оплавляться под пламенем излучателя.

Через полчаса корабль аккуратно вошел в выемку, и Свенсон, облачившись в скафандр, присоединился к Риосу.

— Если тебе хочется выбраться из скафандра и посидеть в корабле, я сам займусь вмораживанием, — сказал он.

— Ладно, — ответил Риос. — Лучше я здесь посижу и посмотрю на Сатурн.

Он уселся у выемки. Там, где он сидел, от края колодца до космолета было футов шесть свободного пространства. В других местах зазор был около двух футов, а кое-где всего несколько дюймов. Лучшего вручную и не сделаешь. Теперь оставалось осторожно расплавить лед, чтобы вода замерзла между стенками выемки и корпусом космолета.

Сатурн заметно для глаза перемещался на небе, огромной глыбой медленно уползая за горизонт.

— Сколько еще кораблей осталось пристроить? — спросил Риос.

— В последний раз говорили, одиннадцать. У нас все готово, значит только десять. Семь — вморозили, два или три демонтированы.

— Дело идет на лад.

— Работы еще много, — возразил Свенсон. — Ведь еще надо поставить главные двигатели на другом конце. А тросы, а силовая проводка? Иногда я начинаю сомневаться, удастся ли нам это. Когда мы летели сюда, меня это как-то мало беспокоило. Но вот сейчас сижу я в рубке и говорю себе: «Не выйдет. Будем сидеть здесь да голодать — так и сгибнем под этим Сатурном». Волей-неволей задумаешься...

Он умолк.

— Уж очень стал ты задумчив, — произнес Риос.

— Тебе что, — ответил Свенсон, — а я вот все думаю о Пите, о Доре.

Свенсон вздохнул.

— Я всегда плохо с нею обращался. А тут стал задумываться: женщине нужен друг, а малышу отец. И что я здесь торчу?

— Делаешь все, чтобы добраться до дома.

— Эх, ничего ты не понимаешь!

8

Тед Лонг шагал по неровной поверхности планетоида. В мыслях его царил такой же холод, как и вокруг него. Там, на Марсе, все казалось абсолютно логичным, но то был Марс. Мысленно он рассчитал все так тщательно и так безукоризненно последовательно. Он и сейчас еще точно помнил, каков был ход его мыслей.

Почему горючее должно храниться внутри корабля, зачем нужно обстраивать металлом миллионы тонн воды? Ведь вода может и не быть водой. Это может быть лед, а льду можно придать любую форму. В нем можно проплавлять отверстия. В него можно вставить капсулу и двигатели. А тросы могут жестко удерживать вместе капсулу и двигатели в тисках магнитного силового поля.

Почва, по которой шел Лонг, дрогнула. Он шагал по головной части планетоида. Около дюжины кораблей вгрызались в него, проделывая выемки, и планетоид содрогался от их непрерывной работы.

Добывать лед не требовалось — он плавал громадными кусками в кольцах Сатурна. Собственно, кольца и представляли собой вращающиеся вокруг Сатурна глыбы почти чистого льда. Так говорила спектроскопия, так оказалось на самом деле. Сейчас Лонг стоял на одной из этих глыб длиною побольше двух миль и толщиною почти с милю. Почти полмиллиарда тонн воды, все в одном куске — и он стоял на нем.

И вот теперь он лицом к лицу столкнулся с действительностью. Он никогда не говорил людям, за сколько времени, по его мнению, они сделают из обломка космический корабль, но в глубине души он думал, что не больше чем за пару дней. Прошла уже неделя, а он даже не осмеливался прикинуть, сколько же еще осталось. Теперь он даже не был уверен, что дело вообще удастся. Смогут ли они управлять двигателями с достаточной точностью через ведущие корабли, вмороженные в ледовое тело планетоида? Преодолеют ли они мощное притяжение Сатурна? Питьевой воды было мало — правда, они всегда могли получить ее изо льда. Но и с продовольствием было неважно.

Лонг остановился и внимательно всмотрелся в небо. А не увеличивается ли вон та штука? Надо бы измерить расстояние до приближавшейся ледяной глыбы. Сейчас у него просто не хватало духу добавить к остальным неприятностям еще и эту. Мысли его вернулись к более насущным делам. В конце концов, настроение у людей просто великолепное. Казалось, они рады, что попали на орбиту Сатурна. Еще бы! Они стали первыми из людей, забравшимися так далеко, первыми, кто прошел Пояс Астероидов, первыми, кто невооруженным глазом смог увидеть в небе пятнышко Юпитера, первыми, кто видел Сатурн, такой вот Сатурн!

Лонг никогда не думал, что у пятидесяти практичных, хлебнувших лиха мусорщиков найдется

время, чтобы испытывать подобные чувства. Но они осознавали значительность происходящего. И были горды собой.

Он все шел, и из-за горизонта выросли две фигуры около полузарытого космолета.

Лонг бодро окликнул их:

— Эй, ребята!

— Это ты, Тед? — откликнулся Риос.

— К вашим услугам. А это Дик с тобой?

— Ну да. Иди-ка присядь. Мы как раз готовимся вмораживать корабль, так что неплохо бы и отдохнуть.

— А по-моему, не стоит терять время, — быстро проговорил Свенсон. — Когда мы вылетаем, Тед?

— Как только все закончим. Это не ответ, верно?

— Думаю, что другого ответа и нет, — уныло согласился Свенсон.

Лонг поглядел вверх, на светящееся пятно неправильной формы, нависшее над ними.

Риос проследил за его взглядом.

— В чем дело?

Лонг промолчал. Небо было черным, и обломки кольца казались на его фоне оранжевой пылью. Сатурн более чем на три четверти ушел за горизонт, уходили с ним и кольца. В полумиле от них из-за ледяного края планетоида в небо, залитое оранжевым светом Сатурна, стремительно выскочил корабль, потом снова канул вниз. Планетоид под ногами содрогнулся.

— Что-нибудь неладно с Призраком? — спросил Риос.

Так они называли ближайший планетоид. Он был совсем близко. Они находились на внешнем крае колец, где обломки вообще-то были разбросаны сравнительно редко. Призрак был милях в двадцати — зубчатая гора, на которой отчетливо были видны неровные выступы.

— Что вы о нем думаете? — спросил Лонг.

Риос пожал плечами.

— Думаю, с ним все в порядке. Не вижу ничего необычного.

— Вам не кажется, что он увеличивается?

— С чего бы это?

— А все-таки, — настаивал Лонг.

Риос и Свенсон задумчиво глядели вверх.

— Похоже, он стал больше, — сказал Свенсон.

— Вы нам это внушили, — возразил Риос. — Ведь если он стал больше, значит он приблизился.

— Почему бы и не так?

— Да ведь у этих обломков стабильные орбиты.

— Были, когда мы только прилетели сюда, — сказал Лонг. — Вот, чувствуете?

Планетоид снова дрогнул.

— Мы долбим наш планетоид уже с неделю. Сначала двадцать пять кораблей сели на него. Потом мы расплавляли лед, бурили колодцы, наши корабли садились и взлетали — и все это на одном конце планетоида. За неделю мы вполне могли немного изменить его орбиту. Два планетоида, наш и Призрак, могут начать сходиться.

— Ну, пока еще достаточно места, чтобы он проскочил мимо, — сказал Риос, внимательно глядя вверх. — К тому же мы не можем даже сказать с уверенностью, что он увеличивается. Какая же у него может быть скорость? Относительно нас, конечно.

— Ему не надо иметь большую скорость. Его масса не меньше нашей, так что, как бы слабо мы ни столкнулись, он собьет нас с орбиты, возможно, в сторону Сатурна. А это нам вовсе ни к чему. К тому же лед непрочен, и оба планетоида могут разлететься на мелкие куски.

Свенсон встал.

— Черт возьми, уж если я в точности могу сказать, как движется за тысячу миль от меня сброшенный наземниками корпус, то могу и узнать, как ведет себя эта гора всего в двадцати милях отсюда.

Он направился к кораблю. Лонг его не остановил.

— Нервничает парень, — заметил Риос.

Соседний планетоид поднялся к зениту, прошел над головой и начал спускаться. Через двадцать минут на горизонте, напротив того места, где исчез Сатурн, появилось оранжевое зарево — снова появился планетоид.

Риос окликнул по радио:

— Эй, Дик, ты еще жив?

— Проверяю, — глухо ответил он.

— Движется? — спросил Лонг

— Да.

— К нам?

Наступило молчание. Потом донесся испуганный голос Свенсона:

— Прямо в лоб, Тед. Орбиты пересекутся через три дня.

— Да ты рехнулся! — крикнул Риос.

— Я проверил четыре раза, — сказал Свенсон.

«Что же теперь делать?» — тупо подумал Лонг.

9

Часть команды занималась укладкой тросов. Усталые люди делали свое однообразное дело.

И вдруг они услышали:

— Всем заняться двигателями!

Нельзя было сказать, что мусорщики такие люди, которым по вкусу дисциплина. С брюзгливым ворчанием принялись они разбирать двигатели кораблей, таскать их на хвостовой конец ледяной горы, заделывать в определенных местах и тянуть по поверхности управляющие кабели.

Вдруг кто-то, глянув на небо, произнес:

— Святые угодники!

Ничего более поразительного они не видывали.

— Взгляните-ка на Призрак!

Он вдвое вырос и простерся по всему небу, как рваная рана. Все глядели на него и удивлялись, почему не заметили этого раньше.

Работа встала. Все насели на Теда Лонга с вопросами. Он отвечал:

— Мы не можем улететь. У нас нет горючего, чтобы добраться до Марса, и нет снаряжения, чтобы захватить другой планетоид. Поэтому придется остаться. Призрак приближается к нам: взрывные работы выбили наш планетоид из орбиты. Но мы можем вновь изменить орбиту, продолжая взрывы. На головном конце взрывать лед больше нельзя. Иначе мы подвергнем опасности корабль, который строим. Давайте попробуем с другой стороны.

Люди яростно набросились на работу. Их пыл подогревался каждые полчаса, когда Призрак вырастал на горизонте, все более огромный и грозный.

Лонг не был уверен, что его проект удастся. Даже если реактивные двигатели не откажут, если они подчинятся дистанционному управлению, даже

если будет достаточным запас воды — все еще не было уверенности, что тело планетоида не рассыплется под воздействием разрушительных напряжений огромной силы.

— Готово! — услышал Лонг по радио.

Лонг повторил: «Готово!» — и включил контакт. Он почувствовал, что все вокруг поколебалось. Россыпь звезд на экране дрогнула. В отдалении блеснул пенистый след ледяных кристаллов.

— Работают! — послышался крик. Лонг не осмеливался выключить двигатели. Целых шесть часов они извергали кипящие струи в пространство. Вещество планетоида обращалось в пар и отбрасывалось назад. Призрак все приближался, люди бросили работу и только глазели на гору, занявшую все небо. Это было эффектное зрелище. Трещины и ущелья шрамами зияли на его поверхности. Но когда Призрак пересек орбиту планетоида, тот успел уже проскочить на полмили вперед. Двигатели прекратили работу.

Лонг сгорбился в кресле и прикрыл глаза рукой. Он не ел уже два дня. Впрочем, сейчас он мог бы поесть. Ни один из обломков кольца не был настолько близко, чтобы доставить им новые неприятности.

Вернувшись на поверхность планетоида, Свенсон заявил:

— Все время, пока я следил, как эта проклятая скала наваливается на нас, я твердил про себя: «Это не случится. Мы не можем этого позволить».

— Черт побери, — сказал Риос, — мы все понервничали. Ты видел Джима Дэвиса? Он прямо позеленел. Да и мне было не по себе.

— Это не то. Понимаешь, для меня это была не просто смерть. Я думал — знаю, что это смешно, но ничего не могу с этим поделать, — я думал о Доре. Довольно нелепо для такого момента, а?

— Послушай, — сказал Риос, — ты ведь хотел жениться и женился. Чего же ты лезешь ко мне со своими заботами?

10

Флотилия, слившаяся в единое целое, отправилась в обратный путь через необозримо громадное пространство, отделявшее Сатурн от Марса. Каждый день она поглощала расстояние, которое они, летя сюда, покрывали за девять суток. Тед Лонг держал весь экипаж в состоянии боевой готовности. Погруженные в вырванный из колец Сатурна планетоид двадцать пять кораблей лишились возможности двигаться самостоятельно, и синхронизация работы их двигателей была невероятно трудной проблемой. Беспорядочные рывки появились в первый же день полета. Но под действием мощной тяги скорость неудержимо росла, и скоро полет стал более ровным. Они перевалили за отметку 100 тысяч миль в час уже к концу второго дня, а скорость все росла и росла.

Через несколько дней люди начали выражать недовольство. Дело было не только в том, что они лишились возможности парить в космосе. На них обрушилась сила, намного превышавшая обычное искусственное поле тяготения кораблей, — это был результат свирепого ускорения, которому они подвергались. Лонг, намертво прижатый к гидравлической прокладке кресла, и сам чувствовал смертельную усталость. Начали выключать двигатели на час через каждые три часа, и Лонга это сильно беспокоило.

Прошло уже больше года с того дня, когда он в последний раз видел медленно исчезающий Марс в иллюминатор своего корабля. Что произошло за это время? Жива ли еще колония?

Высоко над внешним краем Пояса Астероидов они достигли максимальной скорости. Короткие струи, выброшенные в космос из одного бокового двигателя, потом из другого, повернули огромный корабль кормой вперед. Составной двигатель вновь мощно взревел, но теперь он работал на торможение. Они прошли в ста миллионах миль от Солнца, спускаясь по кривой, чтобы пересечь орбиту Марса.

В неделе пути от Марса впервые были услышаны ответные сигналы — отрывочные, еле слышные и неразборчивые.

Лонг немного успокоился. Во всяком случае, на Марсе все еще были люди. В двух днях пути от Марса сигналы стали сильными и отчетливыми. Вызывал Санков.

Санков сказал:

— Здравствуй, сынок. Никакого уважения к старику — вытащил меня прямо из постели. У нас сейчас три часа утра.

— Простите, сэр.

— Ерунда. Я сам распорядился об этом. Боюсь спрашивать, сынок. Кто-нибудь пострадал? Может быть, кто-нибудь погиб?

— Никто не погиб, сэр.

— А как с водой? Что-нибудь осталось?

Лонг, пытаясь придать голосу оттенок безразличия, ответил:

— Хватит.

— В таком случае возвращайтесь домой как можно скорее. Разумеется, без лишнего риска.

— Значит, у вас дела плохи?

— Да так себе, более или менее. Когда будете на Марсе?

— Через два дня. Продержитесь?

— Продержусь.

Через сорок часов Марс вырос в ярко-оранжевый шар, заполнивший все иллюминаторы. Корабли вышли на последнюю спираль перед посадкой.

«Спокойно, — твердил про себя Лонг, — спокойно».

Даже разреженная атмосфера Марса могла стать для них крайне опасной, если бы они вошли в нее на слишком большой скорости.

Сначала под ними пронеслась одна белая полярная шапка, затем другая, поменьше — это было летнее полушарие, снова большая, опять меньшая, со все увеличивающимися интервалами. Планета приближалась. Уже можно было различить отдельные черты ландшафта.

— Приготовиться к посадке! — распорядился Лонг.

Санков сделал все, чтобы казаться совершенно безмятежным. Это ему давалось с трудом — парни дали о себе знать только в самый последний момент. Всего несколько дней назад он не был даже уверен, что они живы. Казалось вероятным, даже почти неизбежным, что где-то в непроторенных пространствах носятся их замерзшие трупы — новые планетоиды, которые когда-то были живыми существами.

Комиссия не одну неделю торговалась с Санковым по мелочам: хотели получить подпись Санкова, хотя бы приличия ради. Тогда бы все выглядело как добровольное обоюдное соглашение. Сан-

ков превосходно знал, что если он заупрямится, то они наплюют на приличия. Было совершенно очевидно, что Хильдер победит на выборах, и его сторонники могли даже пойти на риск возбудить некоторые симпатии к Марсу. Поэтому Санков тянул и тянул переговоры, все время соблазняя комиссию возможностью своей капитуляции.

Переговорив с Лонгом, Санков быстро завершил сделку. Перед ним лежали документы, и он делал последнее заявление для репортеров. Он сказал:

— Общий ввоз воды с Земли составляет двадцать миллионов тонн в год. Ввоз идет на убыль, так как мы создаем собственную водопроводную систему. Если я подпишу соглашение о введении эмбарго на воду, наша промышленность будет парализована, исчезнет возможность дальнейшего расширения. И все же, мне кажется, не может быть, чтобы это входило в намерения Земли. Не так ли?

Он взглянул на членов комиссии. В их глазах был лишь суровый блеск. Члена Ассамблеи Дигби уже вывели из комиссии, и все как один были настроены против Санкова.

Председатель комиссии раздраженно заметил:

— Вы говорили все это и раньше.

— Знаю, но раз я теперь готов подписать, я хочу, чтобы все было ясно. Правда ли, что Земля твердо решила покончить с нами?

— Конечно, нет. Земля заинтересована только в сохранении своих невозобновимых водных ресурсов, и ни в чем больше.

— У вас есть полтора квинтильона тонн воды.

— Мы не можем уделить вам воды.

И Санков подписал.

Он все-таки получил окончательный ответ — как раз то, что ему было нужно: Земля имеет полтора квинтильона тонн воды и не может уделить из них ни капли.

И вот сейчас, полтора дня спустя, члены комиссии и репортеры ждали в куполе космопорта. Через толстые выгнутые окна была видна голая, пустынная территория марсианского космодрома.

У другого окна, в маленькой комнате по соседству, сгрудилась кучка женщин и детей. Санков отошел от окна, чтобы взглянуть на них. Он предпочел бы быть вместе с ними, разделить их волнение и ожидание. Как и они, он ждал уже больше года. Как и они, он снова и снова думал об этих людях, как о погибших.

— Видите? — сказал Санков, указывая в окно.

— Эй! — воскликнул один из репортеров. — Да это корабль!

Из соседней комнаты раздались возбужденные крики.

Это был еще не корабль, а яркая точка, светившаяся сквозь зыбкое белое облачко. Облачко росло и приобретало определенную форму. Оно простерлось по небу двойной полосой, нижние концы которой расходились в стороны и снова загибались вверх. Когда облачко приблизилось, стало видно, что яркая точка на его верхнем конце представляет собой цилиндр. Поверхность цилиндра была неровной, скалистой, там, где на нее падал солнечный свет, она отбрасывала ослепительные блики.

Цилиндр снижался с тяжеловесной медлительностью космолета. Его поддерживали ревущие сопла, и он покоился на многотонной отдаче выбрасываемого соплами вещества, как усталый человек в удобном кресле.

И тут под куполом воцарилась тишина. Женщины и дети в одной комнате, политики и репортеры — в другой как будто окаменели, все глядели вверх.

Посадочные ноги цилиндра прикоснулись к поверхности и погрузились в зыбкую каменистую почву. Потом корабль застыл неподвижно — сопла прекратили работу.

С огромного корабля спускались люди. Они карабкались по двухкилометровым склонам в ботинках с шипами и с ледорубами в руках. На фоне слепящей поверхности они выглядели муравьями.

— Что это? — сорвавшимся голосом произнес один из репортеров.

— Это, — спокойно ответил Санков, — глыба вещества, которая зря тратила время, вращаясь вокруг Сатурна в составе его колец. Наши парни оборудовали ее капсулой и соплами и отбуксировали домой, на Марс. Оказывается, обломки колец Сатурна состоят из чистого льда. Конечно, когда мы как следует наладим дело, у нас будут водные станции и на лунах Сатурна и Юпитера и на астероидах. У нас будет столько воды, сколько понадобится. Вот эта глыба, которую вы видите, чуть меньше кубической мили — примерно столько же Земля послала бы нам за двести лет. Парни довольно сильно ее пощипали, возвращаясь с Сатурна. Они говорят, что за пять недель истратили около ста миллионов тонн воды. Но на ней даже и щербинки не видно. Вам все ясно?

Он повернулся к репортерам. Не было никакого сомнения в том, что им все ясно.

— Тогда вот еще что. Земля беспокоится о своих водных запасах. Она располагает всего-навсего какими-нибудь полутора квинтильонами тонн воды. Она не может уделить нам из них ни одной тонны. Запишите, что через десять лет мы рассчитываем продавать воду кубическими милями. Запишите, что Земля может не волноваться: в будущем Марс продаст Земле столько воды, сколько ей понадобится.

Председатель комиссии уже ничего не слышал. Он чувствовал, как на него обрушивается это будущее. Как в тумане, он видел, что репортеры, бешено строча, усмехаются.

Усмехаются!

Он представлял себе, как эта усмешка превращается в громовой смех, когда Земля узнает, что Марс побил антирасточителей их же собственным оружием. Он слышал, как разражаются хохотом целые континенты, когда до них доходит известие об этом позорном фиаско. И еще он видел пропасть — глубокую и черную, как космос, пропасть, куда навсегда проваливаются все политические перспективы Джона Хильдера и любого из оставшихся на Земле противников космических полетов, включая, конечно, и его самого.

В соседней комнате плакала от радости Дора, а Питер, успевший подрасти на два дюйма, прыгал и кричал:

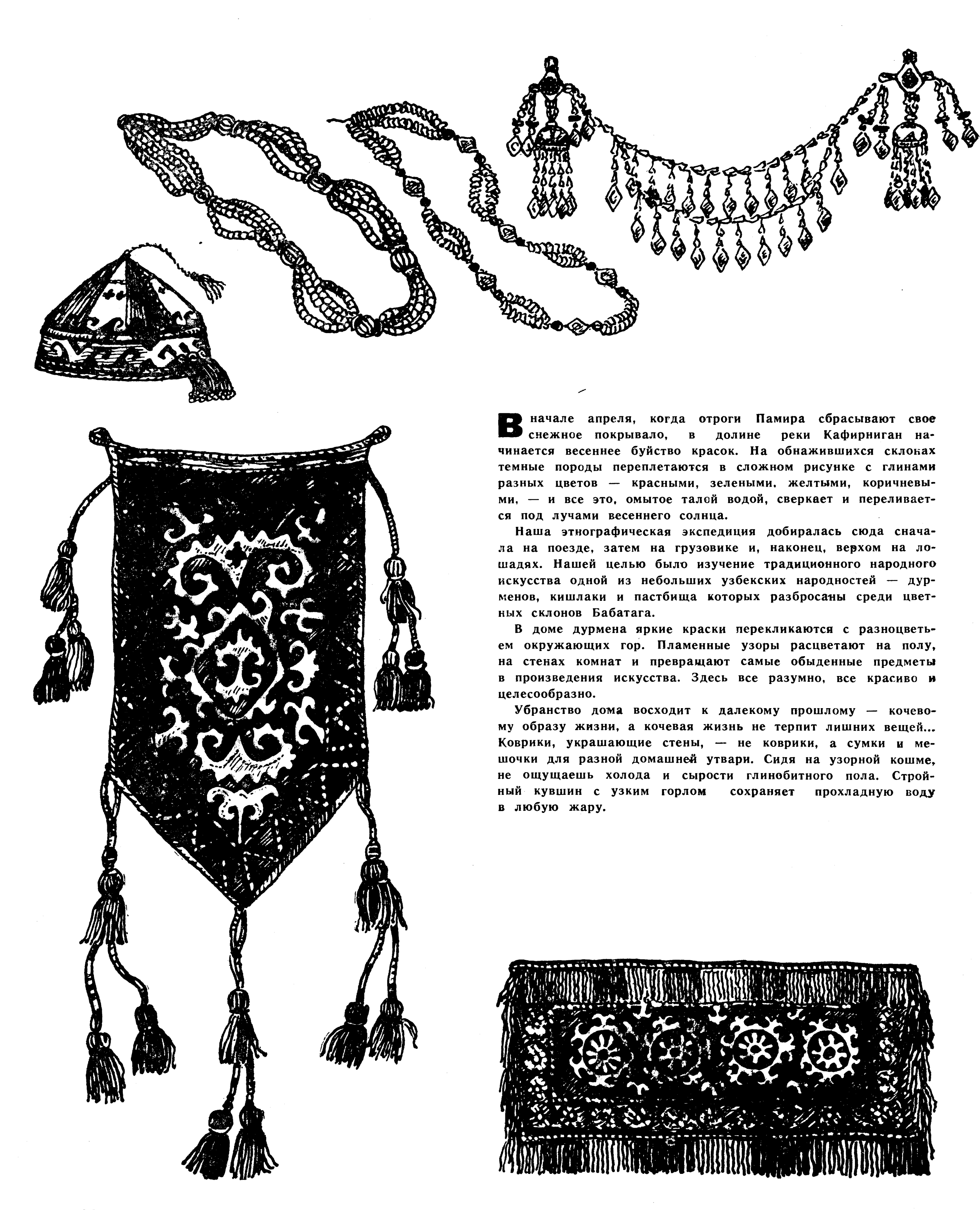
— Папа! Папа!

Ричард Свенсон только что ступил на землю. Он шел к куполу. Его лицо было хорошо видно сквозь прозрачный силикон гермошлема.

— Ты когда-нибудь видел, чтобы человек выглядел таким счастливым? — спросил Тед Лонг. — Может, в этой семейной жизни и на самом деле что-то есть?

— Брось! Просто ты слишком долго был в космосе, — ответил Риос.

Сокращенный перевод с английского
А. ИОРДАНСКОГО и Н. ЛОБАЧЕВА

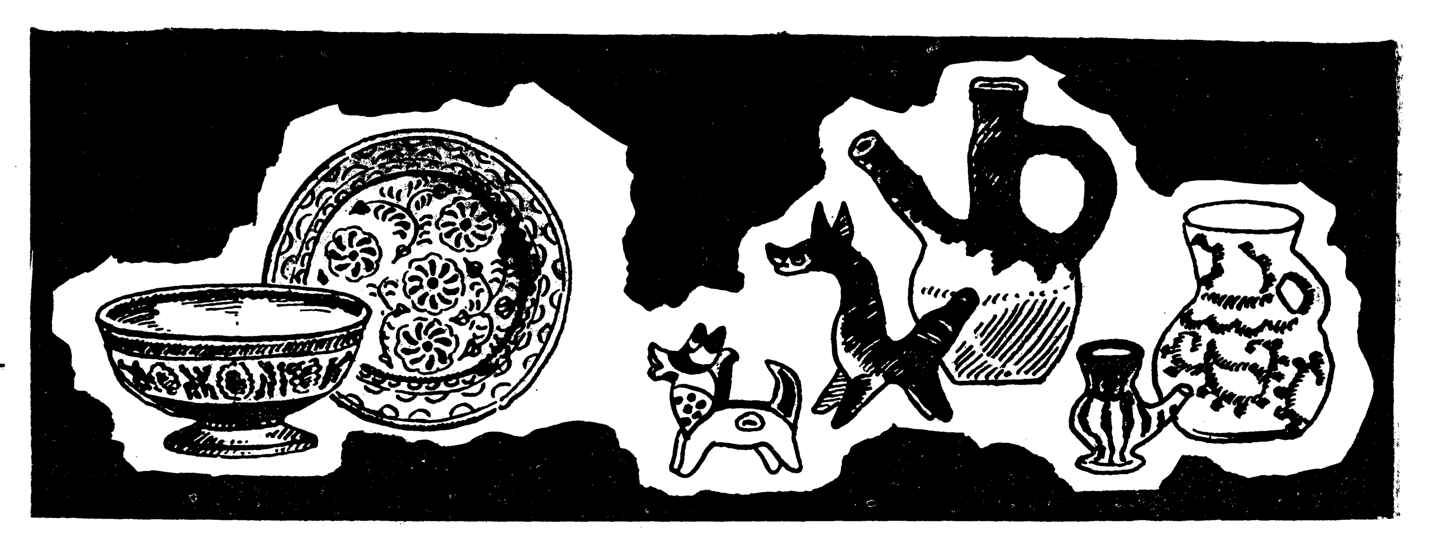

В начале апреля, когда отроги Памира сбрасывают свое снежное покрывало, в долине реки Кафирниган начинается весеннее буйство красок. На обнажившихся склонах темные породы переплетаются в сложном рисунке с глинами разных цветов — красными, зелеными, желтыми, коричневыми, — и все это, омытое талой водой, сверкает и переливается под лучами весеннего солнца.

Наша этнографическая экспедиция добиралась сюда сначала на поезде, затем на грузовике и, наконец, верхом на лошадях. Нашей целью было изучение традиционного народного искусства одной из небольших узбекских народностей — дурменов, кишлаки и пастбища которых разбросаны среди цветных склонов Бабатага.

В доме дурмена яркие краски перекликаются с разноцветьем окружающих гор. Пламенные узоры расцветают на полу, на стенах комнат и превращают самые обыденные предметы в произведения искусства. Здесь все разумно, все красиво и целесообразно.

Убранство дома восходит к далекому прошлому — кочевому образу жизни, а кочевая жизнь не терпит лишних вещей... Коврики, украшающие стены, — не коврики, а сумки и мешочки для разной домашней утвари. Сидя на узорной кошме, не ощущаешь холода и сырости глинобитного пола. Стройный кувшин с узким горлом сохраняет прохладную воду в любую жару.

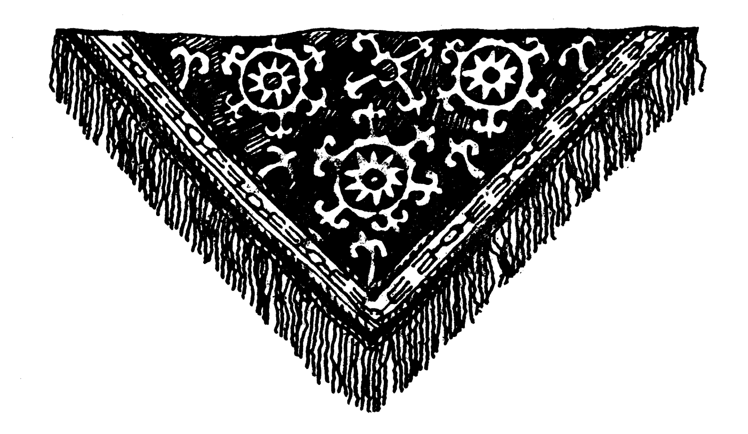
Преобладающий цвет в комнатах — красный. Красные узоры на войлоках, красные, отделанные вышивкой подушки валиком, цветасто-красные одеяла, сложенные в нише стены почти до потолка. Даже воздух в комнате кажется красным — красные блики мягко ложатся на лица людей.

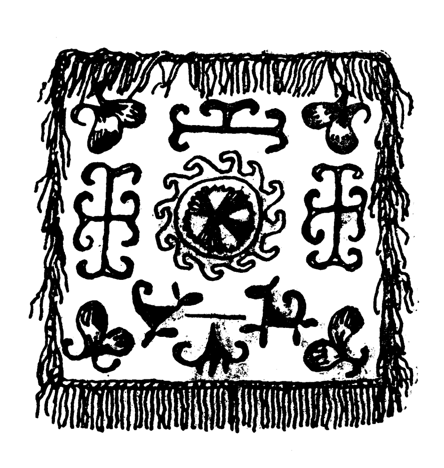
Если приглядеться к орнаментам на мапрамачах — мягких сундучках для одежды, на плоских переметных сумках, на кошмах — везде можно найти повторяющиеся элементы. Самый излюбленный из них — рога барана. Это добрый знак, примета благополучия. Еще бы, баран — это и мясо для плова, и шкурки на шапку, и шерсть для пряжи и войлоков. На войлоках часто встречается узор, называемый «сары ичан» — желтый скорпион — оберег от ядовитого насекомого. Это не просто традиция. Войлоки действительно охраняют людей. Уходя из дому, чабан обязательно захватит с собой кошму. Завернется в нее на ночь и спит безмятежно — знает, что не вползет скорпион на кошму из овечьей шерсти — ведь она пахнет овцой, а овцы поедают скорпионов.

Небольшие мешочки для чая с изображением удивительных птиц висят рядом с сузани во всю стену, расшитыми малиново-красными цветами. Каждый цветок чуть-чуть иной. То меняется цвет, то очертания. Смело нарушается симметрия, но не равновесие... Рука мастерицы с удивительным чутьем находит меру фантазии, гармонию. Каждая вносит в старинный узор что-то свое — свою мудрость, свою непосредственность, свою доброту и свою красоту...

Т. ПОЛЕТИКА
Рисунки автора

ЧТО ДАЛИ МНЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

ЭРИК ЛУНДКВИСТ

В Швеции меня называют исследователем и писателем-путешественником. Это неверно. Я никогда не затевал экспедиций и не путешествовал в собственном смысле этого слова. Просто мне довелось работать в далекой Индонезии, и четырнадцать книг, которые я написал, рассказывают о моей работе в этой стране, о людях, которых я там встречал, их жизни и взглядах.

Для меня работа в тропических колониях сыграла огромную роль. Все мои прежние представления были опрокинуты, я научился иначе смотреть на жизнь, и у меня открылись глаза на пороки системы, которой я служил. А затем мне довелось с радостью увидеть, как бывшие колонии стали свободными странами, как угнетенные народы сбросили иго. Несколько лет я работал преподавателем в новой Индонезии, узнал ее новую молодежь. Пожалуй, это были самые счастливые годы моей жизни.

В Швеции я рос в сугубо буржуазной среде, которая социализма не признавала. То же можно сказать и о моих товарищах по институту. Все мы страдали политической слепотой, политикой не интересовались, никогда не задумывались о социальных несправедливостях. Считали, что все так и должно быть — классовые границы, угнетение женщины. Единственное, против чего я тогда восставал, была религия. С двенадцати лет я отказывался верить в бога и черта. Это оказалось очень кстати, когда я попал в Индонезию и узнал народ этой страны. Народ, которым голландцы (по их словам) правили по велению самого бога...

В 1930 году, когда я поступил на службу к голландцам и поехал в Индонезию лесничим, я еще думал, что колонии нужны и оправданны. Конечно, голландцы всячески старались укрепить во мне это убеждение. Мой первый начальник в Индонезии всегда твердил, что «коричневые» понимают только язык пулеметов.

По роду работы я жил в деревнях и лесах один среди аборигенов. И тут-то я очень скоро раскусил, чего стоят слова колонизаторов о своем превосходстве.

К своему удивлению, я увидел, что малайцы на острове Банка — первом, на который я попал, живут в своих хижинах гораздо счастливее и полнее, чем белые в своих каменных домах. Что куда интереснее просидеть ночь в деревне, разговаривая с местными жителями, чем глушить виски в голландском клубе. С первых дней я влюбился в народ Индонезии. Уже тогда надо мной посмеивались: он забывает, что он белый...

Чем дальше, тем чаще приходилось мне быть «единственным белым» среди «туземцев». Меня послали на Борнео (Калимантан) исследовать леса, потом поручили наладить лесоразработки на побережье. Но я никогда не чувствовал себя одиноким среди тамошних людей. Напротив, жизнь моя была полнее, чем когда-либо. Особенно хорошо я себя чувствовал, когда я и мои друзья забывали, что я «белый».

И тут кое-кто из голландцев стал называть меня «красным». За то, в частности, что я хотел платить рабочим по труду, не считаясь с цветом их кожи. Поначалу я не обращал внимания на это. Я все еще считал себя, так сказать, «добрым буржуа». И совсем не думал о политике.

Не помню уж точно, когда именно я стал задумываться над тем, к какому политическому лагерю я принадлежу. Может быть, это было перед самой войной. И тут, к своему удивлению, обнаружил, что по своим воззрениям я социалист.

В годы японской оккупации мне иногда выдавался случай читать, и читал я преимущественно труды коммунистов. С той поры я проникся убеждением, что единственный путь к лучшей жизни для

Сегодня в нашей кают-компании:

Эрик Лундквист — шведский писатель и ученый;

Леонид Романович Кызласов — советский археолог, много лет посвятивший исследованию истории Тувы.

народов Юго-Восточной Азии, с жизнью которых я хорошо знаком, — это коммунизм.

В 1950 году голландцы отправили меня обратно в Европу, потому что я был на стороне индонезийцев в их освободительной борьбе. Потом я вернулся, но уже на службу индонезийского государства.

Один из главных уроков, которые я почерпнул, когда жил в колониальной стране, — что нужно подчас очень сильное воздействие, чтобы человек пересмотрел политические воззрения, впитанные, можно сказать, с молоком матери. Нужно, чтобы человек по-настоящему узнал, что такое гнет, нужда, унижения, революция, война.

Останься я в Швеции, может быть, ничто не заставило бы меня отказаться от буржуазных взглядов. И если бы я не работал среди простых людей Индонезии, а попал, скажем, на плантацию или в контору в каком-нибудь городе, я, наверно, ничем не отличался бы от многих голландцев в Индонезии. И выходит, мне просто повезло, — я попал на такую работу, которая вынудила меня изменить свои взгляды по самым существенным вопросам.

Э. Лундквист с супругой в своем рабочем кабинете.

Естественно, я считаю это куда более важным и ценным для себя, чем приключения, охоту и самые чудесные картины природы, какие я видел в тропической Индонезии.

Однако писать я начал именно благодаря так называемым приключениям. Останься я в Швеции, я никогда не стал бы писателем. Дело в том, что гораздо легче писать о чужих странах и обычаях, чем заниматься литературным вымыслом. А читателя привлекают приключения, экзотика. Уж твое дело вплести в ткань приключений столько серьезного, на сколько у тебя хватит отваги.

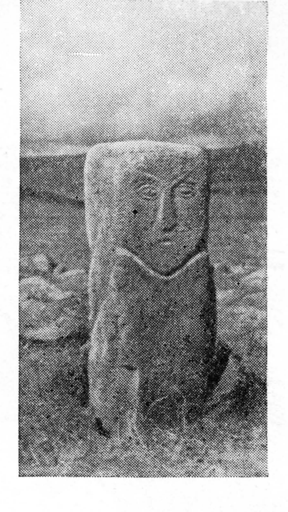
Половина моей жизни прожита в Индонезии. Эта половина была, бесспорно, самой важной и ценной. Она сделала меня таким, какой я теперь.

Перевел со шведского
Л. ЖДАНОВ

ТАЙНА СЛОМАННОГО КЛИНКА

Медленно пишется история исчезнувшего государства. Она скрыта в пыльных фолиантах и летописях, засыпана в величественных курганах и неприметных погребениях, таится в развалинах некогда великолепных городов и в бесформенных обломках древних сосудов.

...Много лет ведет раскопки в Туве кандидат исторических наук Леонид Романович Кызласов. История народов, населявших эту гористую страну, заинтересовала археолога не случайно. Изучая прошлое своей родины — Хакасии, он увидел, что нити культурных связей древних хакасов ведут за Саянский хребет, в Туву.

В 1955 году машина экспедиции Кызласова, до отказа груженная ящиками, скатанными палатками, спальными мешками, лопатами, послушно следуя прихотливым зигзагам Усинского тракта, впервые перевалила через Саяны в Туву. В безбрежной каменистой степи вырос палаточный городок археологов.

Издавна у города Шагонара виднелись остатки четырехугольного замка. Некогда это была неприступная крепость с мощными стенами, башнями и рвом, опоясывающим все укрепления. Внутри стен поднимались бастионы цитадели, сложенные из сырцового кирпича. А справа и слева от замка стояли еще две крепости, оберегающие покой обитателей замка. Но и эта охрана оказалась недостаточной властелину цитадели. И он приказал воздвигнуть в нескольких километрах от своего жилища еще одно укрепление, от которого отходил длинный глинобитный вал, упирающийся в берег Енисея и закрывающий доступ к замку.

Под слоем земли в цитадели Шагонарского замка археологи нашли остатки большого здания, крытого черепицей. Здесь же были обнаружены обломки глиняной посуды, изящных орнаментированных ваз, зернотерки, каменные жернова от ручных мельниц, железный отвал плуга и множество пряслиц от веретен. На полу лежал сломанный клинок сабли, выпавший из рук последнего защитника крепости.

Кто же одолел эти замки и стены, какая трагедия разыгралась здесь?

Ответ пришел не сразу. Ведь труд археолога — это не только романтика открытий.. Это долгие часы в раскопе под изнуряющим солнцем, кубометры земли, выброшенные лопатой, слой за слоем счищенные ножом и скальпелем, выметенные по песчинке кистью. Это длинная цепь логических построений, сопоставлений только что найденного с уже известным науке, это ожидаемые открытия и неожиданные неудачи.

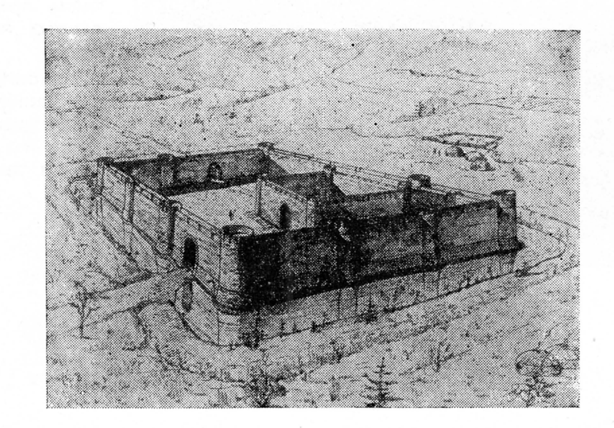
...В 750 году на территорию Тувы вторглись армии уйгуров и огнем и мечом утвердили свою власть. Но жизнь уйгурских легионов среди завоеванных, но непокоренных племен была нелегкой. Никакие стены замков и крепостей не могли защитить уйгуров от мести чиков — народа, населявшего тогда Туву, и их союзников — древних хакасов. Тогда завоеватели решили построить многокилометровую стену, чтобы окончательно обезопасить себя. Но и это грозное сооружение не помогло. Свидетель этому — уйгурский могильник, расположенный неподалеку от Шагонарского замка. Большинство погребенных в нем — это воины, сраженные в битвах, с проломленными черепами, со стрелами, впившимися в висок, с перерубленными руками...

А в 840 году окрепшее древнехакасское государство в союзе с племенами, населяющими Туву, окончательно разгромило уйгурские армии.

Работы закончены. Четко обрисовалось самое начало железного века — уюкская культура. Разложены по музейным витринам ножи, серпы и сосуды шурмакской культуры, относящейся ко времени окончательной победы железа над бронзой. Реставрированы и очищены от коррозии узорные бляшки, стремена и украшения времен первого государства в Туве — тюркского каганата. Раскопано множество курганов с погребениями древних хакасов. Восстановлены многие страницы истории Тувы, самобытной и высокой культуры населявших ее народов.

...Но кто подсчитает, сколько кубометров земли надо было для этого просеять буквально по песчинке!

Е. СРЕДОВ

ОДИН ШАНС ЭРИКА ПАУЛСЕНА

Шатаясь, вышел из моря человек, упал, поднялся, снова упал, пополз к ближайшей палатке. Он долго не мог расстегнуть непослушными пальцами вход в палатку. Наконец ему удалось просунуть голову внутрь, и он прохрипел:

— Утонул корабль!

Ему пришлось повторить эту фразу несколько раз, прежде чем перепуганные спросонья обитатели палатки поняли его.

Датское судно «Капитан Нильсен» с грузом песка шло в Брисбен. Внезапно на повороте масса песка в трюме сдвинулась, и корабль перевернулся. Громадный пузырь воздуха удержал его на плаву. Над водой китовьей спиной виднелось днище.

Вахтенные погибли. Но те, кто спал в кубриках, остались живы. Пробуждение их было незавидным. В одно мгновение пол стал потолком, и несколько минут матросы пытались в абсолютной темноте выкарабкаться из-под свалившихся на них одеял, мебели, одежды. Их было тринадцать человек: они не знали, жив ли кто-нибудь, кроме них.

Вода понемногу просачивалась снизу, уплотняя воздушный пузырь. С каждой минутой становилось труднее дышать.

— Лучше бы сразу погибнуть, — сказал кто-то, — чем мучиться здесь...

Ему в темноте ответил Эрик Паулсен, самый молодой из матросов:

— Воздуху может хватить на несколько часов. Если, конечно, мы не будем разговаривать и двигаться. К тому времени нас могут заметить и спасти.

Мало кто всерьез поверил Эрику, но разговоры прекратились.

Прошло полчаса, еще пятнадцать минут... Ожидание становилось невыносимым. Даже если их и заметят, — а заметят не раньше рассвета, — как догадаются люди, что внутри есть живые? Да и дожить ли до рассвета?

Вода продолжала прибывать. Правда, медленнее, чем вначале.

— Я выберусь наружу, — сказал вдруг Эрик Паулсен.

— Не сходи с ума. Тебе не выйти.

— Если я не попробую, все погибнем.

— Мы и так погибнем.

Эрик уже не слушал. Он медленно пробирался к трубе, которая вела на палубу. Вот и вход в нее. Эрик втиснулся в трубу. Каждое движение отнимало силы. Казалось, легкие вот-вот разорвутся от недостатка воздуха. Но Эрик полз. Еще движение — и руки коснулись воды. Эрик попытался глубоко вздохнуть, но воздух в трубе содержал еще меньше кислорода, чем в кубрике. Путешествие под водой казалось бесконечным. Уже в полубеспамятстве он выбрался из трубы. Потом Паулсен так и не смог вспомнить, как он прополз последние метры...

Он выбрался на днище корабля. Больше всего на свете ему хотелось улечься под свежим ветерком на шершавом днище, ни о чем не думать и дышать, дышать...

Паулсен заставил себя подняться. Вдали перемигивались огоньки. Там земля. Несколько мгновений матрос не мог заставить себя нырнуть. Он ненавидел теплую черную воду, чуть не задушившую его. И он знал, как мало шансов у него доплыть до земли — акулы, невидимые ночью, резали бухту плавниками, ждали добычу...

Эрик нырнул — двенадцать товарищей ждали его. Двенадцать человек погибнут, если он не доплывет до берега, если не воспользуется единственным шансом. Пять километров плыл он в полной темноте — ведь двенадцать товарищей ждали помощи.

А между тем два механика, изолированные от остальных моряков в машинном отделении, сумели выбраться наружу. Когда они ползли к трюмному люку, то слышали, как стучат в стенку запертые товарищи. Но они решили, что ничем не смогут помочь им, а потому, выбравшись на днище «Капитана Нильсена», улеглись на нем, ожидая утра и спасения. А в это время Эрик еще плыл к берегу...

Через несколько минут после того, как Паулсен разбудил обитателей палатки, никто уже не спал в палаточном городке. Люди бежали к лодкам, катерам, заводили моторы и поднимали паруса. Затрещал над палатками вертолет.

Эрик не соглашался уехать в госпиталь, пока не объяснил спасателям, как быстрее всего добраться до кубрика, как найти трубу, по которой он выбрался.

Рассвело. В бинокль можно было разглядеть днище корабля и две точки на нем — механиков, ожидающих спасения.

Вертолет доставил к кораблю трех водолазов. Они постучали в днище. Никто не откликнулся. Врач достал стетоскоп и выслушал корабль, как сердце больного. Но ни звука не доносилось оттуда. Водолаз Энгвирда решил все-таки пробраться внутрь.

— Больше у нас нет способов убедиться в том, что люди еще живы.

Энгвирда повторил путь Эрика. Он без труда нашел люк, через который выбрался матрос.

На яхтах и катерах, собравшихся вокруг днища «Капитана Нильсена», с нетерпением и надеждой ждали его возвращения.

Водолаз поднял маску.

— Срочно нужен кислород! Они стоят по колено в воде, поддерживая друг друга. Некоторые уже потеряли сознание. Срочно нужен кислород!

Во втором путешествии водолаза сопровождали два других с кислородными баллонами и аквалангами.

Энгвирда покинул кубрик последним. Уже наверху один из спасенных сказал ему:

— Никто из нас не думал, что спасется. Если бы Эрик не доплыл до берега...

ЮРИЙ МИТИН

АГАТА КРИСТИ

Загадка Эндхауза

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

КРАСНАЯ ШАЛЬ

Наверно, мы простояли так меньше минуты, но мне показалось, что прошел целый час. От ужаса мы не могли пошелохнуться. Потом Пуаро сбросил мою руку и, словно деревянный, двинулся вперед.

— Случилось-таки, — пробормотал он, и я не в силах описать мучительную горечь, звучавшую в его голосе. — Преступник, жалкий преступник — зачем я не охранял ее лучше? Я должен был предвидеть. Я должен был не покидать ее ни на секунду.

— Не взваливайте всю вину на себя, — сказал я.

Пуаро лишь сокрушенно покачал головой.

И тут на нас обрушилась новая неожиданность.

Мы услышали голос Ник, веселый и звонкий, а в ту же минуту в освещенном проеме окна возник ее силуэт.

— Не сердись, что я задержалась, Мегги,— говорила она. — Я...

Вдруг она замолчала, словно задохнувшись.

Пуаро охнул и перевернул лежащее на траве тело. Я ринулся к нему.

Передо мной было мертвое лицо Мегги Бакли.

Через минуту Ник была уже возле нас.

Она пронзительно вскрикнула.

— Мегги! Ой! Мегги! Не может...

Пуаро все еще осматривал тело.

— Она... она... — Ник не могла справиться со своим голосом.

— Да, она мертва, мадемуазель.

— Но почему же, почему? Кому понадобилось ее убивать?

Он ответил ей не задумываясь и очень твердо:

— Никто не собирался убивать ее, мадемуазель. Убить хотели вас. Убийцу ввела в заблуждение красная шаль.

У Ник вырвался тяжелый стон.

— Ну отчего же, отчего не меня? — вне себя выкрикнула она. — Я не хочу — теперь не хочу больше жить!

Она в отчаянии вскинула руки и пошатнулась. Я быстро подхватил ее.

— Уведите ее в дом, Гастингс, — распорядился Пуаро, — и позвоните в полицию. А после останьтесь с мадемуазель.

Я понимающе кивнул и, поддерживая девушку, которая еле передвигала ноги, повел ее в гостиную. Уложив Ник на диван, я подсунул ей под голову подушку и кинулся в холл.

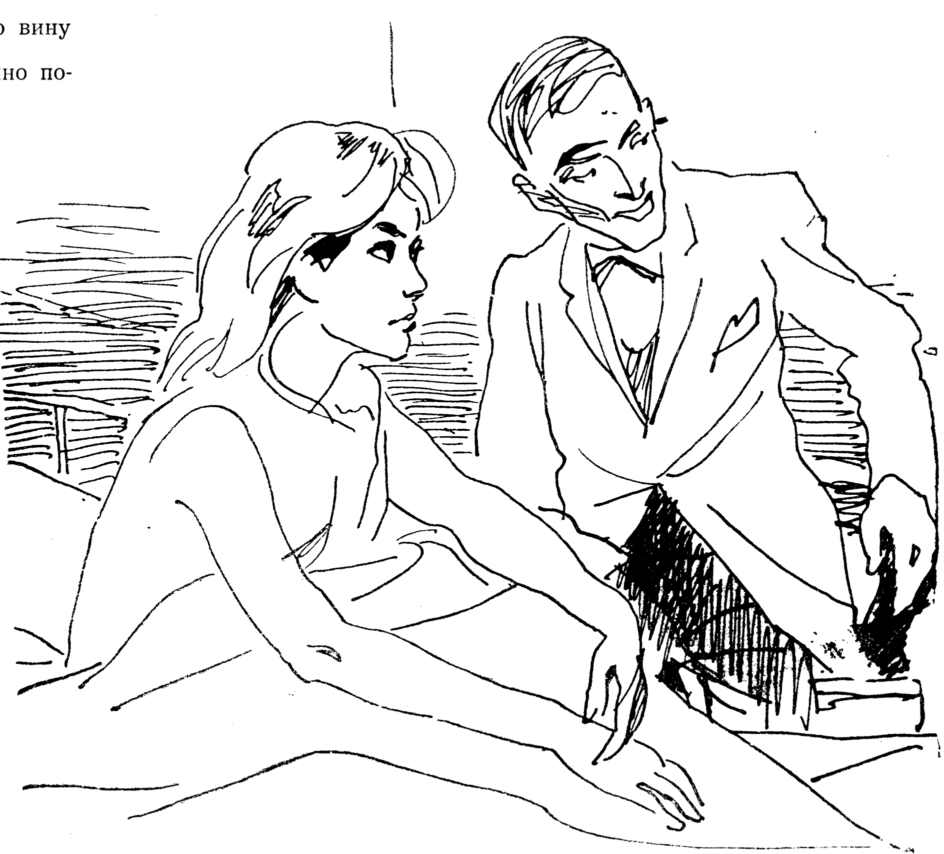
Столкнувшись нос к носу с Эллен, я слегка вздрогнул. Она стояла возле самых дверей с каким-то неописуемым выражением на респектабельном, постном лице. У нее дрожали руки. Едва увидев меня, она сразу заговорила:

— Что-нибудь... случилось, сэр?

— Произошел несчастный случай, — ответил я уклончиво. — Один человек пострадал.

— А кто этот человек, сэр?

Она буквально ела меня глазами.

Продолжение. Начало в № 5, 6.

— Мисс Мегги Бакли.

— Мисс Мегги? И вы уверены, что не ошиблись... что это именно мисс Мегги?

— Совершенно уверен, — ответил я. — А в чем дело?

— Да ни в чем. Я подумала, что, может быть, это какая-нибудь другая дама, например... миссис Райс.

— Послушайте, — перебил ее я, — где у вас телефон?

— Вот здесь, в маленькой комнате, сэр.

— Спасибо, — ответил я и, заметив, что она не собирается уходить, добавил: — Мне больше ничего не нужно, благодарю вас.

— Если вам нужен доктор...

— Нет, нет, — ответил я. — Мне никто не нужен. Идите, пожалуйста.

Она удалилась очень неохотно.

Я связался с полицией и сообщил о случившемся. Потом, уже по собственному почину, позвонил доктору Грэхему, о котором упоминала Эллен. Его номер я разыскал в телефонной книге. Он обещал прийти немедленно. Я повесил трубку и вернулся в холл.

Если Эллен и подслушивала, то она исчезла молниеносно. Я вернулся в гостиную и увидел, что Ник пытается сесть.

— Как все ужасно! — она вздрогнула, как от озноба.

— Я знаю, милая, знаю.

— Нет, вы не знаете, не можете знать. И как нелепо! Если бы это была я. Все бы уже кончилось.

— Не надо так убиваться, — заметил я.

Но она только качала головой и все повторяла:

— Если бы вы знали! Если бы вы только знали!

Неожиданно она начала плакать.

Она всхлипывала отчаянно и тихо, как ребенок. Я подумал, что выплакаться ей сейчас, пожалуй, важнее всего.

Казалось, прошли долгие часы, прежде чем дверь, наконец, отворилась и в комнату вошли Пуаро и инспектор полиции. С ними был еще один человек, как видно, доктор Грэхем. Он сразу же направился к Ник.

— Ну, как вы себя чувствуете, мисс Бакли? Ужасное потрясение, правда? — он пощупал у нее пульс.

— Я прекрасно себя чувствую, — заявила Ник.

— И можете ответить на несколько вопросов?

— Конечно.

Инспектор кашлянул и выступил вперед. На лице Ник мелькнуло слабое подобие улыбки.

— На этот раз не нарушала уличного движения, — сказала она.

Я догадался, что им уже приходилось встречаться.

— Ужасное несчастье, мисс Бакли, — заговорил инспектор. — Искренне вам сочувствую. Однако, как уверяет меня знаменитый мистер Пуаро, вы сами едва не стали жертвой такого же преступления несколько дней тому назад возле отеля «Мажестик».

Ник кивнула.

— Я думала, что пролетела оса, — пояснила она. — Но оказалось, что я ошиблась.

— А накануне было несколько подозрительных случайностей?

— Да... во всяком случае, они как-то уж очень быстро следовали одна за другой.

Она коротко рассказала о каждой.

— Вы правы. А как вышло, что шаль оказалась на вашей кузине?

— Мы пришли за ее жакетом — в саду было довольно холодно. Я бросила шаль здесь, на диван, поднялась наверх и надела свою накидку из нутрии. Я захватила еще плед для моей подруги миссис Райс. Потом Мегги крикнула мне, что никак не найдет свой жакет — она искала свой твидовый жакет, у нее ведь нет мехового. Я посоветовала ей посмотреть внизу. Но снизу она снова крикнула, что не может найти его. Тогда я сказала, что он, наверно, остался в машине и что я принесу ей что-нибудь свое. Но она ответила, что не стоит, она просто накинет мою шаль, если та мне не нужна. Я крикнула, чтоб она так и сделала, а я спущусь к ней через минуту. А когда спустилась... когда спустилась...

Она не могла продолжать.

— Ну, перестаньте же так убиваться, мисс Бакли. Ответьте мне еще на один только вопрос... Вы слышали выстрел?

— Нет, только треск фейерверка и хлопанье петард.

— В том-то и дело! — воскликнул инспектор. — Когда вокруг творится такое, выстрела ни за что не услышишь. Я думаю, мне не стоит вас спрашивать, есть ли у вас какие-нибудь подозрения?

— Никаких, — ответила Ник. — Я просто не понимаю...

— Иначе и быть не может, — подхватил инспектор. — Маньяк, одержимый манией убийства, — вот как я объясняю это дело. Паршивая история. Ну, я, пожалуй, больше не стану вас беспокоить, мисс.

Доктор Грэхем сделал шаг вперед.

— Я бы не советовал вам оставаться здесь, мисс Бакли. Мы как раз говорили об этом с мсье Пуаро. Я могу вам порекомендовать отличную лечебницу. Ведь после такого потрясения вам необходим полный покой.

Но Ник смотрела не на него, а на Пуаро.

— И все дело... только в потрясении? — спросила она.

Пуаро подошел поближе.

— Я хочу, чтобы вы чувствовали себя в безопасности, дитя мое. И сам хочу знать, что вы в безопасности. У вас будет сиделка — милая, деловитая. Всю ночь она будет сидеть возле вас.

— Поверьте мне, мсье Пуаро дает вам превосходный совет, — вкрадчивым тоном стал убеждать ее доктор. — Я бы отвез вас в своем автомобиле. И мы бы дали вам что-нибудь такое, чтобы вы могли как сле-

дует поспать. Ну, соглашайтесь же.

— Мне все равно, — сказала Ник. — Делайте как хотите, мне безразлично...

Она не договорила. Дверь распахнулась, и в комнату влетел Джордж Челленджер.

— Что тут произошло? — кричал он. — Я только что приехал. Возле ворот полиция, толкуют, что кто-то умер. Да скажите же мне ради бога. Это... Ник?

В его голосе прозвучала невыносимая мука. Я вдруг сообразил, что Пуаро и доктор совершенно загородили от него Ник.

Никто еще не успел сказать ни слова, как он опять заговорил:

— Скажите мне... ведь это невозможно... Ник умерла?

— Нет, — ласково ответил ему Пуаро. — Она жива.

И он отступил так, чтобы Челленджер смог увидеть девушку.

С минуту он оторопело разглядывал ее. Потом зашатался, как пьяный, бормоча:

— Ник... Ник...

И вдруг рухнул на колени, закрыл лицо руками, и мы услышали сдавленный голос:

— Ник, родная, я подумал, что вас нет в живых.

Ник попыталась сесть.

— Ну, будет, Джордж. Бросьте валять дурака. Я цела и невредима.

Он поднял голову и дико огляделся.

— Но кто-то ведь умер? Так сказал полицейский.

— Мегги,— ответила Ник.— Бедная душенька Мегги. Ох...

Ее лицо свела судорога. Пуаро и доктор подошли к Ник, помогли ей подняться.

Челленджер схватил меня за руку.

— Ничего не понимаю. Куда они ее повели?

Я объяснил.

— А! Ясно. Ну, а теперь расскажите же мне ради бога обо всем. Какая ужасная трагедия! Бедная девушка!..

— Вам надо выпить, — ответил я. — А то вы сам не свой.

Мы перешли в столовую.

— Вы понимаете, — объяснил он мне, подкрепившись почти неразбавленным виски,— я ведь решил, что это Ник.

Я понимал. Ни разу в жизни я не встречал влюбленного, который скрывал бы свои чувства так неумело, как капитан Джордж Челленджер.

ОТ «А» ДО «И»

Едва ли я когда-нибудь забуду эту ночь. Пуаро неустанно шагал по комнате, призывая хулу на свою голову и оставляя без малейшего внимания попытки его утихомирить.

— Так вот что значит слишком возомнить о себе. Я наказан, да, я, Эркюль Пуаро, наказан. Я слишком полагался на себя.

— Ну что вы, — перебил я его.

— Но кто предположил бы... кто мог предположить такую беспримерную наглость? А я-то думал, что принял все предосторожности. Предупредил убийцу...

— Предупредили убийцу?

— Ну конечно. Я ведь привлек к себе его внимание. Дал ему понять, что подозреваю... кого-то. Я сделал все — во всяком случае, я так думал, — чтобы он не осмелился на новое покушение. Я оцепил мадемуазель кордоном. Но он все же проскользнул. Дерзко, чуть ли не на наших глазах. И все-таки добился своего!

— Но ведь не добился же,— напомнил я.

— Чистая случайность!

— И это еще больше ухудшает положение. Теперь уж может получиться так, что оборвется не одна, а две жизни.

— Стало быть, вы считаете, что жизнь Ник Бакли по-прежнему в опасности?

— Друг мой, зачем же я, по-вашему, послал ее в лечебницу?

— А вы не думаете... — я замялся. — Вам не кажется, что прав инспектор? Помните, он говорил о маньяке, который рыщет в этих краях, одержимый жаждой убийства?

— Я никогда еще не был так убежден в обратном.

— И вы действительно думаете...

— Что убийца кто-то из близких друзей мадемуазель? — серьезно договорил за меня Пуаро. — Да, я думаю именно так.

— Но ведь теперь такая возможность почти что исключается. Мы все были вместе...

Он перебил меня:

— А вы можете поручиться, что, когда мы стояли там, у обрыва, никто ни разу не отошел? Можете вы назвать хотя бы одного человека, который все время был у вас на глазах?

— Да нет, — ответил я, пораженный его словами, — пожалуй, не могу. Там было темно. И все мы переходили с места на место. Я видел по временам миссис Райс, Лазаруса, вас, Крофта, Вайза... но так, чтобы все время, — нет.

Пуаро кивнул.

— В том-то и дело. А речь ведь идет всего о нескольких минутах. Две девушки идут к дому. Ускользнув незаметно, убийца прячется за растущим посреди лужайки кленом и видит, как из дома выходит мисс Бакли, во всяком случае, он думает, что это мисс Бакли. Она проходит на расстоянии фута от него, и он стреляет.

— Вы нашли револьвер? — спросил я.

— Нет. И мне кажется, что именно это обстоятельство позволяет нам полностью исключить чужака. Мы ведь уже установили, что револьвер мисс Бакли первоначально был похищен с одной-единственной целью — придать ее смерти видимость самоубийства.

— Да.

— Это единственное правдоподобное объяснение, верно? Однако на сей раз, как вы, наверно, заметили, преступник и не пытался инсценировать самоубийство. Он знает, что нас больше не обмануть.

Мне вдруг вспомнилась странная реакция горничной Эллен, и я описал Пуаро ее необычное поведение. Он оживился.

— Так вы говорите, она была удивлена тем, что убили Мегги?

— До чрезвычайности.

— Любопытно. А самый факт убийства ее ничуть не поразил? Ну что ж, тут есть над чем поразмыслить. Что она собой представляет, эта Эллен? Такая тихая и по-английски респектабельная?

— Если принять в расчет все эти «несчастные случаи»... — заметил я. — Мне все же кажется, что сбросить с обрыва тяжелый валун мог только мужчина.

— Не обязательно. Это зависит от того, как лежал камень.

Он снова принялся расхаживать по комнате.

— Мы можем подозревать каждого из тех, кто был вчера вечером в Эндхаузе. Впрочем, нет. Эти гости, которых пригласила мадемуазель... Мне кажется, они здесь ни при чем. Помоему, большинство из них едва знакомы с хозяйкой...

— Там был и Чарльз Вайз, — напомнил я.

— Да, и нам не следует о нем забывать. Логически на него падает самое большое подозрение. — В отчаянии махнув рукой, он бросился в кресло. — Мотив! Если мы хотим разобраться в преступлении, нам надо выяснить мотив. И вот тут-то я и становлюсь в тупик. Кто может иметь причину расправиться с мадемуазель? Я позволил себе унизиться до нелепейших предположений. Я, Эркюль Пуаро, пал до самых постыдных фантазий. Я позаимствовал образ мышления бульварного детектива. Дедушка — «Старый Ник», якобы проигравший свое состояние! «Полно, да проиграл ли он его? — спрашиваю я себя.— А может быть, он его спрятал? Где-нибудь в Эндхаузе? Или зарыл в саду». И с этой задней мыслью (стыд и позор!) я справился у мадемуазель, не предлагал ли ей кто-нибудь продать дом.

Затем я подумал об отце мадемуазель... И деградировал еще больше. Он путешествовал. А что, если он украл какую-нибудь драгоценность, говорю я себе, ну, например, глаз какого-нибудь идола. И его выследили фанатичные жрецы. Да, я, Эркюль Пуаро, докатился до такого!

Я не пренебрег ни одной возможностью, — продолжал Пуаро. — Вы помните, как мадемуазель Ник случайно упомянула о предложении, сделанном ей Лазарусом? Насчет портрета ее деда. Так вот, в субботу я вызвал эксперта и попросил его осмотреть портрет. Это о нем я писал в то утро мадемуазель. Ведь если бы оказалось, что картина стоит несколько тысяч фунтов...

— Неужели вы думаете, что такой богатый человек, как молодой Лазарус?..

— А он богат? Наружность ни о чем не говорит. Случается, что и старинная, на вид процветающая фирма держится на подгнивших корнях. И что же делает в таких случаях владелец? Ходит и плачется на тяжелые времена? О нет, он покупает новый, шикарный автомобиль. Сорит деньгами немного больше, чем обычно. Живет несколько более открыто. Ибо, поймите, кредит — это все! А потом вдруг глядь — миллионное дело лопается из-за нехватки каких-то нескольких тысяч фунтов наличных денег.

Он бережно переставлял стоящие перед ним на столе предметы. Когда он снова заговорил, голос его звучал торжественно и спокойно.

— Мотив! — проговорил он. — Ну что ж, вернемся к мотиву и будем рассуждать спокойно и по порядку. Прежде всего — что может послужить мотивом для убийства? Какие побуждения толкают человека на то, чтобы отнять жизнь у себе подобного?

Мы не будем говорить сейчас о мании убийства. Так как я глубоко убежден, что к нашему делу она не имеет отношения. Мы исключим также убийство под влиянием аффекта. Речь идет об убийстве обдуманном и хладнокровном. Какие же побуждения толкают человека на подобное убийство?

Первое из них — выгода. А кто выгадывает от смерти мадемуазель Бакли? Мы могли бы назвать Чарльза Вайза. Он унаследует имущество, которое с финансовой точки зрения наследовать, возможно, и не стоит. Впрочем, он мог бы выкупить дом из заклада, построить на участке маленькие виллы и нажить небольшую сумму.

А кроме него, единственный человек, которому хоть что-нибудь достанется после мадемуазель Бакли, — это ее подруга мадам Райс. Однако сумма слишком уж ничтожна. И больше, насколько мне известно, нет никого, кто выиграл бы от ее смерти.

Ревность — вот вам еще один мотив. Причем, запомните, что она не всегда возникает на любовной почве. Одни могут завидовать богатству, другие — превосходству в чем-либо. Может ли ревность, любой вид ревности, быть поводом для этого преступления? Кто мог бы позавидовать мадемуазель? Другая женщина? Мы знаем только мадам Райс, и, насколько нам известно, между ними не существует соперничества. Но это опять-таки всего лишь «насколько нам известно» и вовсе не исключено.

Последняя причина — страх. Возможно ли, что мадемуазель Ник случайно узнала чужую тайну? Если да, мы можем смело сказать, что ей самой об этом неизвестно. И в таком случае мы попадаем в очень тяжелое положение. Ибо хотя ключ к разгадке находится в руках мадемуазель, но ведь она-то об этом не знает, а стало быть, и нам не может рассказать.

Он долго молчал. Потом вдруг встрепенулся, пододвинул к себе лист бумаги и принялся писать.

— Что вы там пишете? — спросил я с любопытством.

— Я составляю список. Список людей, окружающих мисс Бакли. Если моя теория правильна, то в этом списке должно быть имя убийцы.

Он писал минут двадцать, потом подтолкнул ко мне через стол несколько листков.

— Что вы об этом скажете?

Вот что там было написано:

«А — Эллен.
Б — ее муж, садовник.
В — мистер Крофт.
Г — миссис Крофт.
Д — миссис Райс.
Е — мистер Лазарус.
Ж — капитан Челленджер.
З — мистер Чарльз Вайз.

Заметки:

А — Эллен.

Подозрительные обстоятельства: ее поведение и слова в тот момент, когда она узнала об убийстве. Ей было проще, чем остальным, организовать несчастные случаи, а также узнать о существовании револьвера. Но вряд ли могла испортить автомобиль, да и в целом, по-видимому, недостаточно умна и изобретательна.

Мотивы: никаких... кроме ненависти, возникшей после какого-нибудь неизвестного нам эпизода.

Примечание: расспросить о ее прошлом и отношениях с Ник.

Б — ее муж.

То же, что и предыдущее. Скорее, чем Эллен, мог повредить тормоза.

Примечание: поговорить.
В — мистер Крофт.
Единственное подозрительное обстоятельство — то, что мы встретили его на лестнице, ведущей в спальню. Немедленно дал вполне правдоподобное объяснение. Но мы не знаем, говорил ли он правду! О прошлом ничего не известно.
Мотивы: никаких.
Г — миссис Крофт.
Подозрительные обстоятельства: никаких.
Мотивы: никаких.
Д — миссис Райс.
Подозрительные обстоятельства: попросила Н. Б. принести плед. Умышленно пыталась создать впечатление, что Н. Б. — лгунья и ее рассказам о «несчастных случаях» нельзя верить. Во время несчастных случаев не была в Тэвистоке.
Мотивы: выгода? Весьма незначительная. Ревность? Возможно, но мы не располагаем никакими данными. Страх? То же самое.

Примечания: побеседовать с Н. Б. и попытаться выяснить какие-нибудь новые обстоятельства, может быть связанные с браком Фредерики Райс.
Е — мистер Лазарус.

Подозрительные обстоятельства: предложил купить картину. Говорил, что тормоза в автомобиле исправны (если верить утверждению Ф. Р.). Не исключено, что приехал в эти края раньше пятницы.

Мотивы: никаких, кроме возможности нажиться на картине. Страх? Едва ли.

Примечание: выяснить, когда Дж. Л. появился в Сент Лу. Выяснить финансовое положение фирмы Аарон Лазарус и сын.

Ж — капитан Челленджер.
Подозрительные обстоятельства: всю предшествующую неделю провел в окрестностях Сент Лу и, таким образом, вполне мог оказаться виновником «несчастных случаев». Прибыл через полчаса после убийства.
Мотивы: никаких.
З — мистер Вайз.
Подозрительные обстоятельства: не был в конторе во время выстрела возле отеля. Странное утверждение по поводу продажи Эндхауза. Вполне мог знать о револьвере.
Мотивы: выгода? Незначительна. Страх? Едва ли.

Примечания: выяснить, кто владелец закладной. Выяснить положение фирмы Вайза.
И — ?
Возможно, что существует также какой-нибудь неизвестный нам И., который так или иначе связан с одним из лиц, перечисленных выше».

Пока я читал, Пуаро не спускал с меня глаз.

— Очень по-английски, правда? — спросил он с гордостью. — Когда я пишу, во мне больше английского, чем когда я разговариваю.

— Отлично сделано! — воскликнул я. — Здесь все как на ладони.

— М-да! — произнес он задумчиво и отобрал у меня листки. — Причем особенно бросается в глаза одно имя — Чарльз Вайз. У него самые блестящие возможности. Мы предоставили ему целых два мотива, на выбор. Будь это скачки, он стал бы фаворитом.

Внезапно он скомкал листки и бросил их на пол.

— Нет, — возразил он на мое протестующее восклицание. — Этот список нам ничего не дает. Он, правда, помог мне привести в порядок мои мысли. Последовательность и метод. Стадия первая: точно и аккуратно расположить все факты. Далее следует... психологическая стадия. Использовать по назначению серые клеточки. Между прочим, знаете, что я вам посоветую? Ложитесь спать.

— Ни в коем случае, — ответил я. — Пока вы не ляжете, я буду с вами.

— Какая преданность! Но бога ради сядьте хотя бы в это покойное кресло.

На это предложение я согласился. Вскоре комната поплыла и провалилась. Последнее, что сохранилось в моей памяти, был Пуаро, аккуратно перекладывающий скомканные листки бумаги с пола в мусорную корзинку.

ТАЙНА НИК

Проснулся я уже при свете дня. Пуаро сидел на прежнем месте. И поза его была все та же, только выражение лица переменилось.

Я с усилием распрямился и почувствовал, что стал как деревянный. Людям моего возраста не следует спать в креслах.

— Пуаро! — воскликнул я. — Вы что-то придумали.

Он кивнул и, наклонившись вперед, похлопал рукой по столу.

— А ну-ка, ответьте мне на три вопроса, Гастингс. Почему мадемуазель Ник плохо спала в последнее время? Зачем она купила черное платье, если она никогда не носит черного? Почему она сказала вчера: «Мне теперь незачем жить»?

Я оторопел. На мой взгляд, все это не имело никакого отношения к делу.

— Э... э, что касается первого, она ведь сама говорила, что нервничает.

— Совершенно верно. А по какой причине?

— Черное платье... что ж... всякому хочется какой-то перемены.

— Для человека женатого вы плоховато разбираетесь в женской психологии. Если женщина думает, что какой-то цвет ей не к лицу, она ни за что не станет его носить.

— Ну, а последнее, ее слова... вполне естественны после такого потрясения.

— Ни капли. Если бы она была поражена ужасом, стала укорять себя в смерти двоюродной сестры — все это было бы вполне естественно. Но ведь она реагировала иначе. Она говорила о жизни, как о чем-то надоевшем, утратившем для нее цену. Прежде она не высказывала таких взглядов. Она держалась с вызовом — верно; бравировала — тоже верно; потом ей изменила выдержка, и она испугалась. Поймите, испугалась, ибо дорожила жизнью и не хотела умирать. Но чтобы жизнь ей надоела? Нет! Еще перед обедом я не заметил ничего подобного. Сдвиг психологии. И это очень любопытно, Гастингс. Что же могло так на нее повлиять?

— Потрясение, вызванное смертью кузины.

— Ой ли? Оно, конечно, развязало ей язык. Однако перемена могла наступить и раньше. А что ее вызвало?

— Ума не приложу.

— Когда, по-вашему, мы с вами наблюдали ее в последний раз?

— Пожалуй, за обедом.

— Вот именно. Потом мы видели лишь, как она встречала гостей, занимала их разго-

вором — словом, играла вполне официальную роль. А что было в конце обеда?

— Она пошла звонить, — вспомнил я, подумав.

— А, наконец-то. Она пошла звонить и отсутствовала не меньше двадцати минут. Для телефонного разговора совсем не мало. С кем она говорила? О чем? Был ли это действительно телефонный разговор? Нам с вами просто необходимо выяснить, что произошло за эти двадцать минут. Ибо я убежден, что именно здесь находится ключ к разгадке.

— Да полно вам!

— Не сомневаюсь, что так. Я с самого начала говорил, что мадемуазель что-то скрывает. По ее мнению, это не связано с убийством, но мне, Эркюлю Пуаро, видней. Здесь обязательно должна быть связь.

— Ну, ладно, — сказал я, потягиваясь, — я вижу, что ванна мне просто необходима. А потом надо будет побриться.

Приняв ванну и переодевшись, я сразу почувствовал себя лучше. Подходя к столу с завтраком, я чувствовал, что чашки горячего кофе будет достаточно для того, чтобы я снова стал человеком.

Я заглянул в газету, но в ней ничего не было, если не считать сообщения о смерти Майкла Сетона. Гибель отважного пилота теперь уже не вызывала сомнений.

Не успел я окончить завтрак, как к моему столику подошла Фредерика Райс.

— Мне нужно повидать мсье Пуаро, капитан Гастингс. Он уже встал, не знаете?

— Он сейчас в гостиной, — ответил я. — Я провожу вас.

— Благодарю.

Пуаро уже позавтракал и читал утреннюю газету. Он встал и приветствовал Фредерику со всей присущей ему галльской учтивостью.

— Мадам, — проговорил он. — Я польщен.

И пододвинул ей кресло.

Она поблагодарила его едва заметной улыбкой и села. Сидела она очень прямо, положив руки на ручки кресла и глядя перед собой. Она не торопилась начать разговор. В ее спокойствии и отрешенности было даже что-то пугающее.

— Я должна попросить у вас прощения, мсье Пуаро, — сказала она наконец. — У вас и у Ник. До вчерашнего вечера я вам не верила. Я не могла себе представить, что опасность серьезна.

— В самом деле, мадам?

— Теперь я понимаю, что все должно быть тщательно расследовано. Я догадываюсь, что и ближайшие друзья Ник тоже окажутся под подозрением. Смешно, конечно, но ничего не поделаешь. Я ведь права, мсье Пуаро?

— Вы очень умны, мадам.

— На днях вы спрашивали меня о Тэвистоке. Поскольку рано или поздно вы сами выясните правду, то я не стану скрывать ее от вас. Я не ездила в Тэвисток.

— Вот как, мадам?

— В начале прошлой недели мы с мистером Лазарусом приехали сюда на автомобиле. Нам не хотелось давать повода для лишних толков, и мы остановились в деревушке, которая называется Шеллакомб.

— Милях в семи отсюда, если не ошибаюсь?

— Да, около того.

— И это все, что вы хотели мне сказать, мадам?

— По-моему, да. Я собираюсь проведать Ник и отнести ей цветы.

— Вы очень любезны. Благодарю вас за откровенность, мадам.

Она бросила на него испытующий взгляд, хотела как будто что-то добавить, но передумала и вышла из комнаты, слабо улыбнувшись мне.

— Умна, бесспорно, умна, — заметил Пуаро. — Но и Эркюль Пуаро не глуп.

Неожиданно дверь распахнулась, и в гостиную влетел Джордж Челленджер. Его лицо пылало от негодования.

— Послушайте, мсье Пуаро, — заговорил он. — Что это все значит? Звоню в эту проклятую лечебницу. Спрашиваю, как здоровье Ник и когда я смогу с ней повидаться. И вдруг оказывается, доктор не разрешает к ней никого пускать. В чем дело, хотел бы я знать?

Я не верю, что Ник не в состоянии никого видеть. Мне кажется, это ваших рук дело, мсье Пуаро.

Пуаро одарил его благожелательнейшей улыбкой. Я всегда замечал, что он особенно благоволит к влюбленным.

— А вот послушайте-ка, mon ami, — заговорил он. — Если к ней пустят хотя бы одного, нельзя будет отказать и другим. Верно? Или все, или никого. Хотим мы с вами, чтобы мадемуазель была в безопасности? Безусловно. Так вот, вы сами видите, что следует сказать: НИКОГО.

— Понятно! — с расстановкой выговорил Челленджер.

Он направился к двери и на минуту задержался у порога:

— На цветы никакого эмбарго, так ведь? Если, конечно, они не белые?

Пуаро улыбнулся.

— Ну, а сейчас, — сказал он мне, едва захлопнулась дверь за пылким Челленджером, — пока в цветочном магазине происходит неожиданная встреча мсье Челленджера с мадам, а может быть, еще и с мсье Лазарусом, мы с вами спокойно отправимся в лечебницу.

— И зададим три вопроса? — спросил я.

— Да. Зададим. Хотя ответ я уже знаю...

Пуаро подтолкнул ко мне распечатанный конверт.

Это было сообщение эксперта, обследовавшего по просьбе Пуаро портрет старого Николаса Бакли. Он решительно утверждал, что картина стоит никак не больше двадцати фунтов.

— Ну, одно дело с плеч долой, — заметил Пуаро. — Двадцать фунтов, а мсье Лазарус предложил пятьдесят. Непростительная ошибка для столь проницательного на вид молодого человека! Но полно, полно, время не ждет.

Мы нашли Ник в приветливой солнечной комнате. Она лежала на узкой железной кровати и казалась похожей на утомленного ребенка. Вид у нее был измученный, апатичный.

— Как хорошо, что вы пришли, — равнодушно сказала она.

Пуаро взял ее руку в свои.

— Мужайтесь, мадемуазель. Жить всегда из-за чего-нибудь стоит.

Она испуганно подняла на него глаза.

— Вы мне расскажите о том, что вас тревожило в последнее время, мадемуазель? Или я должен догадаться? И вы позволите выразить вам мое глубочайшее сочувствие?

Она покраснела.

— Так вы все знаете? Впрочем, теперь это безразлично. Все равно я его уже никогда больше не увижу.

У нее задрожал голос.

— Мужайтесь, мадемуазель.

— Ничего от него не осталось, от моего мужества. Все выдохлось за эти недели. Надеялась, надеялась, даже в последнее время вопреки всему все равно надеялась...

Я ничего не мог понять.

— Пожалейте беднягу Гастингса, — заметил Пуаро. — Он ведь не знает, о чем мы говорим.

Она взглянула на меня тоскливыми глазами.

— Майкл Сетон, летчик, — сказала она. — Мы были помолвлены.

МОТИВ

Я был как громом поражен.

— Так вы об этом говорили? — спросил я, повернувшись к Пуаро.

— Да, mon ami. — За завтраком я посмотрел на первую страницу газеты, вспомнил вчерашний разговор за обеденным столом и понял все.

Он снова повернулся к Ник.

— Так вы узнали еще вчера?

— Вчера. По радио. Я сказала, что иду звонить. Мне хотелось побыть одной, когда... — она судорожно глотнула.— И я услышала...

— Я знаю, я знаю.— Он взял ее за руку.

— Это был какой-то кошмар! А тут еще эти гости... Не представляю, как я выдержала. Я была как во сне. Делала все, что полагается, а сама все время будто следила за собой со стороны. Это было такое странное чувство...

Ну, а потом, когда я пошла за пледом, я вдруг не выдержала и расплакалась. Я, правда, быстро взяла себя в руки. Тут еще Мегги что-то кричала мне все время о своем жакете. Потом она, наконец, взяла мою шаль и вышла, а я немного попудрилась и подрумянилась и тоже вышла. И увидела ее мертвую...

— Я понимаю, страшное потрясение.

— Да нет, не в этом дело! Я разозлилась! Мне жаль было, что это не я! Я хотела умереть — и вот... осталась жить. А Майкл умер — утонул где-то в Тихом океане.

— Бедное дитя!

— Я не хочу, вы слышите, я не хочу жить! — крикнула она вне себя.

— Я знаю... я знаю. Для каждого из нас приходит время, когда смерть кажется нам заманчивей жизни. Но это проходит — и горе проходит, и грусть.

— Вы думаете, я забуду и выйду за кого-нибудь другого? Никогда!

Она сидела на кровати, вся раскрасневшаяся, стиснув руки, и, право же, была необыкновенно хороша.

— Нет, что вы, — ласково ответил Пуаро. — Я ничего подобного не думаю. Вам выпало большое счастье, мадемуазель. Вас полюбил отважный человек, герой. Как вы с ним познакомились?

— В Ле Туке — в сентябре прошлого года. Почти год тому назад.

— А ваша помолвка произошла...

— Вскоре после рождества. Но мы должны были ее скрывать.

— Почему же?

— Из-за дяди Майкла, старого сэра Мэтью. Он был большой чудак. Считал, что женщины губят мужчин. А Майкл от него во всем зависел. Сэр Мэтью страшно гордился Майклом, дал ему денег на постройку «Альбатроса» и обещал покрыть все расходы, связанные с кругосветным перелетом. В случае удачи сэр Мэтью обещал выполнить любое его желание. Но Майкл сказал, что если что-то просочится раньше времени, то все пропало. И я молчала. Никому ни слова не сказала, даже Фредди.

— А как по-вашему, она не догадывалась?

— Едва ли. — Ник задумалась. — Она ни разу ничего такого не сказала. Иногда, правда, намекала. Насчет того, что мы с ним очень подружились, ну словом, в этом духе.

— А вам не пришло в голову поделиться с мадам Райс после смерти дядюшки мсье Сетона? Вы знаете, что он умер на прошлой неделе?

— Знаю. Ему делали операцию или что-то в этом роде. Тогда я, очевидно, могла бы рассказать кому угодно. Но это было бы довольно некрасиво, правда? Как-то нескромно — именно сейчас, когда газеты только и пишут, что о Майкле. Слетятся репортеры, начнут брать интервью. Дешевая шумиха. И Майклу это было бы противно.

Пуаро кивнул.

Она промолчала, потом тихо сказала:

— Вы оба были очень добры ко мне.

— Ну, ну, мадемуазель. О чем тут говорить! Нам предстоит сделать гораздо больше. Так вот, пока что вы останетесь здесь, будете выполнять мои приказы и делать то, что я вам велю. Положение таково, что вы должны мне полностью повиноваться.

Ник устало вздохнула.

— Я сделаю все, что вы хотите.

— Ваша роль будет пассивной, наша активной. Ну, а теперь я вас покину, мадемуазель. Не стану мешать вашему горю.

Он направился к двери и, уже взявшись за ручку, обернулся и спросил:

— Между прочим, вы как-то говорили, что написали завещание. Где же оно?

— Да где-нибудь валяется.

— В Эндхаузе?

— Ну да.

— Вы положили его в сейф? Заперли в письменный стол?

— Не помню. Где-то лежит, — она нахмурилась. — Я ведь ужасная неряха. Большая часть бумаг и всякие документы лежат в библиотеке в письменном столе. В том же столе почти все счета. И там же, очевидно, завещание. А может, у меня в спальне.

— Вы мне даете разрешение на обыск?

— Пожалуйста, можете осмотреть все, что угодно.

ЭЛЛЕН

Пока мы не вышли из больницы, Пуаро не сказал ни слова. Но как только за нами закрылась дверь, он схватил меня за руку и воскликнул:

— Видите, Гастингс? Видите? О! Черт возьми. Я не ошибся. Я все время чувствовал, что из мозаики вывалился какой-то кусочек. А без него не выходило картины.

Я никак не мог разделить его ликования.

— Вы считаете, что мы узнали что-то связанное с преступлением?

— Еще бы! Мы ведь получили то, чего не могли доискаться — мотив! Тот самый неведомый мотив, который мы никак не могли нащупать.

— Может, я просто туп, но я все-таки не могу взять в толк, на что вы намекаете. Вы думаете, ревность?..

— Ревность? Нет, дорогой мой. Самый заурядный и, можно сказать, обязательный мотив всех преступлений. Деньги, мой друг, деньги.

Я вытаращил на него глаза.

Он продолжал, но уже более спокойно:

— Послушайте. Сэр Мэтью Сетон умер чуть больше недели назад. А он был миллионером, одним из богатейших людей Англии.

— Да, но ведь...

— Погодите. За нами никто не гонится. У него был племянник, которого он обожал и которому оставил, в этом мы можем не сомневаться, все свое огромное состояние. В прошлый вторник газеты сообщают, что Майкл Сетон исчез, а со среды начинаются покушения на мадемуазель. Нельзя ли в таком случае предположить, что перед вылетом Майкл Сетон написал завещание и оставил все невесте?

— Но это же не больше, чем догадка.

— Догадка, не спорю. И в то же время единственный возможный вариант. Иначе все лишается смысла. На карту поставлено огромное состояние, а не какие-то жалкие гроши.

— А что, если о помолвке никто не знал? — возразил я.

— Ба! Кто-нибудь да знал. В таких случаях всегда кто-то знает. А если не знает, так догадывается. Сама мадемуазель признает, что у мадам Райс появились какие-то подозрения. Возможно, у нее нашлись и средства узнать все наверняка.

— Каким образом?

— Ну, во-первых, Майкл Сетон, очевидно, переписывался с мадемуазель. Они ведь были помолвлены. А наша молодая леди, мягко говоря, небрежна. Она бросает вещи где попало. И очевидно, ни разу в жизни не воспользовалась ключом. Так что удостовериться было вполне возможно.

— В таком случае Фредерика Райс могла узнать и о завещании самой мисс Бакли.

— Безусловно. Видите, дорогой Гастингс, как сузился круг? Вы помните мой список от «А» до «И»? Сейчас в нем только двое. Слуги отпали сами собой, капитан Челленджер — тоже, даже невзирая на то, что ему потребовалось целых полтора часа, чтобы проехать на машине тридцать миль от Плимута до Сент Лу. Я исключаю даже долгоносого мсье Лазаруса, предложившего пятьдесят фунтов за двадцатифунтовую картину, хотя, между прочим, это странно и совсем не в его духе. Я также вычеркиваю этих слишком приветливых австралийцев. И в моем списке остаются двое.

— Номер первый — Фредерика Райс, — медленно проговорил я.

Передо мной возникли ее золотые волосы, тонкое, бледное лицо.

— Да. Несомненно. Как бы небрежно ни составила маде-

муазель свое завещание, там ясно сказано, что основная наследница мадам Райс. Ей досталось бы все, кроме Эндхауза. Однако подозрение падает не на нее одну.

— На кого же еще?

— На Чарльза Вайза.

— Но ведь ему завещан только дом.

— Он может этого не знать. Разве он составлял для мадемуазель завещание? Едва ли. Оно тогда бы у него и хранилось, а не «валялось где-то там», как выразилась мадемуазель. Вполне возможно, что Вайз о завещании не знает. Он может думать, что завещания вообще не существует, и считать себя наследником.

В этот момент мы вошли в калитку и очутились во владениях мисс Бакли. Около дома мы увидели мужчину, который подстригал траву. У него было длинное тупое лицо и тусклые глаза.

Мы направились к дому.

Дверь в гостиную была открыта. Мы вошли, и на звонок Пуаро появилась Эллен в опрятном черном платье. Увидев нас, она не выказала удивления.

Пуаро объяснил, что с разрешения мисс Бакли мы обыщем дом.

— Очень хорошо, сэр.

Она хотела выйти, но Пуаро остановил ее вопросом:

— Вы были очень удивлены вчера, когда узнали об убийстве мисс Бакли?

— Да, очень, сэр. Мисс Мегги такая славная. Я просто не представляю, каким же надо быть злодеем, чтобы поднять на нее руку.

— Выходит, если бы убили кого-нибудь другого, вы не были бы так удивлены, э?

— Я не пойму, о чем вы, сэр?

— Когда вчера вечером я вошел в холл, — заговорил я, — вы сразу же спросили, нет ли какой беды. Разве вы ожидали чего-нибудь подобного?

Она молчала и только загибала складочки на уголке передника. Наконец, покачав головой, прошептала:

— Вы джентльмены, вам не понять.

— Нет, нет, я пойму, — ответил Пуаро. — Даже если вы скажете что-нибудь совсем невероятное.

Она поколебалась, но, видимо, решила ему довериться.

— Видите ли, сэр, — заговорила она. — У нас в доме нехорошо.

Ее слова удивили меня и вызвали неприятное чувство к Эллен. Но Пуаро, казалось, не нашел в ее ответе ничего необычного.

— В старых домах, — заметил он, — бывает иногда что-то зловещее.

— В том-то и дело, сэр! — с жаром воскликнула Эллен.— Зловещее. Дурные мысли, да и дела такие же. Я всегда знала, что здесь когда-нибудь случится нехорошее.

— Однако вы не думали, что это случится с мисс Мегги?

— Да, сэр, воистину не думала! Ее-то уж наверняка никто не ненавидел.

Мне показалось, что мы напали на след. Но, к моему удивлению, Пуаро перескочил на совершенно новую тему.

— А вы не слышали выстрелов?

— Где ж их расслышишь во время фейерверка. Такой треск кругом.

— Вы не пошли его смотреть?

— Нет, я еще не кончила прибирать после обеда.

— Понятно. А слышали вы, как мадемуазель Мегги искала свой жакет и не могла его найти?

— Я слышала, как мисс Ник побежала наверх, сэр, и как мисс Мегги кричала ей из передней, что не найдет чего-то, а после сказала: «Ну ладно, возьму шаль...»

— Пардон, — перебил ее Пуаро. — И вы не предложили поискать для нее этот жакет или принести его из автомобиля, где его забыли.

— Я была занята работой, сэр.

— Да, верно... а молодые леди к вам, разумеется, не обратились, так как считали, что вы любуетесь фейерверком?

— Да, сэр.

— Так, значит, в прежние годы вы ходили на него глядеть.

Ее бледные щеки вдруг вспыхнули.

— Я не пойму, к чему вы клоните, сэр. Нам всегда разрешают выходить в сад. И если в нынешнем году у меня не было такого желания и мне захотелось управиться с работой и лечь, то это, полагаю, мое дело.

— Ну, конечно. Вы могли делать все, что вам угодно.

Он помолчал и добавил:

— Между прочим, не смогли бы вы помочь мне еще в одном небольшом деле? Это ведь очень старый дом. Вы не слыхали, есть здесь тайники?

— М-м... тут есть какая-то скользящая панель, вот в этой самой комнате. Мне помнится, ее показывали, когда я была девушкой. Да только не припомню где. Или в библиотеке? Нет, не скажу наверняка.

— За ней мог бы спрятаться человек?

— Да что вы, сэр! Этакий шкафчик, вроде ниши. Квадратный фут, никак не больше.

— О! Я имел в виду совсем другое.

Она снова покраснела.

— Если вы думаете, что я где-то пряталась, — так вы ошиблись! Я слышала, как мисс Ник сбежала по лестнице и выбежала из дому, и как она закричала, — и я пошла в прихожую узнать, не... случилось ли чего. И это истинная правда, сэр. Истинная правда.

ПИСЬМА

Избавившись, наконец, от Эллен, Пуаро повернулся ко мне.

— Вот интересно — слышала она выстрелы? По-моему, да. Она их услышала, открыла кухонную дверь. А когда Ник побежала по лестнице, вышла в прихожую узнать, в чем дело. Все это вполне естественно. Но почему она не пошла глядеть на фейерверк? Вот что хотел бы я узнать.

В гостиной не оказалось никаких документов. Мы перешли в библиотеку, полутемную комнату, окно которой выходило на подъездную аллею. В ней стояло большое, старинное, ореховое бюро.

Мы провозились с ним довольно долго. В нем была полная неразбериха. Счета, перемешанные с долговыми расписками. Письма пригласительные, письма, требующие возврата долга, письма друзей.

Через полчаса Пуаро с удовлетворением откинулся на спинку стула и оглядел дело наших рук. Все было аккуратно рассортировано, надписано, разложено по местам.

— Нет худа без добра. Нам так внимательно пришлось их разобрать, что мы, конечно, ничего не пропустили.

— Ваша правда. Хотя, впрочем, ничего и не нашли.

— Разве что это.

Он перебросил мне письмо. Оно было написано крупным, размашистым, очень неразборчивым почерком.

Милочек!

Вечеринка — прелесть. Сегодня ощущение довольно мерзкое. Ты умница, что не притрагиваешься к этой дряни; никогда не начинай, дорогая. Разделаться потом чертовски трудно. Приятелю я написала, чтоб поскорей возобновил запас. Какая гнусность наша жизнь! **Твоя Фредди.**

— Февраль этого года, — задумчиво заметил Пуаро. — Я знал, что она принимает наркотики. С первого взгляда видно.

— Да что вы? Мне и в голову не приходило.

Я вдруг вспомнил, как Ник сказала, что Фредерика не всегда бывает сама собой. Пуаро кивнул и постучал пальцами по письму.

— Вне всякого сомнения, она имела в виду это. Ну что ж, здесь мы вытащили пустой номер, как у вас говорится. Теперь идемте в комнату мадемуазель.

В комнате Ник также стояло бюро, но в нем было довольно пусто. И снова никаких признаков завещания.

Пуаро вздохнул — он был возмущен.

— Молодые девицы! Как их воспитывают нынче? Порядок и методичность! Они тут и не ночевали! Она очаровательна, наша мадемуазель Ник, но ведь она ветрогонка.

Он знакомился теперь с содержимым комода.

Ого! А это что такое?

Он показал мне пачку писем, перевязанную выцветшей розовой ленточкой.

— Если не ошибаюсь, любовные письма мсье Майкла Сетона. Они были написаны в разное время, начиная с прошлой зимы.

1 января.

Ну, вот и Новый год, родная, и я полон самых лучших замыслов. Я так счастлив, что ты меня любишь, я просто поверить боюсь своему счастью. Вся моя жизнь стала другой. Мне кажется, мы оба знали — с той самой первой встречи. С Новым годом, хорошая моя девочка. **Навсегда твой, Майкл.**

2 марта.

Я знаю, что не должен был писать тебе два дня подряд. Но не могу. Вчера, в самолете я думал о тебе. Я пролетал над Скарборо. Милое, милое, милое Скарборо, самое чудесное место на свете. Родная моя, ты и не знаешь, как я люблю тебя. **Твой Майкл.**

18 апреля.

Любимая!

Все решено. Окончательно. Если я выйду победителем (а я им буду), то с дядей Мэтью можно будет взять твердую линию, а не понравится — его дело. Ты прелесть, что так интересуешься моим длинным техническим описанием «Альбатроса».

Как я мечтаю полетать с тобой на нем! Дай срок! Бога ради не тревожься обо мне. Все это и вполовину не так опасно, как кажется. Я просто не могу погибнуть, теперь, когда знаю, что ты меня любишь. Все будет хорошо, голубонька, поверь мне. **Майкл.**

20 апреля.

Ты — ангел, я верю каждому твоему слову и вечно буду хранить твое письмо. Я не стою такого счастья. Как не похожа ты на всех остальных. Я обожаю тебя. **Твой Майкл.**

На последнем не было даты.

Ну, все, любимая, завтра в полет. Жду не дождусь, волнуюсь и абсолютно убежден в успехе. Мой «Альбатрос» в полной готовности. Старик меня не подведет.

Не падай духом, дорогая, и не тревожься. Конечно, я иду на риск, но в жизни мы ведь рискуем ежедневно. Между прочим, кто-то сказал, что мне следовало написать завещание. (Тактичный парень, что и говорить, но у него были хорошие намерения.) Я написал его на половинке почтового листка и отослал старому Уитфилду. Заходить в контору у меня не было времени. Мне как-то рассказывали, что один человек написал в завещании всего три слова: «Все моей матери», и завещание признали вполне законным. Мое не очень отличается от этого, но я был умник и запомнил, что твое настоящее имя Магдала. Двое ребят засвидетельствовали его.

Не принимай все эти мрачные разговоры по поводу завещаний близко к сердцу, ладно? Я буду цел и невредим. Пошлю тебе телеграмму из Индии, из Австралии и т. д. Будь мужественной. Все кончится благополучно. Ясно? Спокойной ночи и да благословит тебя бог. **Майкл.**

Пуаро снова сложил письма в пачку.

— Видите, Гастингс? Теперь мы убедились, что тот факт, что Майкл оставил все своей невесте, записан на бумаге и, может быть, известен каждому, кто прочитал письмо.

— А завещания нет как нет.

— Да, странно. Впрочем, скорей всего оно заброшено на книжный шкаф или лежит в какой-нибудь китайской вазе. Надо будет заставить мадемуазель порыться в памяти.

Когда мы сошли вниз, Эллен стирала пыль в прихожей. В дверях он обернулся и спросил:

— Я полагаю, вам известно, что мисс Бакли была помолвлена с пилотом Майклом Сетоном?

Она изумилась.

— Что? С тем самым, о котором так шумят в газетах?

— Да, с ним.

— Вот уж не думала. И в мыслях не было. Помолвлен с мисс Ник!

— Полнейшее и искреннее удивление, — заметил я, когда мы вышли из дому.

— На вид вполне.

— Возможно, так оно и есть, — предположил я.

— А эта пачка писем, несколько месяцев провалявшаяся под бельем? Нет, mon ami.

«Ну да, конечно, — подумал я. — Однако не каждый из нас Эркюль Пуаро. Не все суют нос, куда их не просят».

Но я молчал.

— Эта Эллен — какая-то загадка, — говорит Пуаро. — Мне это не нравится. Я здесь чего-то не могу понять.

(Продолжение следует)

Сокращенный перевод с английского Е. КОРОТКОВОЙ

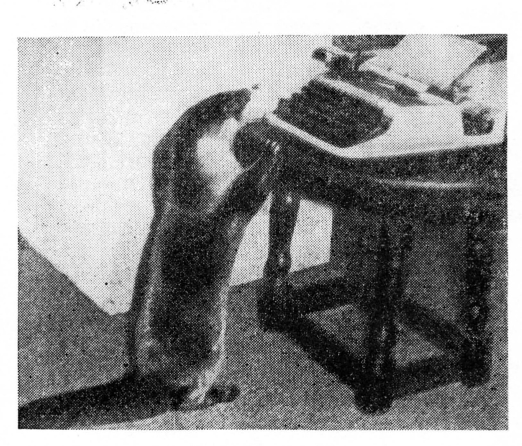
МУЗЕЙ ПТИЧЬЕГО ПЕРА

Еще в пятилетнем возрасте датчанин Хансен увлекся коллекционированием перьев. Позже он стал их классифицировать по окраске и величине. Со временем Хансен стал известным экспертом по птичьему перу и владельцем единственного в своем роде музея. Теперь в коллекции Хансена свыше... 10 миллионов перьев, и почти столько же перьев еще не разобрано. Восемь лет назад «Музей перьев» получил официальное признание. Он пользуется большим успехом у туристов, приезжающих в Данию.

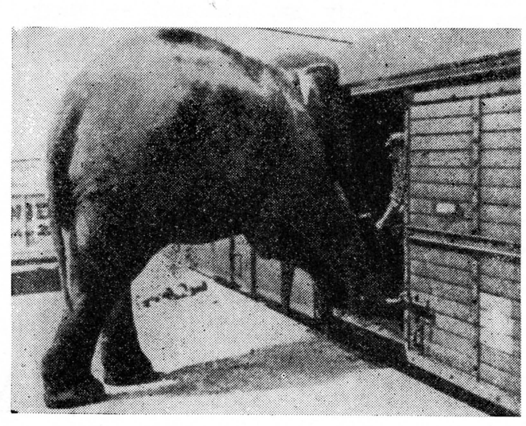
ТОВАРИЩИ ПО ПРОФЕССИИ

У Маргарет Ревели, юной фермерши из Калифорнии и знаменитой пловчихи, две выдры. По мнению друзей, хозяйка и ее любимицы «одинаково помешаны на воде». Куда бы ни ехала Маргарет на соревнования, она берет выдр с собой. Зверьки путешествуют в переносной ванне. Как видно из снимка, легко осваиваются в новой обстановке

ВЗЯЛСЯ ЗА ГУЖ...

Двери товарного вагона достаточно широки, но не для слона. И все-таки гигант, согнувшись в три погибели и приседая, протискивается в двери. Дрессированный слон привык к переездам из города в город: цирк, в котором он «работает», — передвижной.

НА ДВУХ КОЛЕСАХ ЧЕРЕЗ ТРИ ЧАСТИ СВЕТА

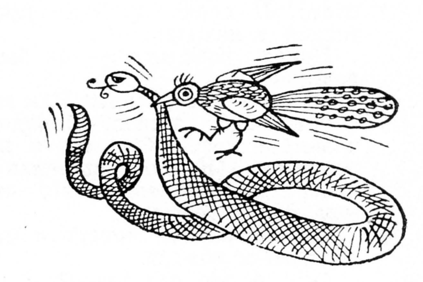
Девятнадцатилетний японский студент Такафуми Огасвара решил проехать из Японии в Италию на... велосипеде. Стартовав из Токио, Огасвара приплыл на судне в Гонконг. Оттуда через Вьетнам, Камбоджу, Таиланд, Сингапур, Цейлон, Индию он прибыл на Африканский континент. Через страны Северной Африки японский студент добрался до Европы. Проехав Испанию и Францию, Огасвара благополучно прибыл в Милан.

В необычном путешествии японский студент пробыл восемь месяцев. В пути ему пришлось 17 раз сменять шины на велосипеде.

КУКУШКА-ЗМЕЕЛОВ

В Мексике живет птица подорожник — родственник европейской кукушки.

У подорожника крепкие мускулистые ноги — благодаря им птица бегает со скоростью 25 километров в час, — длинный хвост и крепкий клюв. Подорожник охотится на ящериц, мелких грызунов и насекомых, но особенно знаменит победами над гремучими змеями. Увидев змею, подорожник хватает ее и, не дав опомниться, начинает молотить о землю. Ковбои рассказывают, что если подорожник наткнется на спящую змею, он начинает строить вокруг нее загончик из кактусов. После этого птица ждет, пока змея пробудится, и расправляется с ней обычным способом.

ДРУГ ТОРЕАДОРОВ

Перед ареной для боя быков в Лос-Вентасе, одном из кварталов Мадрида, стоит памятник Александеру Флемингу. Хотя Флеминг не был тореадором и даже не увлекался боем быков, памятник ему поставил синдикат, организующий корриды. Ведь открытие лечебных свойств пенициллина, сделанное Флемингом, помогает спасать раненых тореадоров от заражения крови.

ОСТРОВ ДЛЯ АВТОМОБИЛИСТОВ

В разгар туристского сезона в Венецию ежедневно прибывают тысячи автомобилей. Для строительства гаражей нет подходящего места в городе, который, как известно, и без того медленно погружается в море. Городские власти приняли решение строить гаражи и автостоянки на воде. Скоро в море будет построен первый свайный остров с высотным мотелем. Автоостров будет соединен с городом шоссе и железной дорогой.

К НОВЫМ РЕКОРДАМ

После жеребьевки выяснилось, что первым предстоит прыгать чемпиону из Сальвадора. За ним следовали представители Швеции, США, Англии...

Пятнадцать тысяч зрителей собралось на стадионе. С нетерпением ожидали они начала первенства мира, которое с 1928 года регулярно проводится в Калифорнии.

На старт вызывается первый участник. Стадион замирает. Прыжок! «Семь футов, пять дюймов!» — объявляет диктор. Стадион разочарованно гудит: результат значительно уступает лучшим достижениям года. Вновь и вновь в сопровождении тренеров выходят на старт участники соревнований — и вот, наконец, победитель. Им стал Туле Джим, который и получил первый приз — 350 долларов. Вернее, не он, а его хозяин, — этому спортсмену деньги ни к чему. Он, а может быть, она — обыкновенная лягушка.

СЕКРЕТ «КРЕМА КЛЕОПАТРЫ»

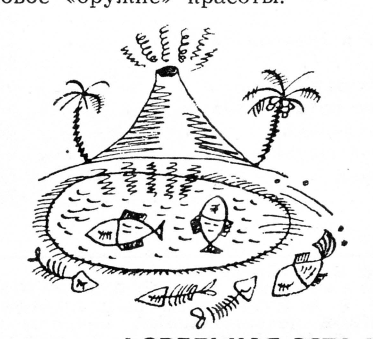
Каирские археологи нашли глиняную табличку, относящуюся к IV веку до н. э. с древнегреческим текстом. Выяснилось, что это рецепт очень редкого крема, которым пользовались знатные женщины древнего Египта. Таким же кремом умащалась и египетская царица Клеопатра, известная своей красотой.

Секрет «крема Клеопатры», как его назвали археологи, заключается в экстракте из луковицы одного растения, которое культивировалось в древности в Ливии. Сейчас группа агрономов из ОАР взялась найти это растение и вырастить его. Если опыт удастся, то в арсенале современных модниц появится новое «оружие» красоты.

ОЗЕРО-КАСТРЮЛЯ

На западной границе Республики Руанды есть озеро Киву. Около озера периодически действуют несколько вулканов, лава которых изливается в озеро. В кипящей воде варятся и рыба и водоросли. Когда вулкан затихает, местные жители выплывают на лодках и вылавливают вареную рыбу. Последний раз «уха» варилась в озере в 1948 году.

КУБОК СНЕС... СТРАУС

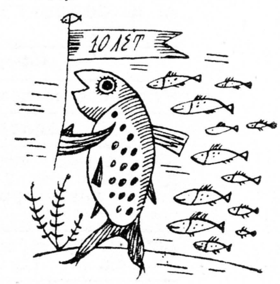
Кубок, который демонстрирует сотрудница берлинского Музея художественных ремесел, изготовлен из... страусового яйца. Его оправил в золото нюрнбергский золотых дел мастер Элиас Ленкер в конце XVI века.

Но этому необычному кубку не повезло. Во время второй мировой войны при перевозке экспонатов музея в укрытие страусово яйцо разбилось, осталась одна оправа. Искусствоведы музея обратились за помощью к директору Берлинского зоопарка. Прошло полгода, прежде чем зоопарк смог передать музею... новое яйцо, снесенное страусом «на заказ». Реставрированный кубок вновь появился в экспозиции музея...

„ФОРЕЛЬНАЯ ЭСТАФЕТА"

Студенты факультета рыбоводства одного из американских университетов выращивают «многолетнюю» ручьевую форель-тяжеловеса.

Обычно взрослая форель весит около 800 граммов, а рыба, которую выводят студенты, достигает 4—5 килограммов. Правда, в тяжелую весовую категорию она переходит не сразу — для этого требуется... 10 лет. Так и передает один студенческий выпуск другому эту «форельную эстафету». Каждая из подопечных форелей идет к финишу не одна, а со своим потомством: из ее икры за десять лет вырастет 8 тонн рыбы.

Рисунки **В. СТАЦИНСКОГО**

№ 7 ИЮЛЬ 1965

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Сущевская, 21. Телефоны: для справок Д 1-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 2-68; иностранный — 2-85; литературы — 3-93; науки — 3-38; иллюстрации — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

А02684. Подп. к печ. 8/VI 1965 г. Бум. 84×108 1/16. Печ. л. 5 (8,4). Уч.-изд. л. 12. Тираж 600 000 экз. Заказ 878. Цена 60 коп

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сущевская, 21.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Человек, который читал мысли

Элькано — первый капитан, обогнувший «яблоко земное»

Письмо Колумба не дошло до адресата

На первой странице обложки: ЗАПАДНЫЙ ИРИАН. *Плотным кольцом сомкнулись густые джунгли вокруг селений Асматского берега. Долгое время папуасские племена этого района были изолированы от всего мира болотами и джунглями, горами и ущельями. Одни лишь реки служили здесь средством сообщения между селениями.*

Сейчас правительство Республики Индонезии направило сюда своих учителей и врачей, геологов и строителей-дорожников.

На третьей странице обложки: Девушка-ополченка. Фото Нгуен Дин Фу (ДРВ). (Берлинская международная фотовыставка)

Цена 60 коп. Индекс 70142

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

ГОТОВИТ К ИЗДАНИЮ В 1965 ГОДУ

Книги серии

«Путешествия по странам Востока»

ИВАНЧЕНКО А., На запретных берегах. 12 печ. л. Цена 60 коп.
Путевые впечатления советского моряка о Южно-Африканской Республике.

КОРАБЕВИЧ В., У народов Восточной Африки (Сафари минги).
Перевод с польского. 15 печ. л. Цена 90 коп.
Занимательный рассказ польского этнографа о пребывании в Кении и Танганьике.

МАРШАЛЛ А., Мы такие же люди. Перевод с английского. 14 печ. л. Цена 70 коп.
Книга рассказывает о жизни австралийских аборигенов.

ОСТРОВСКИЙ В., Вести добрые. 10 печ. л. Цена 50 коп.
Как погиб «золотой Дракон»? Почему на Калимантане торгуют слезами морских коров? Об этом читатель узнает, прочитав веселую и увлекательную книгу, посвященную культуре и быту индонезийцев.

ШРЕДЕР В. и КЕНИГ Р., На мопедах по Африке. Перевод с немецкого. 17 печ. л. Цена 1 руб.
Авторы повествуют о необычайном путешествии, которое они совершили на мопедах, проехав 50 тысяч километров и побывав в 33 государствах Африки.

Книги серии

«По следам исчезнувших культур»

ЛИНДЕ Г. и БРЕТТШНЕЙДЕР Э., До того как пришел белый человек. (Африка открывает свое прошлое.) Перевод с немецкого. 18 печ. л. Цена 1 р. 10 к.
Кто раньше открыл Америку — европейцы или африканцы? Где была изобретена плавка железа? На эти и другие вопросы отвечает увлекательная книга двух немецких исследователей, посвященная истории Африки с самых древних времен.

СТАВИСКИЙ Б. Я., Между Памиром и Каспием (Средняя Азия и древности). 15 печ. л. Цена 75 коп.
О крепостях и дворцах древнего Хорезма, о таинственных курганах кочевых царей, о наследниках Александра Македонского в глубинной Азии и грозном сопернике Рима — Парфянской державе, о загадочном Кушанском царстве и замечательной скульптуре и живописи согдийцев рассказывает эта книга.

ЦЕРЕН Э., Библейские холмы. Перевод с немецкого. 23 печ. л. Цена 1 р. 40 к.
Роман о великих археологических открытиях (раскопки Ниневии, древней Трои, находка кумранских рукописей, тайна гробницы Тутанхамона и т. д.).

ШИФМАН И. Ш., Финикийские мореходы. 3 печ. л. Цена 15 коп.
Книга об отважных мореходах-финикийцах, открывателях новых морских путей, создателях первой в мире системы алфавитного письма.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ КНИЖНЫМИ МАГАЗИНАМИ, А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: МОСКВА, К-12, Б. ЧЕРКАССКИЙ ПЕР., д. 2/10, КОНТОРА «АКАДЕМКНИГА».

